

Пролог

Он вздрогнул и проснулся. Опять... опять этот сон. Сколько лет он уже снится? Не сосчитать.

Эта женщина. Та, из-за которой он когда-то ушел из дома и стал... тем, кем стал. Красивая? Он так и не разглядел, потому что во сне был туман. Но...

Ее губы. Ее руки. Смех. Они были такими настоящими. И совсем не похожими на объятия клановых наложниц. И в ее глазах не было глубоко спрятанного за показным весельем страха. Она была живой, без этого равнодушного отчаяния подневольных кукол.

Он рассеянно налил в серебряный стакан воды и залпом выпил. Ночь. Надо спать. Но вдруг она снова... Чего он боится? Что эта женщина опять придет в его сны или что... не придет?

Чужая и далекая, вместе с тем — родная и близкая. И эти ее прикосновения... возбуждают сильнее, чем самые изысканные ласки обученных невольниц. Женщина-загадка. Видение. Наваждение. Та, которой нет...

Глава 1

День был подозрительно безоблачный. Не сообщили в шесть утра, что вечернюю смену заменили утренней. Выспалась.

Доехала без пробок и легко припарковалась возле любимой государственной стоматологической поликлиники. Не постирала карточку от раздевалки в кармане халата, и никто не занял мой шкафчик, даже Толик-трудоголик — повышенная ответственность перед семьей, пониженная перед коллегами.

Коллега по смене — подарок. Ладно, почти подарок. Андрюша — добрый, вежливый мальчик из Орла, сердиться на которого невозможно. Даже когда не может за полчаса удалить зуб и мне приходится спасать двух бедолаг: Андрюшу и пациента.

Пациенты тоже радовали: хорошие люди с простыми проблемами, не забывшие почистить зубы. За четыре часа отправила на рентген лишь одного. Снимок удался с первого раза.

За окном понемногу стемнело. И начался парад подлянок.

Сначала позвонил Витасик. Исходя из своего печального опыта, время подобрал подходящее — проветривание кабинета. Вот только, как всегда, за пять минут до конца, и, как всегда, беседа вышла с натягом. Пациент уже доверчиво распахнул рот для анестезии. Заодно уши: интересно же послушать ангелов в белых халатах. И слышит мой стопятидесятиый диалог с Витасиком о том, почему я еще не бросила свою бомжатскую зубодерню и продолжаю лечить зубы оркам и гоблинам этого города.

Радует лишь то, что в кресле не пациент, а пациентка, к тому же возрастная, скорее всего, далекая от фэнтези. Лихорадочно вспоминаю фильмы и мульты, просмотренные с Катёнком, чтобы понять, существуют ли самки орков? Похоже, существуют, но пациентке это знать не обязательно.

Дама с нагноением корня так и не поняла, что бойфренд доктора обозвал ее монстром, и ушла на рентген.

Что же касается Витасика, он был отправлен в словесный игнор. Грубовато вышло. Но пусть научится понимать по интонации, что я погружена в процесс. В чужую пасть.

Следующий пациент был реальный орк, съевший тухлую лошадь и забывший почистить зубы. Мог бы извиниться! Нет, ведет себя будто когда-то дал мне в долг, выросли триста процентов, а я не спешу отдавать.

Короче говоря, когда закончилась смена, я была готова кусаться. Мечтала сбежать из клиники, не оставив за собой груды жертв, но и тут не повезло. Когда я уже накинула пальто и сдала ключ от кабинета, меня тормознул наш КсанКсаныч.

— Иевлева! Ты меня сколько еще завтраками кормить будешь? Все отделение уже санкнижки оформило, одна ты от коллектива отрываешься. Ну что за детский сад, в самом деле! — КсанКсаныч укоризненно покачал ухоженной бородкой и посмотрел на меня сквозь толстые стекла очков взглядом раненого муми-тролля. — Врач, а кровь на анализы сдать вовремя не можешь. Это даже бесплатно и без очереди, всего-то надо вовремя прийти в поликлинику. Неужели так трудно? Что за безалаберность?

У-у-у, завелся. Так-то наш зам-зав-глав мужик отличный, но зануда просто фантастический. И если не остановить его нотацию на старте, он мне еще полчаса по ушам будет ездить своими нравочениями.

— КсанКсаныч, да сделала я, сделала все, завтра принесу! — Я с самыми честными глазами проскочила мимо, ловко уклонившись от начальственной длани. КсанКсаныч имел злостную привычку уловить собеседника за пуговицу и держать, пока не заболтает до полусмерти.

— Иевлева! Только попробуй не принеси! — уже из-за захлопнувшейся двери услышала я, выскакивая на крыльцо.

Глубину катастрофы я осознала, когда отъехала от клиники. Отъехала не сразу. Обычная проблема тесных питерских парковок — какому-то пациенту нужна офтальмология, а не стоматология, и он радостно припарковался под знаком «только для персонала». Естественно, этот жук-олень меня заблокировал.

Отъехав от стоянки, я задумалась над веселыми перспективами. КсанКсаныч — феноменальный зануда с феноменальной памятью. Уже слышу его реплику при завтрашней встрече: «Здрате-

санкнижку-принесла?» Значит, кровь из носу, а кровь с утра должна быть.

Только как? Районная поликлиника закрыта. Это ж я наврала так отчаянно, просто чтобы он отвязался. И в тот момент не подумала, как буду решать проблему. Хотя... умному человеку с деньгами и закрытая бесплатная клиника не препятствие. Так, порядок. Остановиться, гугл в помощь, вбить в навигатор, доехать. Благо время уже ближе к десяти, пробок в нашем районе почти нет.

Ага. Тормозим. Ай, какие молодцы, даже щит у обочины светится. «Санкнижки, справки, анализы за час. Работаем 24 часа». И мерцающая стрелка, чтоб не заблудиться.

— Так уж за час, — проворчала я. Может, это компенсация за проблемный вечер? Счас проверим. Ну что, Лилия Юрьевна, шарашкина контора ждет нас? По стрелке, во двор, в подвал. Контора «Рога и копыта» от медицины. Однодневки... надо будет потом для очистки совести пойти и сдать анализы в нормальном месте. А сейчас — отмазка, чтобы КсанКсаныч мне голову не отъел.

Дверь с чего-то закрыта. Это называется «работаем 24 часа»? Ну, если я сейчас позвоню, а мне не откроют, будет весело. А, нет, пищит домофон, за дверью шаги.

Сразу стало понятно: шарашка здесь недавно. Свежая побелка, покраска и сильный дезодорант. Запах приятный — степь в жару, чабрец, зверобой. Не иначе, раньше была закусовая, где десятый чебурек жарят на одном масле. А толпа-то какая! Ничего себе! Это мне что, до утра тут сидеть? А куда деваться, с другой стороны. Сдать, получить, пропечатать, принести КсанКсанычу чертову санкнижку и записать потом в ежедневник крупными буквами: «Лекарство от склероза, дура! И нормальная санкнижка!»

Девушка в регистратуре удивила серьезностью подхода. Не так, будто вчера в маникюрном салоне работала, а сегодня раз — и в клинике. Новенький халатик, белая шапочка, маска на лице, так что цвета глаз почти не видно. Лучшая невеста для шейха. Впрочем, тут целый холл таких — как я поняла из мимолетно услышанных разговоров, какой-то колледж девчонок пригнали на медосмотр, прямо курсами. То-то такая толпа! Но работа спорится у ребят — девушки одна за другой так и мелькают в дверях процедурных кабинетов.

Медсестра на ресепшене заполнила мою анкету быстро, времени не тратила. Возраст, вес, группа крови, травмы, болезни. О работе еще. Парочка вопросов меня удивила. Хотела спросить: «В отряд космонавтов берете?» Но девушка тарыхтела клавиатурой с такой скоростью, что отвлекать ее я не решилась, а свое время тратить — тем более. Мне еще позвонить дочери сегодня надо. Катёнка расспросить о новостях юной взрослой жизни. Она только месяц как съехала к своему парню, все еще звонит каждый вечер поболтать с матерью о своем, о девичьем. А я и рада.

Как только анкета с негромким писком ушла вглубь компьютерной системы медцентра, меня пригласили в один из кабинетов сдавать кровь. Оперативненько... хотя и немного странно — я даже не сразу поняла, кто производит забор: лаборант или лаборантка. Тут не то что маска, тут мумия. Ну все, теперь, если верить девочке с ресепшена, надо подождать полчаса. Понимаю, на самом деле час будет. Ох, совесть-то покалывает, не люблю халтуру — ладно хоть кровь взяли, а всякие гинекологи-окулисты-неврологи будут на бумажке в виде разноцветных штампиков. А кому сейчас легко?

Раскинувшись в мягком кресле, я профессионально заткнула уши каким-то ненапряжным сериалом и задремала под аккомпанемент киношных реплик, девчачьего щебетания и собственных мыслей о том, как дошла до нынешней жизни и нужно ли что-то в ней менять. Даже не знаю, сколько времени медитировала, пока дрему не прервал хрипловатый голос из динамика:

— Ивлева, пройдите в кабинет № 6.

Ну, встала и пошла. Еще подумала: почему на регистратуре справку выдать не могут? Что за странная организация работы? Я ж сквозь дрему слышала, что девушек тоже вызывали по кабинетам, но не всех, а человека два-три из группы. А остальным выдавали справки на ресепшене. В чем прикол?

Я открыла дверь в ка... Нет, это еще не кабинет. Это короткий тамбур, с лампочкой, которая не светит, а имитирует освещение. Дверь закрывать не стала, так она любезно захлопнулась за спиной. Вроде даже будто щелкнуло. Замуровали, демоны?

Нет. Дверь в кабинет оказалась не заперта. Господи, что за шарашкина контора со странностями? Чтоб я еще раз, клуша беспамятная, в такую авантюру ввязалась. Ведь КсанКсаныч месяц нудел, а я все откладывала. Дооткладывалась.

Первая мысль, после того как я все же переступила порог кабинета: здесь на дезодорантах экономят. Что их тут, затопило, что ли? Запах какой-то болотный. От такого запаха ноги вязнут, будто попала в жижу.

Да, правда, заплетаются немного. И язык заплетается. Что жалко, потому что я хотела сказать им насчет антисанитарной обстановки.

Только ничего сказать не успела. И не разглядела тех, кто ждал меня в кабинете. Еще подумала: что за дурная шутка с зелеными масками? И почему они не говорят, а цокают-щебечут, как голодные синички?

...Яркий свет в глаза. К лицу прижали какую-то тряпку. Это уже не болото, это болотный концентрат.

Всё, ни света, ни запаха, ни цоканья. И, наверное, на морде у этого гада-главврача не маска. Это его настоящее обличье.

Зеленое, отвратительно воняющее плесенью болото накрыло меня с головой.

Чпок!

Глава 2

— Ц-ц-ц! Р-р-р-рчак-чак! Ц-цвыш-ш-ш! Куа-акц! Куа-акц!

Сквозь дикую головную боль мне все время мерещилось это противное цоканье и кваканье, словно я во сне провалилась в болото на репетицию хора сумасшедших лягушек. Черт, как я умудрилась заснуть в такой неудобной позе? В одежде, что ли? Почему у меня ощущение, словно я по рукам-ногам спеленута и меня куда-то несут, покачивая?

В правый висок почти у линии волос вдруг впилось что-то, больше всего похожее на особо откормленного комара. Ай! Черт, не столько больно, сколько неприятно, и зудит страшно. Даже головную боль почти перекрыло. Что за дрянь?

Тогда почему так воняет плесенью и совсем не пахнет лесом? Ничего не помню. Я попала в аварию в лесу и меня несут на носилках в скорую? Вспомнила: какие-то анализы должна была сдать. Ничего, теперь бесплатно сделают.

Сознание попыталось уплыть обратно в болотную дымку, но я усилием воли его удержала, прикусив до крови губу. Солонато-пряный привкус во рту неожиданно подействовал отрезвляюще, даже слишком. Мало того что мгла перед глазами начала редеть, так еще и бесконечный цокот над головой вдруг стал распадаться на знакомые слова.

— На заклятия проверил?

— Сразу, как только провалилась. Чисто. Эти шкрышцы с Чакра колдуют хуже, чем ты летаешь.

Странно. Одни слова сразу понятны. Другие... Нет, кто-то подсказал в голове, что шкрышца — небольшое дойное домашнее животное, а Чакр — место, откуда я к ним попала. Или Петербург. Или Россия. Или планета Земля. А еще мы, шкрышцы с Чакра, колдуем хуже, чем этот урод летает. Значит, он не летает.

Еще страньше — почему я, блин, не ору: «Поли-и-иция, спаси-и-ите, меня похитили-и-и-и!», а спокойно рассуждаю. Только глаза как следует открыть боюсь, подглядываю сквозь ресницы. А потому, что полиция осталась в моем Чакре. Если же это какой-то бесконечный наклонный бункер, а меня тащат двинутые маньяки, то полиции тут тоже нет.

Ну и главное: эти маньяки, или нечисть не от мира сего, не знают, что я в сознании и их слышу. Иначе не разговаривали бы при мне так свободно. И это единственное хорошее, если в моей жизни еще что-то хорошее осталось.

— Оружие?

— Не. Я у этой козы мешок сразу проколдовал: ни лезвия, ни яда.

Что за мешок? А, это моя сумочка. Я ее чувствую, ремешок все еще обмотан вокруг запястья, и рельефная металлическая пряжка приятно холодит пальцы. Ну да, если бы ее не было, значит, уже рука оторвана. Иначе бы не отдала. Рефлекс у меня — там не только карты, деньги и документы, но и вообще самое необходимое для жизни. Помру, а не отдам. Кстати, автопереводчик в болящей башке окончательно настроился, раз «шкрышцу» переводит как «козу».

— Давай постоим, понутрим ее мешок, вдруг что ценное есть?

— Тебя верблюбык лягнул? — так перевелось местное животное. — Забыл контракт? Коза из Чакра передается хозяину со всей одеждой и грузом. Узнает, что в вещах рылись, — получит товар бесплатно.

Услышав это, я сперва обрадовалась — значит, поганой лапой в сумке не шарили. Но вот насчет хозяина... что еще за хозяин? Они совсем с дуба рухнули — сорокалетнюю тетку в гарем продавать? Ослепли, что ли? Не, я еще внешне очень даже ничего, но на юную девственницу точно не похожа.

— Ты ей амулет языков впечатал? Нормальный, шнур тебе под хвост, или, как в прошлый раз, с черного рынка дешевку приволок, а разницу на пиво? Еле сбагрили потом дур, у которых то эльфийский заедает, то вампирий клинит.

— Отзынь... нормальные, лицензионные руны. Сразу же впечатал, как всем чистокровкам, — ответил пиволобивый блюститель контактов. — Пришлось поторопиться с этой партией. Аукцион уже скоро, а надо, чтобы до того, как она вечный ошейник получит, часа три прошло. Иначе от двух амулетов могут из головы все мозги вылететь.

Опять чуток позитива: меня ценят настолько, что снабжают лицензионными рунами и берегут мозги, то есть как минимум не сожрут в ближайшие несколько часов. Поставили персональный

переводчик. Но вот насчет хозяина — это совсем радости мало. Это что еще за новости? Тем более вечный ошейник. Звучит угрожающе.

— Клади ее и пошли. Скоро новая доставка. В этот раз на аукцион господин Раймош заявился, ему минимум три штуки понадобится.

— Тьфу, только зазря чистокровок переводит на свое вампирье потомство, кровопивец. Душа болит, такие годные девки...

— Ничего, платит он исправно, а дальше не наше дело. Кстати, Де Крассоны из Нижних Клыков тоже пожаловали, наследник у них созрел. Эти выбирать будут еще придирчивее.

— Ну дык. Чистое чрево для продолжения рода — это тебе не просто дорогую куклу помять, это дело важное... Ладно, порядок. На доске ровно, ничего себе не отлежит, так что, когда придет в себя перед самой продажей, хромать и косоротиться не должна. Голову ей тока поправь... а то помнишь, в прошлый раз была одна, из обычных дикарок, но в наложницы которая, все плечом дергала и кривилась. Чуть не отбраковали, а потом оказалось, что у нее просто шея затекла. Иех, всему-то тебя учить надо, бестолочь. Ничего, молодой ишшо, быстро освоишься. В нашем деле главное — товар свежим подать. Еще раз попробуешь, жопа зеленая, на языковых рунах сэкономить — хвост оборву и на шею завяжу вечным узлом, понял?! Это тебе не грязные девки из леса, которым всеобщий вшить — и хватит с них. Это сокровища рода.

— Да понял, понял...

Меня опустили на какую-то плоскость средней жесткости. Вовремя: нос зачесался. Чихнула бы — и они убедились бы, что их груз слышащий.

Шлепающие шаги удалились. А я осталась обдумывать целый ворох информации, вывалившейся на мою голову.

Так-так-так. Отставить панику. Отставить, я сказала! Понятно, что ничего хорошего со мной не произошло, а совсем даже наоборот. Во-первых, здесь торгуют людьми. Как минимум женского пола. Во-вторых, есть хорошие хозяева — для них я обязана рожать. Горбатиться тоже, эксплуатировать — так по полной. И плохие — у них эксперименты. Или, не знаю, еще чего похуже. В-третьих... в-третьих, хватит философствовать, как Робинзон Крузо на пляже. Валить надо. Это у мужика на острове времени был безлимит. А у меня — до начала аукциона. Надо делать ноги, причем быстро-быстро. Уж вряд ли будет хуже.

Почему нет? А если поймают? Скажу, что сама шла в аукционный зал, заблудилась. Извините, проводите. И вообще, подписку не сбежать я не давала. Да, и насчет хорошего: руки-ноги не связаны, и я всех понимаю. Какую-то руну мне припечатали, причем не где попало, у ведьмы на болоте купленную, а дорогую и лицензионную. Как породистому щенку клеймо...

Всё это я думала, уже стоя. Делая простейшую гимнастику-разминку. Ручки вытянуть, присесть, подняться. Повертеть глупой головушкой, которая меня сюда завела. А ведь знала, знала, что попытка схитрить и проскочить мимо правил на халяву никогда ничем хорошим не кончается! А-а-а, чего теперь сожалеть, прыгать надо. Немного вращательных движений, еще приседание. Всё в порядке, кроме головной боли.

Да, в сумочке нурофен! Капсулу в рот, глоток воды — экономим. Мало ли когда мне еще нормальная питьевая попадет. И в путь.

Куда? Туда, откуда дует легкий, но все же ощутимый сквознячок. Пещера не дикая, под ногами ступени, ведущие вверх. Значит, нам туда дорога.

Тем более — или глюк, или вдали, где-то в конце длинного темного коридора, забрезжил огонек. Вот бы еще голова побыстрее перестала болеть и кружиться... Но мне уже полегче, должно быть, нурофен уже начал действовать.

Глава 3

Осторожно, но довольно шустро пробираясь вдоль влажной стены по темной норе, я все пыталась заставить свой мозг отвлечься от того, какой глобальный звездочек приключился в нашей с ним общей жизни, и заняться делами исключительно сиюминутными: шагать по неровному полу так, чтобы ноги не переломать, за сумочку держаться так, чтобы не посеять где-нибудь, и сосредоточенно желать головной боли скорейшего и плодотворного путешествия к тому, кто меня сюда затащил. И вот пока я всем этим занималась, коридоры сменялись один другим, поворачивали, разветвлялись, опускались еще ниже под землю и снова вели вверх неровными, выщербленными ступеньками. А потом взяли и кончились. Так внезапно, что я едва не вывалилась из норы в огромную, тускло освещенную пещеру с невидимым потолком. Прямо под ноги целой толпе самых разных существ.

Разных и о-очень странных. Вот прямо один вид их убил во мне последнюю надежду на то, что это все какое-то дурацкое недоразумение и меня по ошибке украли турецкие сутенеры для бордельных утех. По ошибке — потому что на фигу им тетка за сорок, когда по улицам толпы молодых и красивых бегают.

К счастью, эти существа двигались в режиме сотрудников офисного центра, которым начальство только что вставило мощного пистона: все по своим делам, все бегом, никто никому не интересен. Пока один в другого не врежется — не заметит.

Я минуты две полюбовалась на этот базар-вокзал и быстренько дала задний ход, в нору. Огляделась. И сразу нашла шанс на более подходящую точку обзора. Узкий коридорчик вел куда-то в сторону, вдоль стены и наверх. Быстренько поднялась, вышла на балкон, галерею — неважно. Неважно и для чего она здесь — для оркестра, осветителя или снайпера. Главное, архитектура удобная, даже с бортиком, за которым можно присесть. Так, ну что, высовываем нос? А куда деваться...

Пригляделась и поняла — все чужое, незнакомое, страшное и совсем не как у нас. Была бы душой, сказала бы себе, что сплю. Но душой мне быть нельзя, меня продать хотят.

Освещение — прикольное, движущееся. По стенам ползают световые пятна, какие-то лампа-жуки. В центре пещеры летают светляки, размером с голубя. Что-то вроде старинной дискотеки, со светомузыкой, но без музыки. И вообще, все это театральный зал со сценой-помостом у самой дальней от меня стены пещеры, и освещен этот помост лучше зрительских рядов.

Зрители-артисты — кто угодно, только не люди. Больше всего человекоподобных существ с зеленой кожей. Похоже, они здесь главные.

Одеты в бурые спецовки, не знаю, из какого материала, наверное, как у нас спецовки — что-то прочное и немаркое. Ходят сутуло, смотрят в пол, привыкли беречь головы от низких потолков.

Сцена освещена лучше всего, потому что над ней жуки не летают свободно, а висят на поводках, лапками дрыгают. Ближе к помосту кресла, в них сидят существа почеловечней, если так можно сказать. В черных плащах, в белых простынях. У древних римлян они тогами назывались.

Для чего сюда явились эти белые и черные, я одновременно увидела и услышала. Раздался голос с такого же балкончика, только на другой стене, ближе к сцене.

— Торг открывается, торг открывается, торг открывается!

Ой, блин. Чуть не оглохла! Акустика у зала хорошая, чтоб ей ни дна ни покрышки... Интересно, они не боятся, что им каменный свод на голову упадет от таких воплей?

— Сейчас вам будут предложены трудяги с Западного Побережья. Свежие, сильные, полнокровные.

Показалось или нет, что белые простыни и черные плащи удивленно переглянулись?

— Потом вас ждут рабы из Города, опытные в услугах, послушные хозяевам.

Так, подумала я с некоторой злостью: одни рабы свежие и сильные, другие — опытные и послушные. О силе и полнокровии ни слова...

— А потом на помост взойдут цветы и звезды нашего торга — красавицы из таинственного мира Чракр. Всего четыре девушки, четыре чистых чрева из мира короткоживущих!

Не сразу сообразила, что это за таинственный мир «Чракр», но допетрила, что чистым короткоживущим чревом обозвали наверняка меня и моих соседок по очереди в том распроклятом медцентре. А еще заметила, как оживились Плащи и Простыни. Ха, наверняка они хотели красавиц вывести с самого начала, их и ждали. Но что-то пошло не так.

Что пошло не так? Ха-ха, в смысле не смешно, наверняка эти зеленые уроды умеют считать до четырех и недостатку уже обнаружили. Чрево на ножках встало на эти самые ножки и того... убежало. Спихватились. И если я не хочу на этот помост, надо выбираться из пещеры. Я красавица, я ценная, я чистая и все такое. Даже если поймают — сразу не убьют, то есть хуже не будет. А вот если сидеть сиднем на одном месте, шанс поработать чревом угрожающе растет.

Тут, будто мне в помощь, в углу пещеры, слева от помоста, изменился свет. Стало чуть ярче, как будто уже не светляки с жуками, а настоящее светило, местное солнце. Так-так-так... а там ведь ворота! Огромные, окованные железом и окрашенные в цвет каменных стен, потому я их сразу не разглядела, пока их не приоткрыли. Хочу туда! На солнышко! Подальше от зеленых сволочей и Плащей с Простынями. Ну-ка... ага, если вдоль стеночки и вон там за тюками, а потом попластунски... так, а вон там опять чуть выше галерейка с бортиком... шанс есть.

Еще раз спасибо доброй судьбе за камуфляжное пальто и бескаблучную обувь. Убегать от работорговцев в белом пальто, юбочке и на каблучках — это даже не смешно.

Так что ползла я вдоль стеночки, пока что успешно еще и потому, что народ в пещере был по уши занят своими собственными делами. На помост вытащили каких-то фиолетовых бугаев с рожками. В зале ажиотажа это не вызвало. Распорядитель выкрикнул цену — двадцать каких-то дублей за всю партию в пять штук, покупатель нашелся, никто больше не предложил, и началась передача товара. На помост поднялся бородатый шибзик вроде гнома. Рядом — человечек повыше, в белом плаще. Плащ протягивал руку, касался бугая. Тот вздрагивал и глядел на гнома, будто впервые увидел отца родного, которого всю жизнь искал.

Мамочка, со мной тоже так будет? Не-е-ет.

Еще меня удивила экономия на секьюре. Рабы — бугаи, а зеленых надсмотрщиков только два, да еще третий рядом, с каким-то гайшным жезлом. А если бунт?

Тут один еще не усыновленный бугай будто мои мысли услышал. Рванулся от Плаща, сбил ближайшего стража, подскочил к краю помоста.

Не успела я пожелать ему удачи, как третий страж направил на беглеца жезл. Показалось, что кнопку нажал. Вылетела зеленая звездочка, и бедняга повалился на краю, корчась, как если бы одновременно получил 220 вольт и выпил уксусно-игольчатый коктейль. Стража его за ноги оттащила, и Плащ проделал операцию уже на лежащем.

Четырех фиолетовых угнали, пятого — утащили, а со стороны ворот появилась следующая партия невезучих. Все покорные, унылые, даже без цепей. Ничего плохого или хорошего от жизни не ждут. Среди них выделялся громадный серокожий великан с лицом огорченного булыжника, но он тоже мирно шаркал босыми пятками по каменному полу и не пытался рыпаться. Правда, его с двух сторон страховали зеленые жлобы с жезлами, шли по левой и правой обочине примерно в паре метров от великана, направив на него свои палки. Так что все было тихо-мирно-грустно.

Глава 4

Ан нет, одна парочка с эмоциями. Бабка в лохмотьях, с морщинистым лицом цвета моего пальто, и детеныш — посветлее, но в целом похожий. И вот этого внучка обслуживающий персонал здешнего аукциона за каким-то бесом решил от старушки оторвать. Наверное, в оптовую покупку не поместился или шел по другому прејскуранту, как молодежь, не знаю. Но при первой же попытке оттащить пацана от старухи эти двое вцепились друг в друга мертвой хваткой и заголосили на всю пещеру. Со слезами и с таким отчаяньем, что мне аж нехорошо стало.

Я даже отдельные крики разобрать смогла: «Не разлучайте нас, я работать буду за двоих! Вашими и моими богами клянусь!» Уже вжимаясь в стену, я буквально зубы себе искрошила, пытаюсь успокоить бунтующие мысли: «Лилька, не лезь! Лилька, и им не поможешь, и сама пропадешь! Чтоб вам всем флюс до самого геморроя, сволочи зеленые!!!»

Зеленый стражник рядом с пленниками только гоготнул:

— Господа, не слушайте старую дуру! Любому рабу плетку покажи — он отлично работать будет, особенно в ошейнике!

Пацан-то, между прочим, не кричит. Но по лицу видно — звереет.

Один из стражей дубинку поднял, замахнулся...

Вот чесслово, если бы перед этим не задела ногой какой-то булыжник, то просто отвернулась бы. А так — нагнулась, подхватила и ка-а-ак швырнула! А, к черту все, не могу смотреть, как сволочи людей мучают! Получай, гад жабомордый!

Ой! Попала. Мамочки, попала! Только не в зеленого жлоба с дубинкой, а в того урода с жезлом, что мимо как раз шел и страховал серого великана. Прямо по башке ему моим булыжником прилетело, так он враз забыл про свои обязанности, взвыл, согнулся, стал щупать — на месте ли зеленые мозги.

И в этот момент спокойствие в пещере как-то разом взяло и кончилось. От слова «совсем».

Первым делом пацан прочухал свой шанс, отцепился от бабки и рванул к нему со всех ног. К тому самому жезлу, который уронил мимоходящий стражник. И одновременно с этим серый великан, обнаружив, что болючая бяка с одной стороны исчезла, включил на полную мощность свои каменные мозги, радостно взревел, подпрыгнул на месте (аж пол затрясся) и ломанулся в толпу, размахивая гигантскими кулаками направо и налево, походя снося и второго своего стража, потому что силы одного жезла явно не хватало, чтобы усмирить громадину, но хватало, чтобы окончательно ее разозлить.

Что тут началось! Заорали вообще все — и рабы, и их надсмотрщики, и даже, кажется, жуки-светильники под потолком. И вся толпа принялась метаться по пещере как чокнутые мыши. Одни только сволочи с жезлами пытались хоть какой-то порядок навести — даже стража, что в этот момент тянула створки массивных ворот, бросила свое занятие и ломанулась следом за взбесившимся булыжником.

Вот он, мой шанс! Там, за железными дверями, — солнце и, возможно, свобода! И в суматохе можно не красться, а бежать! Ну, я и решила, что надо дурь свою в зубы и вперед — не тормозить! И-и-и помчалась вдоль стены, перепрыгивая через разные камушки, свертки, упавших в толчее зеленых и прочие препятствия. К воротам. Они стали открываться сами собой — привратный персонал вовлекся в движуху и больше не тянул створки. Лилька, давай-давай, шевели ногами! Больше солнца-а-а!

Уже практически пробегая мимо места, с которого и началось побоище, я вдруг споткнулась глазами о все еще бессильно лежащую на каменном полу старуху и мальчика, застывшего над ней с жезлом в руках и смертельной решимостью на зеленой физиономии. Ишь, зубки оскалил...

Уже потом, позже, я придумала вполне логичное оправдание собственной глупости. Вот, мол, добежала бы до ворот, выскочила на свет, и... и что под этим солнышком мне делать? Раз мне вкатили этот амулет языков и я стопудово пойму тут любого без труда, надо взять гида. Живого, так как аудио не предлагают. А кто лучший гид, чем товарищ по несчастью?

Но это потом, потом. А в этот момент я вообще ни о чем не думала, просто, как полоумная муха, метнулась с прямого пути к спасению, чтобы схватить старуху за лохмотья и рывком поднять на ноги. Она легенькая оказалась, как ребенок, и лилипутского росточка — носом мне в подмышку.

Еще увидела, как пацан именно в ту секунду как раз распорядился жезлом: крутанул что-то вниз, и оттуда шарахнула зеленая звезда в зеленого урода, рванувшего нам наперерез. Тот шлепнулся

прямо с разбегу и исполнил танец пресмыкающегося на полу.

Я крикнула бабке:

— Бежим втроем!

Бабка мигом перестроилась от отчаяния к подвигам. Схватила меня за руку. Тоже крикнула:

— Игги, бежим!

Малыш тоже перестроился от мести к спасению и без лишних слов кинулся в сторону солнышка. Стражников у ворот-то не осталось! Туда мы втроем и выкатились. За спиной продолжался дурдом с плясками, но нам троим он был не интересен.

Солнце оказалось ярким и жгучим, это я поняла на бегу. Чтобы полететь charterом на такое солнышко, на такую жару, сейчас на моем родном и промозглом Чракре платят немалые деньги.

Так, не расслабляемся! Я только что приплюсовала к побегу дополнительный криминал — нападение на полиция, помощь другим рабам. Теперь отсюда подальше.

Похоже, мои спутники думали так же. Пацан стал лидером группы, вырвался вперед, цапнув бабусю за лапу, и мы помчались цепочкой вдоль неширокого плато, на которое и выходили железные ворота пещеры. А кругом горы, небо синее, воздух, красота... и какие-то зеленые уроды на соседних возвышенностях — как заорут хором, как давай бежать в нашу сторону. Упс.

Из всех малых архитектурных форм, прилегающих ко входу в пещеру, мое внимание привлекло нечто вроде парковки. Хотя ее можно было принять за выставку психоделического животноводства. Какие-то твари в упряжках, какие-то без. Малыша они не интересовали, он тащил нас мимо.

Потом резко свернул в горку, и не успела я задохнуться и выругаться на десяти ступенях, как он достиг цели. На площадке стояла обособленная тварь — какой-то толстый зеброосёл, только с желтыми полосками. Ни повозки, ни седла, зато на спине конструкция из ремней удерживала большую корзину с местами для сидения. Не знаю, какого дизайнера ради, на морду скотине по уши был натянута черный мешок с нарисованным серебристым клыком.

Если охраны рядом с остальными средствами передвижения я не углядела, то осла держал под уздцы хмырь в черной ночнушке с патологическими клыками. Увидев нас, он удивился больше, чем я. Потом рыкнул, выхватил клинок, замахнулся...

Пацан на секунду застопорился и дальше продемонстрировал мне живую мою любимую сцену из Индианы Джонса: пока Ночнушка махал саблями, малец просто пристрелил его из жезла, не подходя на опасную дистанцию. Зубастый хмырь покатился с холмика, раздирая рубашку.

Бабушка тем временем положила руку на шею тоже немного удивленной скотине. Мне послышалось:

— Будь легким. Будь послушным. Да помогут нам ветра.

Пока я старалась понять, что это за ритуал перед угоном, скотина подогнула колени. Старуха заскочила в корзину, я следом. Парень ловко вскарабкался по упряжи и уселся впереди. Протянул руки, сорвал мешок с морды животного.

И тут произошло самое удивительное. Зеброосёл встал, сделал несколько шагов, причем прямо к краю обрыва. Примерился и, не успела я пискнуть, прыгнул, как кузнечик. А-а-а-а! Мама-мама, это что за зоосуицид?! Я жить хочу! Черт!!!

Глава 5

В какой момент раздался хлопок и из боков копытного выскочили два крыла, я не уловила. Только поняла, что мы перестали падать, потому что мой желудок прекратил попытки выскочить у меня из ноздрей. Чертов полосатый осел с нереально маленькими для такой туши крылышками не рухнул в пропасть, а самым непонятным образом набирал высоту и спиралью ввинчивался в бледное небо. Культияками своими он не махал, скорее маневрировал. И летел!

Кажется, вовремя. Останься мы на площадке перед воротами, были бы смяты людским потоком. Или человекоподобным — неважно. Толпа выскочила из пещеры и кинулась по дорожке. В толпе бежали знакомые уроды с дубинками, изредка пытаюсь дерябнуть разрядом то одного беглеца, то другого. Но выскочить вперед и встать стеной на пути побега они не решались. Еще бы — сто пудов их бы затоптали, наплевав на судороги от жезлов. Меня это обрадовало — и чудища со сцены на свободе, удачи им в их устремлениях. И нами займутся не скоро.

Разобравшись с одной проблемой, я принялась оглядываться и пугаться других.

Наш ишачий пегас, к счастью, взлетал не вертикально, а под углом в сорок градусов и по спирали. В корзине были четыре плетеных сиденья-кресла, не считая кучерского, занятого пареньком. Как в любой нормальной земной машине, я сразу увидела ремень безопасности — на сиденье лежал свернутый шнур, прикрепленный сбоку к основанию. Я быстренько размотала его, нашла карабинчик, колечко с левой стороны, застегнулась. Уф.

Вовремя! Пегас уже набрал изрядную высоту и искал свой воздушный коридор резкими маневрами, отчего кренился то влево, то вправо. Если бы не ремень безопасности, то я уже успела бы крикнуть путникам «пока». А так лишь болталась вместе с корзиной и любовалась здешними видами в условиях относительного дискомфорта.

Я сразу поняла: пещера была на окраине огромного города, похожего на апельсин в разрезе — этакий гигантский круг, поделенный на сектора-дольки. И мы летим в его центр. У меня, не знаю, с какого перепуга, иногда рождается двойной взгляд: вижу сразу мелкие детали и какие-то общие контуры. Проектами мне надо заниматься, если бы не лень, а не в чужих зубах ковыряться!

Вот и сейчас. Вижу с удобной обзорной высоты в полкилометра башни, круглые и конусные, какие-то выдающиеся здания, может, дворцы и храмы. Некоторые будто запущенные, чуть ли не деревьями поросли. Хотя внизу разная жизнь.

И одновременно общее наблюдение. Про тот самый апельсин или торт, нарезанный на пять кусков, с отдельным, не разрезанным центром. У каждого куска свои флаги. Мы покинули черно-зеленый сектор — видимо, пристанище уродов-работорговцев. Слева мелькнули бело-зеленые флаги, с правой стороны — черно-красные. Под нами был именно центр города, и здесь дома были без флагов, зато улицы особо оживлены. А далеко впереди — бело-черные флаги.

— Он летит в дом вампиров, — безо всякого испуга констатировала бабушка. Вот, блин, только вампиров мне не хватало для полного счастья. А нельзя к ним не лететь? А, можно.

Внучек не растерялся и начал стопорить экипаж. Надел предусмотрительно сохраненный мешок на морду ослу, тот замер и перешел в режим вертикального, но в меру медленного спуска, редко взмахивая крылышками. Пару раз пацан снимал мешок, чтобы пегас продвинулся вперед и чуть в сторону, повинувшись вожжам, но тотчас надевал. Я почти сразу разглядела импровизированный аэродром: пологую крышу высокого здания. К счастью, пустую, не считая не слишком привлекательных статуй и выросших рядом кустиков.

Еще пара взмахов — и ослик приземлился. Сначала я освободилась от «ремня безопасности». Мало ли что взбредет в башку этой скотине, хотя парень уже надел ей мешок на голову? Как скакнет...

Мои спутники тоже сошли на землю, если таковой можно назвать крышу, напоминавшую заброшенный газон.

— Храм проклятого племени, — сказал пацан. — Здесь быть плохо. Если поймут — будет хуже.

Бабуся оказалась многословней. Она села на корточки, коснувшись одной лапкой крыши, а другую подняв вертикально.

— Благодарю тебя, спасительница. Пока меня носит земля и греет солнце, я не забуду твой милостивый поступок. Ты всегда можешь просить меня в нужде, и пусть отсохнет этот язык, если я тебе откажу.

«Браво, браво, ну что вы, право», — подумала я, но прерывать не стала. Во-первых, может, это не принято. Во-вторых, насчет нужды — актуально. Я не знаю, что здесь пьют, что едят, кто может

обидеть (похоже, каждый). И вообще, как это место называется. Ясно только, что не Земля.

Паренек времени не терял. Он подошел к ближайшей башенке, пару раз стукнул кулаком, а потом двинул ногой, как заправский футболист. На секунду его скрыло облако ржавой пыли, грохнула выбитая дверь, и образовался черный проем.

— Если не уйти — увидят, — сказал паренек и схватил осла за упряжь.

Я взглянула в небо и заметила две точки, не очень маленькие. Они летели по дуге, и одна уже скоро оказалась бы над нами. Поэтому я без особых раздумий поспешила за старушкой, уже скрывшейся в темном проеме. Там щерилась побитыми ступеньками каменная лестница.

Крылатый осел оказался не слишком упрямой скотиной. На морде мешок — значит, надо слушаться. И с лестницей повезло. Хотя ступеньки от времени полусосыпались, ноги переломать нам не грозило. Ее освещали несколько щелей, то ли по задумке зодчего, то ли кровля прохудилась. Судя по ширине, прежде на крышу поднимали какие-то крупные грузы, наверняка вот на таких же зеброослах с крылышками. И таскали их вниз вот по этому проходу.

Низ лестницы был почти не освещен. Поэтому пацан нащупал дверь своим кошачьим зрением, так же грубо, пинком, открыл. В зале, куда мы вкатились, со световыми щелями оказалось чуть лучше. Храм, наверное, был интересен и красив — статуи, росписи, но я благоразумно смотрела под ноги. И не зря. На полу лежал скелет. И не один. Пол храма напоминал костехранилище, причем запущенное. Не то чтобы оскаленные зубы, как в ужастиках, но хорошего мало.

Тоже мне, храмы строят, на дворниках экономят. Впрочем, это же проклятый храм, тут и должно быть страшно и грязно. Или страшно грязно.

— Не бойся. Никто не станет тратить силу, чтобы они встали, — успокоил пацан, небрежно кивнув на скелеты. Ну спаси-и-ибо. То есть тут бывают и такие, которые встают? Зашибись, как здорово! Так, валим. Вон дверь наружу.

Ступени храма и ближайшие окрестности заросли высоким раскидистым кустарником. И почти не колючим — любезно с его стороны. К ступеням вела тропка, судя по состоянию, не очень популярная.

— Здесь нельзя жить, — сказал парень. — Это проклятый удел. Прийти ненадолго, найти, унести и продать — можно. Но стражам остролистого лучше не попадаться.

«Ну да, цветочки с могилки тут набрать можно, а все остальное уже украдено до нас», — подумала я, разглядывая окружающее запустение. Судя по взломанным дверям и вывернутым могильным плитам, таких умников — охотников за древностями за века тут побывало много.

Пока все складывалось не так и плохо. Если бы не болела голова. Еще на крыше я почувствовала неприятный гул в ушах, на затылок словно натянули влажную и горячую ватную шапку, а в висках застучало. Черт. А, нет, нуروفен же есть. Достала упаковку, отметила, что в ней три блистера и только один почат. Это радует. На всю жизнь не растяну, но на первых порах обезболивающее, пусть слабенькое, точно не помешает.

Кинула в рот таблетку, достала бутылку. Отхлебнула, поймала взгляд старушечки, подавила секундное сомнение, протянула. Та удивленно оглядела пластик, потом дала внучку, тот жадно отхлебнул и отдал обратно, старушка допила.

— Мы найдем воду, — сказала она, возвращая пустой сосуд. Ободренная обещанием, я засунула его в сумочку и спросила:

— Почему этот храм проклят?

Вообще-то в голове крутился другой вопрос: что это за мир хренов? Но нельзя же так прямо.

— Это был храм людей — сильных и беспощадных магов, — ответила старушка. — Люди владели этим миром и держали в покорности остальные расы. Когда народы восстали и захватили Город, маги людей отступили в этот храм и лишили себя жизни, породив Великую кару. Теперь в Городе живут пять народов, а часть посередине осталась ничейной. Здесь торгуют и живут те, кто не принадлежит одному из пяти Домов. А тут — проклятый удел и жить нельзя.

«Ну как обычно, люди всех заугнетали, и им устроили революцию. А они напоследок дерябнули какую-то свою ядерную бомбу. Все ясно и понятно, — подумала я. — И как всегда, после революции особо лучше не стало, если судить по рабскому аукциону в подземелье. Как, кстати, эта парочка попала на него?»

Я подумала-подумала, да и спросила об этом вслух.

— Мы жили далеко от проклятого сердца мира, вольным племенем, на берегу реки. На поселок напали охотники за рабами. Мой муж, я и Игги, — показала она на паренька, — попали к одному хозяину. Муж был искусным мастером над корнями силы, поэтому нас держали вместе. Мы были полезны хозяину и уже долго жили в Городе. Но недавно мой муж умер, хозяин сказал, что на нового садовника нужны деньги, поэтому нас решили продать.

Пока бабушка рассказывала, мы выбрались из зарослей.

— Тут проклятый удел кончается и начинаются Ничейные кварталы. — Бабулька покрутила носом и спряталась обратно. — Пусто. Хорошо. Можно уходить.

Малец, который тащил за собой в поводу нашего ослика, тоже высунул голову из-под куста, осмотрелся и вдруг сдернул у животного мешок с морды, ловко шлепнув его прутом по крупу.

— И-и-их-х-хи-и-и! — взвизгнул он, как-то особенно добавив в голос противности. Осел в ответ на такое подпрыгнул, заржал и галопом унесся по заброшенной улочке.

— Его ищут, — пояснил парень на мой недоуменный взгляд. — Нас тоже, но он стоит дороже, поэтому искать будут сильнее. Пусть бежит и погоню уводит.

«Спасибо, утешил», — подумала я и вслед за бабкой зашагала по первой улочке Ничейных кварталов.

Глава 6

Лимеас из клана Остролиста

Начальник приходит на службу раньше всех, только если дела идут плохо. Сегодня мне сообщили в присланной сводке, что за ночь в Городе зафиксированы три кражи и пьяная драка в таверне «Перекресток». Украдено немного, драчуны живы. Поэтому бежевый лист сгорел на углях под кофейным сосудом, а быстрокрыл вернулся в Башню пустым. Что значило: буду как обычно.

Кофе — выпит. Халат летит на постель. Халат — не ручная стрела, поэтому могу позволить небольшую небрежность. Правый рукав остался на полу. И никакого ворчания-замечания, что мог бы сделать два лишних шага, аккуратно положить.

Моя жизнь избавлена от замечаний в спальне. Позаботился два месяца назад.

Задержался перед ростовым зеркалом. Здравствуй, начальник городской стражи. Хранитель покоя Города пяти Домов, Города пяти народов. Разглядел почти незаметную складочку на левом рукаве серо-оранжевого мундира.

Не самое удачное цветовое решение. Но одежда городской стражи не должна повторять ни одного цвета пяти Семейств. Нас и так обвиняют в симпатиях к своим. Например, я — эльф. Когда арестовываю эльфа, наверное, должен приказать убить его на месте, чтобы меня не заподозрили в предвзятости.

Не надо грустных пустых мыслей. Если они явились — жди реальную проблему.

Экипаж у крыльца. Грум тронул, едва я сел. Дважды в минуту трубит, взмахивает желто-серым флажком. Если кто-то не уступит дорогу, то получит компенсацию, только доказав глухослепоту.

Ровно в полдень я был перед Башней. Мой предшественник, гном, пользовался для подъема водяной корзиной. Мне она ни к чему. Быстро поднимаясь по парадной лестнице, я поощрял кивками часовых и заодно наметанным взглядом подмечал малейшие детали — кто как стоит, как смотрит, не отводит ли глаза.

В кабинет вошел не запыхавшись. Тотчас явился секретарь Хвыщ, самый умный из известных мне гоблинов, переживший четырех начальников. Этот живет строго по уставу, кратко излагает утреннюю сводку. Укладывается за двадцать секунд, чтобы перейти к чему-то более важному. Но не настолько, чтобы вывалить новость начальнику на пороге.

— Господин Лимеас, происшествие на Подземном Торгу. Два часа назад. Массовый побег рабов и похищение кем-то из них гипперфлая.

Подземный Торг мне не нравится. Он многим не нравится, но его терпят, и не каждый готов ответить почему. Громче всех его ругает мое эльфийское Семейство. Ругает и ездит за покупками. И ждет своей очереди на... на то, о чем не говорят вслух никогда.

Рабы не ругаются. Они только убегают, иногда восстают. Кто-то может добраться до Города, и сегодня ночью сводка окажется кровавой. Впрочем, Ничейные кварталы всегда опасны для новичков.

Я уже предлагал Семейству гоблинов направлять на торги нашу стражу. Отказались. Подземный Торг — территория Дома гоблинов, и чужим туда вход закрыт. Как и в остальные Дома. А пространство вокруг Торга — ферма Дома гоблинов. На нее, как и на фермы других Семейств, стража может войти лишь по ордеру. Который выписываю я, на три часа.

Хвыщ подготовил ордер заранее. Я подписал, передал вбежавшему посыльному вампиру. Дал напутственное слово:

— Постарайтесь задержать одного или двух рабов. Хозяевам скажите, что вернем, если они обойдутся с ними по Закону Города. Я хочу знать, кто им помог сбежать.

Потом задал Хвыщу ненужный вопрос:

— Патрули на гипперфляях уже в небе?

— Через минуту после сообщения.

— Какому Семейству принадлежал похищенный гипперфлай?

— Выясняем.

Я поблагодарил кивком. По Закону Города каждое из пяти Семейств имело право держать пять ездовых гипперфлаев. Если держать кто сколько захочет, не будет видно облаков. Я сам стараюсь путешествовать по земле. Ну и такая мелочь, как то, что для полета этих полосатых бестий надо в полнолуние подкармливать цветами пероснежника, тоже играет роль. Реликтовый цветок растет медленно, размножается крайне неохотно даже в дикой природе, в оранжереях не приживается и стоит баснословно дорого. И вообще, охраняется союзом пяти Домов.

Но какому Семейству выгодна эта заварушка с побегом рабов и краденным гипперфлаем? Что вообще за странная фантазия?

Я озабоченно уставился сквозь частый переплет окна на центральную площадь. Хм, вот, кажется, и ответ на мой вопрос. У ворот управления остановилась карета, украшенная остролистым гербом.

— Лимеас, как удачно, что я тебя застал! — Отец скинул капюшон и недовольно поморщился, оглядывая мой кабинет. — Даже из твоей невероятной дури можно извлечь пользу. Ты слышал о происшествии у гоблинов?

— Да, отец. И жду, что ты объяснишь мне, в чем смысл этого нагромождения нелепостей. А также то, почему вдруг я тебе так понадобился, что ты снизошел до презренного сыщика.

— Они упустили чистокровку, — сразу и в лоб выдал визитер. И прищурился, оценивая впечатление, которое произвела на меня новость. — Теперь она где-то в Городе, среди трущобного быдла. Чистая кровь, ничья.

У меня дух перехватило. Святой остролист, да они мне город снесут до основания! Все пять Домов разнесут Ничейные кварталы по камешку ради такого приза! Кровососы ждали своей очереди и копили золото на выкуп чистых почти три десятка лет. И вот, получается, у гоблинов опять открылся портал в нужный мир, но они настолько озеленели от жадности и лени, что даже не сумели сберечь сокровище, и одна из девчонок сбежала! Святой остролист, помоги нам... Охота уже началась, и она может быстро перейти в вооруженную грызню.

— Ты правильно все понял, — кивнул отец, наблюдавший за моим лицом. — Я хочу, чтобы ты нашел ее первым. Не зря же честь клана столько лет втаптывалась в грязь твоими привычками к вульгарному сыску. Пришла пора расплатиться за это. Найди ее первым! Этот твой главный помощник из вампиров сейчас в отъезде и не сможет помешать. А если не получится захватить — уничтожь. Она не должна достаться другому клану. Это нарушит равновесие... — он сделал многозначительную паузу, — не в нашу пользу. Ты понял? Ну, заодно ты предотвратишь резню в городе, если это для тебя так важно.

Я скрипнул зубами и уже хотел сказать отцу все, что думаю про него, про клан и про их общую честь. Но тут скрипнула дверца шкафа, и мне на плечо рухнула привычная тяжесть. Я даже через кожаный наплечник ощутил острые коготки Тишины, хотя она и старалась меня не поранить. По щеке прошлась мокрая терка, а чувствительное ухо ощутило прикосновение жесткой шерсти.

— Тьфу! — Шарахнувшийся от моего кресла отец с невыразимым омерзением передернул изящными плечами и скривил губы. — Опять эта помоечная тварь! Я же просил! А, что с тобой говорить! Я сказал, ты услышал. Чистокровка должна быть у нас или ни у кого, иначе... ты помнишь.

Глава клана Остролиста развернулся и с достоинством выплыл из кабинета, оставив за собой только тонкий запах дорогого ароматического масла и общую атмосферу наступившего конца мира.

— Молодец, киса. — Я погладил почти лысую морду уличного мутанта, давно и прочно ставшего моим лучшим другом. — Много крыс поймала? Три? Пять? Умница, Тишина. Если бы ты так же легко поймала мне чистокровку, цены бы тебе не было.

— Мур-р-р, — услышал я в ответ и понял сказанное: «Мне и так нет цены».

Глава 7

Лилька

Я с интересом ждала, когда меня отпустит утренний драйв и накатит истерика: «Где-е-е я?! Зачем я зде-е-есь! Отправьте меня домо-о-ой!!!» О дочери я вообще старалась не думать, радовалась только тому, что Катёнка уже выросла, даже закончила универ и живет отдельно. И парень у нее отличный. Не пропадет... но все равно, не думать, не думать!

Нет, я точно раньше себя недооценивала. День на ногах, в незнакомом мире, в котором когда-то давно прошел успешный геноцид людей. В компании двух симпатичных существ с шестью пальцами на лапах — это я рассмотрела. В условиях, когда окружающий мир ко мне не просто равнодушен, а прямо мечтает меня изловить.

И несмотря на это, я не катаюсь по грязной почве с воем: «Хочу домой!»

За этот вечер мы успели много. Например, купить мне симпатичную простыню с дырками для рук, как я его назвала, плащ с пугала. Купить в полном смысле слова: мои карты и банкноты оказались не нужны. Зато двадцать рублей разной мелочью, от десяти рублей с орлом до пятидесяти копеек с Георгием на коне, оказались востребованы. Игги взял их, нырнул в какую-то дыру и через пять минут принес эту маскировочную тряпку. Честно говоря, меня больше волновало, не подхвачу ли я с нее чесотку или чего похуже. Не говоря уже о банальных вшах... Однако рассекать дальше по трущобам в голубых джинсах, светло-бежевой водолазке и пальто из ламы — не самое умное занятие для того, кто прячется.

Так что тряпку я взяла, тщательно осмотрела, даже понюхала и поняла, что ее недавно стирали. Правда, от въевшихся пятен избавиться никто не пытался, скорее старались не протереть до дыр. Но вшей я не обнаружила и возрадовалась: сей сомнительный балахон, представляющий собой нечто вроде одеяла с дыркой для головы, к которому на живую нитку пришит капюшон, закрывал меня с головы до самых ботинок.

Что станут делать с моими монетами — переплавят или будут на них колдовать, меня не интересовало. Хотя стоило бы подумать...

Зато на другие вопросы я получила некоторые ответы. Поняла, почему им так понадобилась моя драгоценная персона.

...Итак, восставшие угнетенные народы победили людей, хотя те были сильными магами — эльфы сделали временные блокираторы магии. Победенные мужчины куда-то делись, вместе с детьми и стариками. А молодые женщины достались победителям, и те стали их использовать. Ну, понятно как.

И поначалу у победителей все шло прекрасно — они разделили захваченные земли, установили равновесие в городе, даже создали так называемый Совет Пяти. О людях стали забывать, тем более что оставшиеся в гаремах красотики старели и выходили в тираж, а потом и вовсе почти все умерли. И последнее проклятие человеческих магов тоже стало легендой — то ли произнесли они его, то ли не успели, а может, оно просто оказалось слишком слабым. Так или иначе, сменилось два поколения после победы.

И тут магические расы поджидал большой и глобальный трюндец, резкий, как диарея. Все те наследники кланов, что гордились своей чистой кровью, вдруг обнаружили, что уже их дети значительно слабее, а внуки вообще превращаются в короткоживущих обезмагиченных существ. Правда, были девочки-метиски, до поры до времени жившие в клане на правах приживалок и нечистокровных дармоедов. Они и сами были колдуньи, и рожали вполне милых и жизнеспособных деток. Только магические способности уже у этих детей были, как бы помягче сказать... Заварили кофе в турке, выпили, а жижу заварили еще раз. Как вам такой кофеёк?

Вот это был бенц, как говорится. Срочно созвали Совет, лучшие умы принялись искать средство от напасти, ну и причину заодно. И нашли. После чего победители дружно впали в шок и не скоро выпали.

Исчезнувшие люди успели качественно поднагадить своим обидчикам, прокляв их потомство. Я не очень поняла, как технически они это провернули, но сильно заподозрила здешних хомо сапиенс магикус в генной инженерии. Потому что их проклятие, судя по всему, на гены и влияло. Если бы волшебные расы в своем сладострастии не нахватили наложниц из человеческих девчонок — тут бы и конец всей их магической цивилизации, «электричество» бы сдохло на третьем поколении, и все вернулись бы в каменный век. Вот тут и стали цениться полукровки — дети тех самых несчастных женщин. И еще пару поколений после вливания человеческой крови магия слабела медленно. А потом все снова рушилось и летело в бездну.

Чего хотели погибшие в проклятом храме люди — просто отомстить или таким странным образом уберечь от смерти своих женщин, — теперь неизвестно. Но факт остается фактом: чтобы оставаться магами, всем этим эльфам, оркам, вампирам, гоблинам и гномам примерно раз в двести лет нужно вливать в своих потомков чистую человеческую кровь. Которой в этом мире, естественно, давно не осталось.

И они приноровились тырить ее из других миров. Конкретно — моей родной Земли. Великолепно!

Я слушала истории из прошлого этого негостеприимного мира и брела по булыжной мостовой. При всех моих невеликих ориентировочных способностях, понимала, что наш путь крайне запутан. Бабуся и внук хотят выйти к своему племени, но напрямую не решаются. Ждут темноты.

Мои ножки — умнички, почти не болели. Спасибо, что и головушка о себе не напоминала. Мое химическое-магическое земное зелье ограничено, да и часто применять нельзя — влияет на кровь. А я была готова портить кровь всем монстрам этого мира, но не себе любимой.

Глава 8

Лимеас из рода Остролиста

Большая облава не нравится никому. Мне тоже, хотя объявил ее я.

Во-первых, до утра не заснешь. А сейчас нет и полуночи.

Во-вторых, Большая облава — большой сбор. Простых констеблей собирают помощники, а лично я — констеблей-магов. Пришлось объехать пятнадцать адресов и пятнадцать раз стать объектом сильного неудовольствия. Ранний вечер, хозяин заканчивает работу или пришел с работы, ругается с супругой, воспитывает детей, пьет пиво. Тут является Остролист и дает пятнадцать минут покончить с делами, надеть форменный плащ, протереть магическую линзу и выйти из дома. Не хочется? А не платить подати как добровольный помощник стражи хочется? Тут же, на месте, аннулирую лицензию, и жалуйся в Главный арбитраж. К сведению: заседает раз в год.

Если бы магия в Городе не деградировала, я давно бы словил проклятие и ползал, хрюкал, зеленел, цвел, струился и кружил над мусорной кучей. А так — всё, что слышал в свой адрес (да, я эльф, у меня обостренный слух), было обычной бранью. Ничего, не переломлюсь. И наслушался я за время службы такого — этим разжиревшим обывателям не снилось. Но они пойдут со мной и будут отрабатывать подати в полном объеме. Констебли-маги нужны, чтобы ходить с каждым патрулем и пресекать тараканьи бега помоечной шушеры - эти существа имеют привычку бросаться в разные стороны и растворяться в развалинах - точно, как тараканы. А маг гребет широкой сетью. Если не ленится, конечно.

Польза от Большой облавы тоже есть — будет поймано не меньше полусотни воришек и по горячим следам раскрыто с десятков краж, а может, и пара убийств. Зато наутро — поток жалобщиков на незаконный арест, удержание, коммерческий ущерб. Да и сама облава влетит Совету в копеечку — мне еще предстоит писать отчет, обосновывая каждый гран потраченной магии, вытрясать из пятерых глав фонды, артефакты и живую силу. А потом отдельно терзать зеленошкурых подземников — рабы разбежались у них, а головная боль обеспечена мне и еще целому ряду существ. Ничего, хоть часть затрат они мне компенсируют, или я не Лим-Отступник.

Ладно, это завтра. А пока у меня работы невпроворот, и в основном нудной, организаторской. Не так я представлял себе сыск в ранней юности, начитавшись бульварных книжек о подвигах доблестных стражей.

За этими мыслями я вышел на площадь в центре Ничейных кварталов. Так. На первый взгляд никому из помощников не надо отрывать голову, загоны для сортировки готовы. Жаль, конечно, что Флесс в отъезде по делам управы, но и без него справлюсь. Учитывая, что он вампир и его клан так же давит на парня, как мои дорогие родственники на меня, — все к лучшему.

В Городе нет нормальной тюрьмы. Приговоры у нас — оправдание, штраф, изгнание, рабство. Да, еще казнь. Скорого суда ждут в небольшой каталажке при нашей Башне. Поэтому Большая облава требует особого подхода — весь этот сброд до и после сортировки надо где-то разместить и охранять, чтобы не передрались и не разбежались.

Младшие стражники уже расставили складной штакетник, и штатный заклинатель выволок из подсобки огромный, немного пыльный барабан ускоренного роста. Я незаметно поморщился — рваный, неправильный ритм оркского заклинания всегда действовал мне на нервы.

Так, горожан со штампами направо, их будет больше всего. Дикарей и прочий сброд из тех, кто не нашел денег даже разок сходить к краеугольному камню, но не в розыске за мелкие злодеяния — налево. Среди них обязательно окажутся и беглые рабы, каким-то образом избавившиеся от ошейника, причем не только гоблинские. Рабам под страхом смерти запрещено касаться краеугольника, но они все равно рискуют... каждую неделю базарная стража оттаскивает стукнутого разрядом ошейника смельчака из диких, которых в рабство продали. Жаль их, временами... Так, эти мысли не ко времени.

Я сел за столик протоколиста, чтобы быть не очень заметным. И самому постараться увидеть чистокровку, если ее приведут.

Чистокровку нужно поймать. В крайнем случае — не поймать так, чтобы не поймали другие. Хуже всего, если ее засекут кровососы. Этого отец мне не простит.

Поэтому мой стол — у самого входа в загон прибудышей без печати. Так проще разглядеть каждую группу, которую приведут, и сразу отсортировать девиц, внешне подходящих под описание. Тут ведь как — люди сами по себе существа... никакие. У них нет особых примет. Полным-полно полукровок из обезмаженных эльфиек, гномов, даже орок и вампирш, которых внешне можно принять за человечку. Очень популярный товар в борделях почище. И среди дикарок без ошейника такие

встречаются. На печать камня денег у них не хватает, владельцы заведений за этим строго следят. Живут в Городе на полуправильном положении — не рабыни и не граждане, вот среди них логичнее всего прятать беглое сокровище.

Этих девиц будут держать в отдельном загоне перед тем, как отвести в ратушу, куда на рассвете явится делегация гоблинов — приведут двух растяп, потерявших сокровище. Они ее в лицо знают.

Понятно, что до рассвета в ратуше под любым предлогом побывают самые сильные маги остальных четырех рас. Но все понимают, что определить и забрать чистокровку надо раньше — еще из загона. Вон там, у входа в кривой переулок, засели вампиры, чуть подальше с другой стороны окопался боевой отряд орков. Где скрываются мои соплеменники, а также гномы, я пока не видел, но это вопрос времени.

Между тем окончательно стемнело, и на площадь, пока еще тоненьким ручейком, потек трущобный сброд, подгоняемый стражниками.

Все лишние мысли прочь. Начинается работа. Перстень со звездчатым сапфиром на моей руке чуть нагрелся, когда я активировал встроенный в него родовой артефакт-определитель крови. Жаль, вещь такая старая, что уже не работает в полную мощь и нельзя широким лучом просканировать толпу. Но когда отсортированных девиц будут проводить мимо меня, проверить каждую по отдельности артефакт позволит.

Почти половина ночи прошла впустую. Загон с человекообразными девицами пополнился парой десятков ругающихся проституток, и еще несколько девиц забились в угол, откуда слышались тихие подвывания. Нормальные горожане, которым не повезло шляться по улицам сегодня ночью, тоже не выражали восторга, но особенно забористо матерились выловленные в одном из переулков оборванцы, которых приволокли пять минут назад: ликующие стражники пинками гнали перед собой пятерых смесков, а следом тянули слегка упирающегося и крайне раздраженного гипперфлая. Оборванцы орали на всю площадь, что это их добыча и они имеют право на награду за поимку. Стражники только ухмылялись, провожая скотинку в соседний с девицами загон. Они и сами не дураки взять с вампиров награды. Я мысленно махнул рукой — сейчас не до мелких дрызг, к тому же уличные стражи имеют право на компенсацию за бессонную ночь. Оборванцы перебьются. Но в тот район, где их поймали, уже рванули сразу три команды ловцов.

Прошло еще три часа, загоны на площади заполнились больше чем на две трети. Часть пойманного отребья уже отсортировали, пойманных с личным — с ворованным барахлом в мешках — уже отправили в каталажку, утром им вынесут приговор, лишат печати горожан и продадут на рудники. Я чувствовал усталость и раздражение. Чистокровкой и не пахло. С другой стороны, если бы найти ее было так просто... А вдруг ее уже поймали рыщущие по секторам поисковые отряды других кланов? Бездна! Я видел кланового кровохлеба. Этот поганец Вэйн уже дважды мелькнул в тених на окраине площади, и я то и дело передергивал плечами, чувствуя его пристальный взгляд из темноты.

Из переулка вывели новую партию оборванцев, и мой взгляд сразу зацепился за одну фигуру. Во-первых, женщина ростом была выше своих спутников и, хотя была облачена в обычную для трущоб грязную рванину, что-то в ее осанке и движениях показалось мне необычным. А еще взгляд. Быстрый, настороженный. И в то же время не было в нем затравленности и приниженного подхалимства, как у обычной уличной подстилки. А заодно не было и обреченной наглости, которой иногда бравируют такие девицы.

— Эту — ко мне, — негромко приказал я, покосившись на камень в артефактном перстне. Если он загорится... придется убить вампира. Да, совершу преступление. Что лучше, чем битва двух кланов в центре Города.

Глава 9

Лилька

Главное, мы почти добрались!

Вот же черт. До квартала орков-огородников, куда стремилась бабушка, заверяя меня на ходу, что там нас приютят хотя бы на первое время, оставалось буквально два переулка, когда нам навстречу вышел патруль. Около десятка стражников в слегка заржавленных кирасах и хмырь в плаще с капюшоном. Мы вроде и успели шмыгнуть за ближайший угол, но там, как назло, оказался тупик, а преследователи громыхали своими консервными банками вот уже буквально в двух шагах.

— Держи их! Господин маг, активируйте сеть!

— Там тупик, никуда не денутся, — раздался в ответ ленивый и довольно противный голос с легкой гнусавостью. — Сеть еще на них тратить... шушера немытая. И так сегодня прорву этого сброда наловили. Этих возьмем — и хватит, возвращаемся на площадь.

Лихорадочно оглядывающийся Игги, услышав эти слова, резко подпрыгнул, схватил меня за руку и отволоч на пару шагов в сторону, к живой изгороди. Зачерпнул возле нее грязюки и... как плюхнул мне этой дрянью в капюшон! Мало по плащу размазал, лицу тоже досталось. И даже волосам...

— Ты что?!

— Слишком чистое лицо для этих трущоб, выделяешься, — деловито пробухтел малец, размазывая по мне новую порцию... э-э-э... ну, надеюсь, это просто грязь, в смысле — мокрая земля, не навоз каких-нибудь местных обитателей. И не поспоришь ведь — Игги прав. Раз все равно схватят, надо успеть замаскироваться получше.

— Бездна смрада, это же помойные побирушки! — К тому моменту, когда патруль завернул в наш тупичок, наши лихорадочные усилия привели к тому, что мы все трое напоминали свежевыкопавшихся зомби-свиной.

— Может, ну их? — с большим сомнением оглядев нашу троицу, предложил один стражник. — Пока дотащим, все доспехи в их го... грязи будут. Мыло-то свое тратить придется.

— Берите, — отмахнулся гнусавый мужик в плаще. — Сказано — большая облава? Значит, гребем подчистую. Сам будешь потом Отступнику объяснять, почему не выполнил приказ? Да сеть накинь и тащи, олух, руками-то не трогай, заразишься. Расходуй потом на тебя целительные амулеты, коли ты при исполнении дрянь какую подцепишь... Стой, придурок! Обычную сеть накинь, обычную! Не магическую!!! Понабрали ур-р-родов в стражу, в бездну вашу вонь... — И он, ворча, ушел из тупика.

Ну и вот... хоть не били. Руками вообще не трогали, ни нас, ни наше барахлишко. На мою милую сумочку, купленную в прошлом году на распродаже после Рождества в Таллине, тоже попало немножко грязи, и ее приняли за бомжацкий узел.

На нас самих накинули обещанную сеть из тонкой и жутко крепкой бечевки и потянули за собой, как рыбу в неводе. Спасибо, не магическую, хотя и так хорошего мало.

Я спотыкалась о неровные булыжники мостовой, мысленно материла слишком резко дергавших за сеть стражников и предавалась унынию, как и мои спутники. Вот стоило так круто убежать, чтобы так легко попасться? И грязью мы вымазались скорее от отчаяния... эх. Ладно. Живы будем — не помрем.

Нас приволокли на большую и довольно запущенную площадь. Я еще успела полюбоваться плетеными загородками, разделяющими ее на отсеки-клетки. Оценила количество народа, пораспиханного в эти загоны, и уже хотела приунуть окончательно, но тут...

Увидела эльфа.

Самого настоящего!

С ума сойти, никогда не думала, что девчачьи фэнтезийные штампы могут появиться наяву. Я у дочки в дайриках таких мальчиков видела — либо нарисованных, либо кукольных. Есть такие дорогушие авторские куклы нереально красивых мальчиков с по-женски утонченными лицами и огромными глазами при остроконечных ушках. Сплошное мимими.

Вот и этот, сидящий на колченогом стуле за ободранным столом самого канцелярского вида, был именно такой. На первый взгляд. Но стоило встретиться с ним глазами — и впечатление резко изменилось.

Глаза у него были совершенно несказочные. Ледяные были глаза, равнодушно-выгоревшие. И очень усталые. Когда эльф заметил, что я в упор его разглядываю, по его губам скользнула презрительно-брезгливая усмешка. Кажется, я не первая так тарасилась. Ну точно, вон из соседней компании пленников низкорослая приземистая рыжуля с косичками тоже съедает куколку обожающими взглядами, ее так даже усмешечка не останавливает.

А я... У меня, наверное, стресс. Иначе как объяснить, что я не опустила глаза, не прикинулась ветошью, а спокойно прищурилась на эльфа, чуть усмехнулась уголками рта и отвернулась. Ос-спыдя, что я, смазливых пацанов не видела? Даже таких сказочных и сволочных. Не, понятно, что я тут замаскированная чушка, вся в грязи и конспирации. Но растекаться лужицей не собираюсь.

Вот я дура-то, а! Надо было мне выпендриваться?! Вон и Игги в спину пнул, явно понял, как я облажалась. А эльф уже махнул в мою сторону рукой и что-то скомандовал своим подручным.

— Светлые боги, — обреченно вздохнула за спиной бабушка Му. — У него артефакт... Не иначе чистокровку ищут.

Я не успела даже вздрогнуть и обернуться — меня уже подхватили двое стражников, очень споро, забыв про брезгливость к грязи, выпутали из сетки и потащили к эльфу. Бли-и-ин! Может, пнуть правого по коленной чашечке, укусить левого за волосатую лапу и... Ага, нашлась Ремба. Давно по голове не получала? Тут потомственные обитатели трущоб не рыпаются, а ты, горожанка из относительно мирного Питера, и вовсе притворись ветошью и не отсвечивай. Вдруг еще пронесет? Ну вдруг? Получилось же из пещеры сбежать, хотя бабушка Му говорила, что это почти невозможно...

Ой, еще один! Еще один мальчик-красавчик, только темноволосый и синеглазый. На секунду мелькнул в толпе и исчез, пронзив меня горящим взглядом. Я так удивилась, что на мгновение забыла про блондина. Ну, этот о себе быстро напомнил.

Меня поставили прямо перед эльфом, и я поневоле еще на пару секунд залюбовалась его кукольной красотой. Хрупкий; хотя и высокий, но впечатления изнеженности и слабости не производит. Скорее тонкий, упругий и острый, как старинный клинок из дамасской стали. Блондинчик с длинными локонами и морозным взглядом. И у него на пальце какой-то подозрительный перстень, на который он косится, вроде как незаметно выдвинув в мою сторону.

Это артефакт? Ой, бли-и-ин! Какой-то местный анализатор состава крови? Учитывая магию, я уже ко всему готова. Только не к тому, что сейчас во мне определяют чистокровную человечку и потащат размножаться. Интересно, вот этот самый и потащит? Ну, у него взгляд стал такой... оценивающий. Может, не все так плохо? Красивый мужик в постели, плюс дети от него будут мелкие, наверное, легко будет рожать...

Интересно, от этого магического рентгена побочка бывает? Должны бы предупредить, уж точно дать расписаться на обычном листочке: «Даю согласие на медицинские процедуры...» Тьфу, о чем я думаю? Да о чем попало, это от страха...

— Уберите. — Голос прозвучал холодно и с ноткой разочарования. — Обычная смеска из помоечных. В общий загон.

Чего?! Артефакт у него заглянул или?..

Глава 10

Что это было?

Шанс выбраться из этого концентрационного свинарника в нормальный мир, с чистой одеждой и ванной? Встретить понимание и защиту? Или опять стать товаром, который обязательно помянут, ага. Перед продажей для размножения.

Пожалуй, второе. Лучше не рисковать. Этот льдистый мальчик, судя по его виду, обижен на жизнь. И каждый встречный для него — обидчик. Определил меня в общий загон и забыл.

Так что лучше я сама его забуду. Отложу в копилку личных впечатлений — недолгая встреча с эльфом. Заглючил его артефакт, или я кровь за день поменяла — значения не имеет.

Приятных пополнений в эту копилку не предвиделось. О нашей судьбе уже успел шепнуть Игги. Если нас не признают особо злостными злодеями, сидеть нам в загоне до утра, не евши, не пивши. Захотим попить — признаемся, расскажем, кто мы такие. Тогда нас вернут в пещеру. Не признаемся — найдется добрый поручитель, который объявит нас своими домочадцами, заплатит скромную денежку Городу, наденет ошейники и отведет к себе. Кранты. Мы будем на него работать. Как и сколько — ему решать. Если работать плохо, продаст в ту же гоблинскую пещеру.

Бр-р-р. Что совой об пень, что пнем об сову. Не хочу!

Радуется только то, что мы опять втроем. Не радуется, что эта парочка не то чтобы совсем впала в уныние, но поглядывает на меня с надеждой. В прошлый раз я организовала им бегство. Не стану ли талисманом и на этот раз?

А еще бабушка Му довольно долго мялась, прежде чем посмотреть мне в глаза и признаться:

— Прости... сначала я думала, что ты просто смеска из рабского каравана. Откуда-то издалека. Потом... потом я поняла, какая ты странная, и была злая мысль: если ты чистокровка, то награда за тебя больше, чем все мое племя стоит на торгах у гоблинов. Я чуть не нарушила клятву благодарности, и богиня меня сразу покарала, нас поймали. Но в тебе нет чистой крови, и это к лучшему. А мне урок... — И старушка поклонилась мне в ноги — в тесном загончике повернуть такой фокус было непросто. Уф-ф-ф... Но про чистую кровь — это что было? Я думала, у эльфа артефакт сломался, но бабушка говорит, что нет. Это с моей кровью что-то не в порядке. А что может быть с моей кровью обычного человека, кроме... нуروفена?! Он же влияет на химический состав, и... так. Все потом. Если нас утром продадут в рабство, пофиг будет на состав крови. Надо думать раньше.

Пока что интересных идей в голову не приходило. Взгляд бездумно скользил по загону — оборванцы разбились на кучки и устало сидели на земле, прикрывшись лохмотьями. А вот за забором...

— Проклятые порождения выбрыков, — злобно прошипела ближайшая кучка тряпья. — Это мы словили кровохлебского летуна, и по понятиям золотник наш! А теперь жмыри железные захапуют его себе!

По ту сторону забора, увитого каким-то местным плющом, и правда спокойно стоял наш знакомый летающий зеброослик. Он флегматично отрывал листики плюща и с некоторым неодобрением косился на здоровенный барабан, аккуратно прислоненный к той же ограде. Тот, верно, казался ему большим и круглым животным, к счастью неподвижным и звуков не издающим. Поэтому зеброослик смирился с неудачным соседством. Какие-то хитрые бестии избавили его от кузова с сиденьями, продали наверное. Я уже заметила, что мир этот не особенно богат, тут и половичок перед домом стырат.

М-да, кузов-то стырили, а вот длинные крепежные ремни отвязать то ли не смогли, то ли не успели. Стражник воспользовался одним и прикрепил скотинку к нашей решетке аккуратно рядом с барабаном. Кстати...

И тут я вспомнила одну книжку, про осла и восточного мудреца.

Игги еще раз взглянул на меня с надеждой. Я шепнула ему на ухо свой план. Он посмотрел удивленно, а потом — чуть не засиял.

К счастью, факелы давали скромный отблеск: какую-нибудь крупную движуху, если, например, узники начнут ломать ограду, разглядеть можно. А вот если один маленький мальчик подползет и...

Для чего тут этот бубен-переросток — непонятно, но в него бьют время от времени. И наш зеброослик вздрагивал и дергался от каждого «бу-у-умб!».

Счас устроим музон в другом стиле!

Глава 11

Лимеас из клана Остролиста

За окном — день, на столе четвертая чашка кофе, на плечах свернулась Тишина. И такое стеклянное состояние, когда ни спать, ни бодрствовать нормально.

Думать тоже не хочется. Мысли думаются сами.

Большая облава хороша тем, что после нее утренние сводки пусты. Все возмутители спокойствия либо пойманы, либо зарылись ниже фундамента дня на три, не меньше.

В остальном — ничего хорошего. Уже подано восемь жалоб от торгово-ремесленных братств и девяносто жалоб от граждан. Потом — заседание Малого Совета. Общее бу-бу-бу: «Так нельзя, господин Остролист! Вы превышаете свои полномочия! Мы будем вынуждены обсудить ваше соответствие занимаемой должности...»

Да-да. Они, похоже, соскучились по моему коронному номеру: жезл начальника стражи на стол главы Совета. Со стуком.

«Я готов уступить это место достойному. Назовите кандидата».

Я непроизвольно напрягся в кресле, словно и правда хотел вскочить. Тишина уцепилась когтями за мой камзол и укоризненно повисла. Фыркнула, мурлыкнула: «Что это было, хозяин, чего ты испугался? Была бы опасность — я бы почувствовала». Потом опять вскарабкалась мне на плечи, избрав жесткий редкошерстный воротник, и задремала.

Кстати, жезл никто бы не взял. Если бы протянул руку кто-нибудь из клана гномов, орков, тем более вампиров, раздалось бы всеобщее «Не-е-ет!». Угу, скорее глотки друг другу перегрызут, чем откажутся от меня. Потому что даже под давлением отца я остаюсь беспристрастным в большинстве случаев, и они все — все! — об этом знают.

Правда, есть еще Вэйн Рин Корван, наглый кровохлеб и провокатор. Вот кто не откажется от жезла. Но главы кланов скорее съедят свои пальцы, чем подпишут приказ о его назначении. Включая его собственного вампирского главу.

Так что да, я зло. Но самое терпимое зло на посту начальника стражи. Это понимают все, кроме отца. Который скоро прибудет, и мне бы настроиться на встречу с ним.

Что же мешает? Эта странная замарашка, встреченная за полчаса до неожиданной и громкой истории. Спасибо, что разбежался общий загон для бродяжек, а не отсек с воришками.

Какая-то загадка в этой зама... в этой даме есть. Так изварзаться и всё равно глазеть без страха — дорогого стоит. То, что она не может быть чистокровкой, было понятно уже из ее возраста. Не старуха, но и не девчонка. А гоблы выбирают юных, чтобы успели родить несколько детей, прежде чем сгорят.

Так вот эта явно местная и далеко не соплюха. Еще понял бы наглуую юную девицу. Гонора много, мозгов мало. Точнее — опыта мало. Они рассчитывают своей красотой и юностью добиться сразу всего. Каждая мнит, что впереди у нее великое будущее, которое может знать только святой остролист и Великое Колесо. В чьи жены выбьется, кем будет вертеть, какую власть получит. Не прямую, конечно, такая власть всегда была и будет у мужчин. Однако власть ночного ложа иногда сильнее дневной власти.

Но к ее-то годам надо понимать место в жизни. Не стала дамой, не заработала покровительства богатого мужчины, не обзавелась печатью горожанки. Так смирись, не пялься. Шепчи про ошибку, просись домой. Даже если дом без крыши.

Нет же. Глядела, сквозь грязь на ресницах. Устало, уверенно, немного удивленно.

Смог бы я так смотреть, измазавшись, как последний свинорыл? Попытался бы точно. Может, и судьба у нее как у меня. Надо спуститься, взглянуть на вторично пойманных беглецов из загона... не всех, конечно. Нет ли ее?

— Привет, большой начальник. — Дверь хлопнула, и я не успел даже моргнуть, как мой помощник уже устроился в кресле напротив меня. Кровохлебы быстрые парни, этого у них не отнять. Даже быстрее эльфов. Жаль только, в сволочизме они нас тоже опережают.

Но этот конкретный — один из немногих в этом городе, кого я могу назвать другом. Мой первый зам и такой же изгнанник из своей семьи.

— Что у вас тут за бардак? Весь город как с ума сошел. — Флесс откинулся на спинку кресла и устало потер глаза, а потом поморщился, осторожно погладив угол челюсти. — Отчет по поездке уже у Хвыща, потом глянь. Там ничего срочного. Особенно по сравнению с тем, что ты сам поставил Город на уши.

Я хмыкнул и коротко изложил события предыдущих суток, следя за реакцией друга. Он, конечно, давно наплевал на интересы клана и счастливо женат на полукровке-орке. Но кто знает, как отзовется на новость о сбежавшем сокровище?

— Проклятого храма им в задницу! — впечатлился Флессан. — То-то я наткнулся в трущобах на хитрозадого братца! Они до сих пор ищут! Ох...

— Сходи к магу, — укоризненно покачал головой я. — Стыдобища, первый помощник начальника стражи не может зуб вылечить нормально. Сколько ты уже с ним маешься? Давно бы решил проблему.

— Нинна приболела, — вздохнул вампир и посмотрел на меня немного виновато. — Сразу после того, как мы вложились в прививки для близнецов. Сам понимаешь... зуб — это не смертельно. Потерплю до следующего месяца и следующего жалования. И нет! В долг не возьму. Мы с тобой за прошлый раз еще не рассчитались. В конце концов, если прижмет совсем — на площадь схожу и выдеру к проклятым.

— Иди работай, должник, — вздохнул я. — Велю Хвыщу перенаправлять к тебе горожан с жалобами. Морока с каждой небольшая, но их много. Под это дело выпишем тебе премию в конце месяца, выбью. Вали!

— Уже ушел! — криво, но радостно улыбнулся наш штатный кровохлеб и смылся из кабинета. Эх... мне б его проблемы. С минуты на минуту явится отец, и это хуже большого зуба. Это хуже целой больной челюсти!

Тишина у меня на плечах вздрогнула и дернула хвостом, впиваясь когтями в куртку. Нет, она не вспоминает во сне неудачную охоту на вспорхнувшую птицу. У этих тварей за два года устанавливается прочная связь с хозяином. Любая потенциальная опасность тревожит и ее. Вот как эти торопливые шаги в коридоре.

Дверь, конечно же, раскрылась без стука. За шаг до нее отец взял себя в руки. Судя по лицу, он только что принял ледяную ванну.

— Я хочу видеть найденную чистокровку. — Из отцовского рта вылетело несколько снежинок. Во всяком случае, мне так показалось.

— У меня ее нет, — ответил я спокойно и безразлично, будто на лед насыпал песок.

— Тогда ты можешь показать ее тело? — продолжил отец в том же тоне.

— Она не поймана и не убита, — еще безразличней сообщил я.

— Какому клану она досталась? — отец спросил так тихо, будто снежинка упала на снежинку.

Я перевернул донесение Хвыща.

— Сведения получасовой давности. Ни один клан не отозвал соглядатаев из Ничейных кварталов. Ни один клан не прекратил поиски чистокровки. И ты не хуже меня знаешь, что никто не будет ломать комедию. Пойманную чистокровку сразу доставят в Дом клана, откуда выцарапать ее уже нельзя. Только осадой или штурмом.

— Конечно, — усмехнулся отец, — я предполагал с самого начала, что бездарный сыщик с помоечной кошкой...

— Ни один клан не прекратил поиски чистокровки, — повторил я. Причем с каждым словом сильнее и громче. — Ни один клан, кроме эльфийского. Ты прекрасно знаешь, что наш клан не тратится на соглядатаев, потому что эту работу для вас выполняю я. И продолжаю выполнять.

Теперь я уже не сыпал песок. Я устроил направленную песчаную бурю. Тишина взглянула изумленно, даже чуть коготнула меня. Да, она любит тишину, если ловит птиц, то хватается ту, что чирикает громче всех. Но сейчас решила меня поддержать. Спрыгнула с плеч на кресло, положила на стол передние лапы, взглянула на отца. Зашипела, а потом взвыла на самой высокой ноте. Как привидение, увидевшее своего убийцу.

— Для вас я отступник. Для всех остальных — эльфийский агент. Меня терпят потому, что я помогаю своим не так явно, как ты бы хотел. И тебе придется с этим смириться, — я нарочно

говорил тихо и подчеркнуто спокойно.

— Что же, — так же тихо и медленно произнес глава клана Остролиста. — Я тебя услышал. Жди неприятностей.

И ушел.

Глава 12

Лилька

Вот уж не думала, что идти по солнцепеку на базар мне так понравится. Но это лучше, чем горбатиться на том же солнцепеке два дня подряд.

Та суматошная ночь закончилась без приключений. Еще не рассвело, когда мы оказались на территории Дома огородников. Я это не сразу поняла, а Му и Игги будто выпили крепкого кофе. Лицом повеселели, быстрее засеменили. А я лишний раз ощутила себя чужой на этом празднике жизни.

Дальше радоваться было нечему. С моей точки зрения. Му по дороге расспросила соплеменника, к кому лучше обратиться. Лучшим гостеприимцем оказался зеленый коротышка, которого я тотчас же обозвала Хммм, а имя не запомнила — много чести.

Хозяин участка узнал, что мы не полноправные горожане, произнес: «Хм-м-м». Потом почесал ботву на голове и объявил, что в первый день покормит нас бесплатно. Но работать надо начать уже сегодня. Завтрашняя кормежка — по результатам. Если на приусадебный участок забредет городская стража с ордером на обыск, объясняться или прятаться — наше дело. На территорию Дома — как я поняла, это что-то вроде средневекового замка или современного закрытого жилого комплекса, куда полиции хода нет, — нас не пустят.

Все это я слушала без особого энтузиазма. Отупела от усталости. Даже эмоции почти пропали. Так что едва успела упасть на охапку сухой травы до того, как отрубилась. Смутно подумала, что хорошо бы дома проснуться. И пусть все окажется кошмарным сном!

Утро началось рано. Нет, не так. УТРО НАЧАЛОСЬ РАНО! Чтоб оно провалилось совсем.

Я и до этого подозревала, что аграрий из меня аховый, а тут убедилась окончательно. Ну и агрокомплекс местный тоже со спецификой. Вроде всё благоприятно: солнце, дважды в день пятиминутный ливень, теплые ночи. Потому-то всё здесь растет как бамбук — утром росток, на закате стебелек с листьями в мою ладонь.

Проблема в том, что быстрее всего растут сорняки. И если их вовремя не выполоть, они съедят местную морковку, свеколку, молодильные яблочки и бешеные ананасы — или черт знает, что у них тут на грядках произрастает. Без тренировки фига с два отличишь, где раскудрился местный овощ, а где коварно тянет ресурсы неправильный сорняк. А в нагрузку к этому — местный милый жужжащий мир: если иные растения до заката не собрать, за ночь какая-то разновидность светляков съест дочиста. Главное, сорняки тот жук поганый жрать не будет, только вкусную ананасину...

Жучки да обычные сорнячки — полбеды. Но на грядки норовят пролезть еще сорняки особой пакостности, косящие под съедобные травы-овощи. И если их проглядеть, будет большая подляна потребителю продукции. О самом опасном растительном хитреце бабушка Му предупредила сразу.

— Будешь собирать пурпурный салат — всегда высматривай морозцу. Она тоже красная, только лист салатный-та — округлый, как твой язык. А лист морозцы — на конце-та мыском остреньким. Даже одна морозца в корзину салата попала — считай-та, нет корзины, есть тумачи.

— Она ядовитая? — со вздохом спросила я, уныло вглядываясь в два по виду совершенно одинаковых листочка. Где тут у них язык, где мысок... черти их разберут.

— Хуже! Ядовиту травку блевануть можно. А морозца желудок сводит, коль цельный лист попал. Он и во рту напакостит, но не сразу, до десяти сосчитать успеешь, прежде чем почувешь. На вкус-то салатка и салатка. И сглотнешь ненароком. — Бабка вошла в раж и красочно продемонстрировала мне судороги задыхающегося едока. С хрипами и конвульсиями, очень натурально. И удовлетворенно подытожила: — Бывалоча, вусмерть задыхались. Ты, Лиль, не бойсь, он только в нутре смертелен. Поживешь с мое, будешь морозцу от салата вслепу отметать. Пока же, коль в сумнении, оторви кусок с ноготок — да в рот. И пожуй маленько, до десятка посчитай. Салат сладок, вкусен, а морозца сначала под него кажется, а потом язык-та и сведет. Сразу плюй, и тогда нету вреда тебе, так, во рту противица, да ненадолго. Так и проверяй.

— Настоящий огородник — тот, кто выдаст телегу салата без единой морозцы, — заметил Игги. Явно сам не очень рад тому, что судьба определила в огородники.

Вот радость, вот счастье! Мне с этим пурпурным салатом работать не только пальцами-глазами, но и языком? Но делать нечего. Отрывала кусочки от каждого подозрительного листа.

И скоро выявила гада! Язык одеревенел. Правда, минут на пятнадцать. И так было до вечера раза

три.

Мне даже стало интересно. Чуть увеличивала дозы — тогда хоть зубы рви. Срок тот же, минут пятнадцать-двадцать. Не полчаса даже. Наестся такой травы — спазм пищевода, а то и дыхательных путей «вусмерть». А мини-доза — местная анестезия ротовой полости. Неужто здешние эскулапы этого не понимают?

Осторожно спросила бабушку Му — не покупают ли местные медики морозцу у огородников. Му замахала лапками:

— Да кто ж такую дрянь купит? Зачем она? Все знают, что морозца — трава ядовитая, нет в ней другого смысла, как пурпурный салат портить, а он-та дорогуший, только самым богатым по карману. А они за морозцу в тарелке и голову оторвут. Нашла — так и вырвала с корнем, от греха. И не трать на глупости время, огородником не станешь!

Я не хочу стать огородником! У меня кожа не зеленая, как у Игги или бабушки Му. Я врач. Я умею многое, но не умею по двенадцать часов гнуть спину в гуще сорняков и попутно отбиваться от всякой мерзкой кровососущей гадости и отличать коварный лист от съедобного. Думай, Лилька, думай... а пока не придумала... рви... чертовы... сорняки! А то кормить не будут. А морозцу эту мы разьясним... попозже.

От такой жизни за три дня я малость одеревенела, зазеленела и чуть не пустила корни. Поэтому при словах Игги о том, что сегодня идем в город трогать камень, поскольку жмот по имени Хммм выдал, наконец, по монетке на брата, я обрадовалась. Даже не спросила, что за камень и зачем его трогать. И при чем тут деньги.

— Мы пойдем на рынок и потрогаем краеугольный камень, — пока я умывалась, Игги охотно и обстоятельно начал разьяснения. — Чтобы камень поставил первый лист на твою ладонь, ему надо дать один цинь, циньку. Этим ты подтвердишь, что собираешься не просто жить в городе, но это... как его... — Зеленокожий мальчишка завел глаза к потолку и процитировал: — Будешь полезным членом общины. То есть денег себе заработаешь и налогов дашь, — пояснил он тут же, сбиваясь с пафосного тона. — Нам ух как повезло, что старый ошейник сняли, а новый-то надеть и не успели. Раб в ошейнике не может коснуться камня, его молнией стукнет, вот так: бабах! И сразу стража, стража! Донесут хозяину, тот будет платить штраф, а потом с тебя шкуру спустит. Я пробовал, — бесхитростно закончил он и вздохнул, передернув плечами. — Не понравилось. Больно.

— Так, погоди. — Я наскоро, пятерней, причесала волосы и в который раз порадовалась практичной стрижке. Как раз незадолго до попадания ходила в парикмахерскую, теперь волосы в глаза не лезут, особенно если их косынкой повязать, да и в уходе без лишних сложностей. — Так, погоди... Почему тогда все те, что живут в Ничейных кварталах без ошейника, не ходят к камню?

— А где ж им денег взять? — удивился Игги. — Они ж за еду если где подработают — и то рады. Ты что думала, такие огородники, как мы, — тут он приосанился, — по помойкам шоркаются? Держи мощну шире! Коли у тебя умение нужное в руках — не пропадешь. Хотя... тут еще знакомства важны. Вот мы, например.

— Вы? — Я сделала заинтересованный вид, поощряя пацана к дальнейшему рассказу. А то пока грядки полола, как-то не было времени подробности о мире узнавать.

— Мы. Конечно, пока в ошейниках — думать нечего было о свободе, — тут Игги помрачнел от воспоминаний. — Но нам повезло. За те два года, что мы в поместье господина Веришея прожили, полгорода знакомых-то появилось. И многие знали, что огородники мы с ба не из последних. Так бы кого из ничейки и пустили на грядки без рекомендации. Да еще б жалование дали, хотя и маленькое, да настоящее. Вот, три монеты на троих у нас есть — пойдем, камню заплатим и уже не совсем безнадеги бесправные будем, а как бы эти... кандидаты. В полезные граждане.

Тут пришла бабушка Му и велела нам братья за корзинки да и топать, а то свободные-то полдня наши пройдут без толку. А нам надо еще те капустананасы, что хозяин выбраковал, успеть на мясо обменять, чтоб, значит, похлебку сварить. На одной траве долго не протянем.

На рынок, хм... А вдруг я там краем глаза давешнего эльфа увижу? Нет, я вовсе не влюбилась. Просто после агрокаторги мне было бы приятно посмотреть на что-то красивое.

Глава 13

Лимеас из клана Остролиста

Со времен учреждения моего поста я семнадцатый начальник стражи Города. Не сомневаюсь, что первый из семнадцати, который идет со своим подчиненным в Цирюльный ряд, избавить означенного подчиненного от боли.

Не думаю, что кто-нибудь удивится. Я Отступник, я всё делаю по-своему.

Проблема у Флесса серьезная. Я выяснил, что Нинна не просто приболела. Ребенок серьезно отравился. Или случайно, или кто-то захотел до отца дотянуться. С этим мы еще разберемся... да. До меня, к счастью, дотянуться могут только свои, причем только через мать.

Пока мой помощник был в отъезде, его жена Аини дважды меняла целителей, два раза девочке становилось лучше... на полчаса, чтобы жулики успели получить расчет и сбежать. На третий раз Флесс вернулся вовремя, пинками выгнал очередного шарлатана из дома, а потом успокоил рыдающую жену, пришел в канцелярию, выбил жалованье за полгода вперед, занял у меня еще примерно столько же и пригласил-таки кланового мага. Слава остролисту, Нинна пошла на поправку, но мой друг остался без денег. И как назло, буквально на следующее утро после облавы один из вампирских клыков, давняя его проблема, задал ему такого жару, что Флесс ходил зеленый, словно труп. И молча терпел, пока я не грохнул кулаком по столу, вызвав неудовольствие спящей среди папок с документами Тишины.

Теперь вместе едем в Цирюльный ряд, лечить самого Флесса. К самым главным мошенникам этой части рынка — базарным зубодерам.

Какой-нибудь мудрец подумает: нарочно эльф-начальник гуляет с вампиром-подчиненным, чтобы показать — между двумя самыми сильными кланами Города вражды нет. Пусть думает, я не против.

Экипаж въезжает в Цирюльный ряд. В притоне мошенников шумно, как в таверне, только драки нет. Э... есть!

Лилька

Овощи и полезные травы на огороде — собственность хозяина, кто бы спорил. Но на то мы и огородники... в смысле бабуля Му — огородница, каких поискать. У нас корзина с ценными сорняками, вполне годными для обмена на что-то съедобное, но не растительное. Травка, с которой самая острая еда войдет в желудок без вреда. Листья, чтобы пожевать и не заснуть. И десяток листиков той самой коварной морозцы, взятой по моей инициативе. Хотя кому его продать — никто не сообразил пока.

— Вот придумала тоже, — тихонько ворчала бабушка Му, бодро ковыляя рядом со мной и ревниво косясь на корзинку. — Лучше б еще зернышек острокустика надрали у забора-та... Он много воды любит, а здешние-та олухи вечно лишнее ведро ленятся плеснуть, как же, сорняк... Дык острый-та кустик, он в самой гуще и любит расти... тьфу. Ну зачем тебе эта дрянь?

— Посмотрим, посмотрим, — вздохнула я. И подумала, что интуиция меня еще никогда не подводила, вот и сейчас буду ей доверять. — Зерен этих перечных мы и так набрали полкорзины, все кусты под забором ободрали. Там больше и не осталось.

— От дурна-та девка... Никакой чуйки на травы, — вздохнула бабушка Му. — А за отхожим местом посмотреть, ишь, белы ручки не позволяют? Да ладна... Не чистокровка, и то хлеб. А то я уж испугалась тогда... А так-та выучишься, коли жить захочешь.

Я мысленно представила себе свою дальнейшую жизнь на грядке и содрогнулась. Ну нет. Я не я буду, если не осмотрюсь как следует и не найду применения своим навыкам. Зря я, что ли, столько лет училась, а потом стаж нарабатывала? Как у здешних обитателей с зубами? Правда, у них тут маги. Вполне возможно, им стоит только волшебной палочкой ткнуть — и любая зубная боль пройдет. И клык новый вырастет, и резец заточится... Тогда беда. Придется осваивать ботанику.

— Ты головой-та по сторонам не верти, словно коза на огород впервые попала, не знает, какую ботву первой объесть, — дернула меня за локоть бабушка. — Под ноги больше смотри. Правильные девки так не глазуют, открыто-та...

— Вспомнила бабка, как девкой была, — хихикнула я. — Я уже взрослая тетенька, бабуль, на молодку никак не тяну. А по сторонам любопытного много. И нового...

Ну, на самом деле базар — он и есть базар. В основном продают всякое съестное, а ремесленные ряды — они отдельно, по периметру площади. В правом углу дымят и куют, в левом — дымят и

варят, в третьем закуте тоже дым коромыслом, но чем там народ занимается — я не поняла, бабушка утащила меня к мясным рядам. Нам по карману нынче только мелкие пичужки, чуть крупнее голубя, вот в уплату за двух этих пернатых вся трава из корзины и ушла. Одна морозца осталась — на радость бабушке. Такой повод поворчать.

Краеугольный камень, или, как пафосно его называл Игги, камень свободы, торчал посреди рынка черным столбом. Больше всего он был похож на банкомат-переросток. Даже прорезь для денежки была и небольшая ниша, куда надо засунуть руку, чтобы получить первый листочек на запястье. Красивая, кстати, татуировка. Когда листиков станет двенадцать, они обовьют руку браслетом, дающим право на разные привилегии, например заседать в Городском совете.

Но все двенадцать листиков мало кто получает, потому что каждый последующий взнос больше предыдущего. Соответственно, полное гражданство стоит очень дорого и доступно только богатым или клановым из элиты. Нам трех-четырёх листиков хватит — лицензию на самостоятельную трудовую деятельность получить, право аренды земли и домов, право купить те землю и дома... если деньги есть. И достаточно.

Отойдя от краеугольного камня, мы неторопливо почапали через рынок в сторону дома. Я воспользовалась случаем и опять глазела по сторонам, стараясь понять, что кругом за люди... то есть нелюди. Что они делают, чем живут. Какие у них радости, огорчения... В целом-то даже разнообразные расы примелькались через полчаса максимум, так что я перестала засматриваться на здоровенных клыкастых орков (вот бы попробовать сделать такие протезы) и низкорослых бородатых гномов. А вот их занятия были мне ужасно интересны.

— Ишь, паразиты, уже дело свое страшное затеяли, глянуть боязно, — пробухтела мне под локоток бабушка Му, дергая в сторону от одного из боковых рядов. Но тут я уперлась, как та самая коза, всеми копытами в землю. Потому что... Неужели?! Да быть не может! Правда?!

— А-а-а, проклятый криворук, не тот зуб выдернул! Убью, гаденыш бородатый!

— Лил, дурында ты длинная! Пошли! — бабушка Му шипела не хуже рассерженной кошки, пытаюсь сдвинуть меня с места, а с другой стороны меня пихал подзуженный старшей родственницей Игги, но без особого энтузиазма. Соответственно, и без особого эффекта. А я стояла столбом, возможно даже краеугольным, и во все глаза наблюдала шоу «на заре стоматологии».

Вдоль обшарпанной стены какого-то лабаза стоял кривоватый рядок перевернутых корзин, на которых сидели клиенты. Кому-то из них, нахлобучив на голову горшок, деловито обстригали космы по периметру посуды, кому-то, обильно намазав физиономию, брили подбородок и щеки. А у самого края здоровенный орк в стильном кожаном костюме сыпал проклятьями и колотил огромными коваными щипцами по корзине, надетой на голову некому существу, низкорослому и плотненькому. По торчащей из-под плетеной «шляпы» бороде было понятно, что провинился гном. А из воплей озверевшего клыкача можно было сделать вывод: данный гном замахнулся на удаление больного зуба, но задачу не осилил и теперь имеет бледный вид. Там, под корзинкой.

И в этот момент, с размаху всадив щипцы между переломленными прутьями, орк издал последний яростный рык, после чего вскинул лапу, в которой блеснул маленький кругляш.

— А ну, коновалы, пнем вас в полено! Плачу золотом тому, кто избавит меня от боли с первого раза! А мошенника — разорву на части! Мое слово!

— Светлые и темные боги, — ахнула бабушка Му, глядя на монетку, как загнипнотизированная. — Это же месяц наших трудов... Припекло, видать, болезного... Лилька! Дура такая, стой, куда?!

Но поздно. Я уже шагнула к орку, нашаривая в своей собственной корзинке кувшинчик с водой и заветную морозцу.

Глава 14

Лимеас из клана Остролиста

Под кожаным пологом было душновато, пахло застарелым лошадиным потом и чесночным салом — наш штатный конюх очень уважал это блюдо. Я думал было откинуть полог, но потом махнул рукой — только хуже станет, когда через рынок поедем.

Когда под колесами защелкали мелкие плитки мостовой перед Цирюльным рядом, я услышал шум, несколько превышающий обычный базарный гомон. Откинув полог, я быстро огляделся. Хм, кажется, тут что-то было, но уже закончилось. Или нет?

Пациент как раз закончил бить цирюльника (иногда мошенников полезно учить) и требовал дальнейшего лечения. В толстых и мощных пальцах сверкала монета. Флесс, высунувшийся из-под полога у моего плеча, взглянул на нее столь вожделенно, что я еще раз пожалел беднягу.

Чуть в сторонке два слегка взъерошенных гнома пытались стянуть с головы незадачливого сородича нахлобученную корзинку. Орк вколотил ее так добросовестно, что было понятно, почему прочие цирюльники не стремятся разбогатеть. Деньги большие, но чужие, а жизнь — своя. Профессию орка я определил сразу — охранник караванов, торгующих с не самыми гостеприимными племенами на севере. Судя по одежде, не рядовой, минимум десятник. Даже странно — такие в Цирюльном ряду ищут мастеров, только если, например, обломок стрелы в спинной гриве застрял, а лечиться предпочитают у магов. Им заработки позволяют. Ну, в крайнем случае, костоправа к себе подпустят, но никак не базарного зубодера. Видимо, сильно наемника припекло, раз на такие меры пошел.

Впрочем, замешательство длилось недолго. Смельчак нашелся...

Нет, не смельчак. Меня трудно удивить. Я, как этот громила, мог бы сам звенеть золотом и говорить: удивите — дам монету. На этот раз пришлось бы дать. К орку направилась женщина, причем явно полукровка, из тех, что могут при определенном освещении даже сойти за человечку.

Что-то у меня от удивления мысли запутались. Какие женщины в Цирюльном ряду? Стричь, брить, резать мозоли и рвать зубы — только мужская работа. Интересно, что она хочет? Убежать с монетой?

Приглядевшись, я понял: эта не побежит. В смысле — сейчас не побежит, а из загона ночью она весьма шустро удрала, среди пойманных вторично беглецов тогда ее не было. Да, та самая замарашка-незнакомка. Уже не замарашка, хотя одета в то же тряпье, я, кажется, даже расположение самых стойких пятен запомнил. Сейчас видно, что волосы светлые, аккуратно причесанные, но непривычно короткие. Шлюхи так не стригутся... Интересно, как бы она выглядела в белом платье, с аметистовым ожерельем?

Странная мысль. И сейчас мне не это должно быть интересно, а что она задумала и на что рассчитывает. Орк глянул на нее выпученными глазами, но после короткой, но весьма эмоциональной беседы хмыкнул и уселся на корзину. Я прищурился, глянул искоса на помощника и решил, что за то время, пока полукровка будет показывать чудеса изворотливости в попытке избавить наемника от золота, он не умрет. Кожаный полог и скрывал нас от взглядов, и дарил тень, так что можно поглядеть почти в прохладе.

— Лим, если она вырвет зуб ему, может, и мне к ней обратиться? — пошутил Флесс. Для него, как и для меня, история о том, как женщина рвет зубы, была только шуткой.

Лилька

Страх пропал сразу. Есть пациент с зубной болью. Есть врач — это я. Даже если весь инструментарий врача — кувшинчик с водой и неизвестное растение, не прошедшее клинических испытаний. Остальные проблемы решаются по мере поступления.

— Лилька, кудой? Лилька, вернись, полоумная! — это бабушка Му. Раскомандовалась в последнее время, звезда огорода. Не бежит, не хватает, потому что ее удерживает Игги. Не вижу, а догадалась.

— Хей, красотуля, куда? — Дорогу мне заступил еще один приземистый бородач. У-у-у, тоже мне, стоматолог без зубов. Отродясь ротовую полость не санировал, судя по запаху... — Девкам тут делать нечего. Али золотушку схотела? Дык ты иди задом в другом месте покрути, на Веселом-то углу, глядишь, за год и заработаешь! — и он заржал, а остальные подхватили.

Пф-ф-ф... тоже мне, удивил. Я с института помню, что из бабы врач — как из унитаза трон. Типа тоже блестящий и чистый, ага. Преподаватели-мужики те еще шовинисты. Деточка, зачем тебе

учиться, ты все равно выйдешь замуж и сядешь в декрет, а тут занимаешь место какого-нибудь парня, которому в будущем семью кормить. В профессию из их рук идут только самые устойчивые девчонки, кто научился пропускать идиотские шуточки и за спиной, и в глаза. И буриться к победе.

— Свои гнилые клыки почисти. Два уже удалять пора, — невозмутимо сказала я, отстранила бородатого зубодера и встала перед орком. Молча. Он тоже замолчал на полуслове и несколько секунд удивленно таращился на меня сверху вниз. Потом выпятил челюсть и грозно сдвинул брови. Плечи расправил. Навис.

Еще через полминутки понял, что нужного впечатления не произвел, выдохнул и хмыкнул:

— Что, девка, денег нада? На золотушку засмотрелась? А точно рискнешь? Я ведь слово сдержу, не посмотрю, что красотуля, голову отверну одним вертком! — и он сделал своими здоровенными лапищами красноречивое такое движение, словно выжимал белье.

— Садитесь и откройте рот. — Я кивнула на корзину. — И не крутите головой, пожалуйста.

Вокруг послышались сдержанные смешки и оханье. Народ ржал, перемигивался, где-то в задних рядах уже бились об заклад, убьет меня громила или только покалечит.

Я даже головы не повернула. Меня интересует только пациент. Кстати, он хоть и буйный, но трезвый, и это радует. Работать с пьяными и похмельными орками в прежней жизни мне не приходилось. Хотя... насколько сильно братки с золотыми коронками отличаются от орков? Только шмотки с лейблами...

Орк тем временем застыл, будто принял целую ванну с экстрактом морозцы. Потом ожил, словно оценил наконец, что смех смехом, а я, похоже, всерьез.

— Шо? Не шутишь? Ты мне прям по правде хошь зуб вылечить?! Ты, женщина?!

В моем голосе никакой ехидцы. Только сочувствие и только искреннее:

— А ты боишься женщин?

Орк на миг замер. Потом взревел так, что амулет языков, или что за руны там мне в мозг внедрили, не смог перевести, что он там крайне эмоционально транслировал. От избытка чувств бугай с большими клыками даже попрыгал немного на месте, но руками в мою сторону размахивать не стал, вот диво. То ли воспитанный, то ли я — его последняя надежда. Потому что, прооравшись, наслушавшись одобрительного хохота остальных зубодеров и прочих зрителей, оценив мою невозмутимость и выдохшись, он таки сел на перевернутую корзину и распахнул пасть.

Первая маленькая победа, но я же не остановлюсь на достигнутом? Конечно, нет!

Глава 15

Да-да! Первая победа и первая удача. Рядом еще одна корзина, та самая, которую с контуженного гнома сняли. Сам бородатенький в ауте, сидит прямо на земле, привалившись к стене лабаза, и два его сородича суетятся вокруг, безуспешно пытаясь вернуть в нормальное положение сведенные к переносице глаза пострадавшего.

Так вот, поскольку сам «специалист» не в форме, весь его инструментарий остался без присмотра. Например, щипцы. Так из корзины и торчат. С первого захода их не выдрать, а если чуть раскатать, то можно вытянуть. Н-да-а-а... А он их хотя бы для разнообразия чистил когда-нибудь? Подумать страшно, что тут за микрофлора поперек ржавчины. Ладно, за неимением лучшего — сойдет.

Итак, что мы имеем? Не скажу, что у пациента так уж жутко пахнет изо рта. И с кариесом у него небогато. Угу, дырка от выдернутого премоляра еще кровоточит. Вот портач бородатый, всю десну бедолаге разворотил, представляю, как тому «весело» было обнаружить, что все страдания оказались напрасными и боль никуда не исчезла.

— Прополощите, но ни в коем случае не глотайте, сплюньте. — Я протянула орку кувшинчик с водой, в которой разболтала в кашу растертый мясистый лист морозцы. И обезболит, и, как многие подобные препараты, сузит сосуды, крови будет меньше. Лучше бы, конечно, прокипятить... но где ж я тут возьму такую роскошь? Будем надеяться на природный оркский иммунитет и на то, что за колодцами в городе строгий надзор, копают глубоко, почти до артезианского слоя. И ни в коем случае не допускают бесконтрольного слива фекальных вод. Или мой пациент — счастливец.

— Бр-р-р-р-рл! — сказал орк и смачно сплюнул прямо на булыжники под ногами.

Я вздохнула, вспомнив простенькую плевательницу, и снова сосредоточилась. Та-а-ак... ага. Угу. Как интересно. Зубы у него своеобразные, в частности, клыки развиты гораздо заметнее, но общее строение челюсти ничем не отличается от человеческой. И где же у нас болит, м-м-м?

По моим ощущениям, уникальный сорнячок начинает действовать секунд через десять после попадания в рот. Сделаем поправку на концентрацию сока в воде и на неизвестную физиологию орков, выждем почти полминуты. Та-а-ак... а кровить почти перестало, тут я попала в цель.

Чтобы понять, какая такая пакость так донимала клыкастого персонажа, пришлось немножко сместиться, не загораживать солнце, пусть луч упадет на операционное поле. Для самоуспокоения я даже вспомнила, как однажды февральским вечером отключили электричество в клинике в самый-самый разгар процесса экстрадиции. Ничего, тогда справились и сейчас не оплошаем.

Да, так видно лучше. Начинаем смотреть и щупать. Интересно расположены зубы — в привычном порядке, но с заметными промежутками. Добротные такие щели между ними.

Предполагаю, что мой незадачливый предшественник, который уже вроде бы очухался, стал тоже щупать, словил реакцию и взялся за щипцы, не закончив толком диагностику. Мне проще. Смотри, Лилька, ошибки быть не должно!

А это что? Толпа зрителей уже загораживает свет.

— Отойти всем! Отойти, у самих зубы заболят!

Орать командным голосом от перемещения в другой мир я не разучилась, уже хорошо. И угроза подействовала. Одно напрягает — еще примут за ведьму. А, они ведь тут сами маги... некоторые.

Краем глаза заметила конный экипаж — коляску с кожаным кузовом. На запятках — стражи. Кто внутри, не видно, но взгляд ошутим.

Не отвлекаться! Пациенту почти не больно, но скоро станет скучно...

Вот оно! И не зуб, а какое-то инородное тело, впившееся в десну у корня 45-го премоляра. Еще бы, блин, оно не болело, воспаление налило! Он что, ножом в зубах ковырял и сломал кончик?! Ладно, не важно. Вот сейчас — за щипцы. Качаем-качаем, тянем-потянем. Еще покачаем.

Клиент дергается, но терпит, только вращает глазами. Морозца, конечно, действует, но похуже химической заморозки...

— Ти-и-их-хо! Сейчас болеть не будет.

Качаем-тянем, качаем-тянем. Усилие на себя...

Вытянули репку! Тут же на это место растертой зеленой кашицы. Замычавший было пациент удивленно заморгал, вдруг перестав чувствовать боль. Уф-ф-ф...

— Бабуля, подойди, пожалуйста. — Я не глядя помахала рукой и через пару секунд почувствовала крепкую сухонькую лапку на своем плече. Лишний раз отметила, что бабка Му хоть ворчлива, но сообразительна. — Посоветуй, что из местных травок молодцу заваривать для полоскания, чтобы ранка очистилась и побыстрее зажило?

— Так ить... эта. — Бабушка Му сначала смутилась, а потом всерьез задумалась. — Ворошку же ж можно, милетицу опять же ж... А эта! Она в Зеленом ряду щас прям купить, я мешочек сделаю, разогреть в воде да и прикладывать. Ты как, милоч, живой тама? До Зеленого ряда есть кого послать-та? Али сам дойдешь?

Пока она инструктировала орка, я решила подробнее рассмотреть, что же за трофей добыт мною из пасти пациента. Хм-м-м... Черт его знает, зазубренный кусочек металла, уже с налетом ржавчины. Какого фига этот умник ел металллом, спрашивается? Потом, небось, пытался эту дрянь из зубов выковырять, только своими пальцами-сардельками глубже вогнал. Ну и получил воспаление, дурень, хорошо, до заражения крови не дошло, видать, крепкий народ — орки. Иммуитет будь здоров.

— Обломок стрелы, — вдруг сказали у меня за левым плечом, и я вздрогнула. — Снифский ломаный наконечник. Да, повезло ему сегодня.

Я резко обернулась и встретилась глазами с давешним белокурым красавцем. Э-э-э... Вблизи и при дневном свете он уже не казался настолько кукольно-совершенным. Он был живым, серьезным, и от него веяло властью пополам с опасностью. Это сочетание делало мужчину еще красивее, и пару секунд я позволила себе полюбоваться ювелирной работой природы. Ну шедевр!

И именно в этот момент до захлопнувшего пасть орка дошло, что боль если не исчезла совсем, то заметно уменьшилась. Он озадаченно подвигал челюстью из стороны в сторону, прямо как кареткой старинной пишущей машинки, и снова открыл рот, на этот раз от удивления.

— Как эта? А ты что ж сделала?! — недоуменно спросил он.

— В следующий раз, любезный, не ковыряйте стрелой в зубах, — вздохнула я, мысленно стараясь отгородиться от того странного чувства, которое буквально накатывало при одном взгляде на белокурого представителя власти. — Вообще без зубов останетесь. Зубы надо чистить тряпочкой, желательнo обмакнув ее в мел. Можно с травками. И потом прополоскать рот отваром. Надолго забудете про зубодеров, гарантирую. А это — сохраните на память.

— Ты, милоч, слушай, когда умную вещь говорят, — влезла бабушка Му. — Давай денежку, как обещался, да пошли, траву-та купим тебе. Али не хочешь?

Орк еще пару секунд размышлял, а потом радостно взревел, сунулся было ко мне, напоролся на строгий взгляд и вдруг подхватил пискнувшую от неожиданности бабульку, закружил ее, хохоча и подбрасывая.

— Охти, оглоед! — тоненько верещала бабка. — Пусти, ирод, пусти, а не то венником по пустой балде дам!

Базар радостно ржал, наблюдая бесплатное представление. Ждали-то, небось, триллер — оторванную голову. Или хотя бы расплющенную. А вышла — комедия.

Глава 16

Лимеас из клана Остролиста

Уверенный взгляд — это хорошо. Хорошо, когда собеседник смотрит спокойно, не боясь. Или даже боится, но страх надежно прячется на дне его глаз. Залюбуешься.

Вот только я не философ. Я начальник стражи, поэтому волей-неволей оказался в положении, когда такие уверенные, умные, бесстрашные, бесстрастные и кристально честные взгляды можно коллекционировать. Например, взгляд убийцы, рассказывающего, как давно и крепко он дружил с покойным, как известие о гибели друга поразило его в самое сердце. И не знающего, что за ширмой ждут двое свидетелей преступления.

Или взгляд богатенькой вдовушки, получившей за свои страдания при старике деньги и относительную свободу. И ничего не имеющей против пикантного романа с легендарным, хотя и страшным Отступником.

Так вот. Каких только взглядов я не повидал за время своей работы. Но вот такого еще не было. Острый, быстрый и в то же время легкий, без враждебности, без неприязни. Мой внешний вид явно пришелся по вкусу де... нет, все же женщине. Но она при этом не впала в экзальтацию и не собиралась испускать восторженные вздохи и ловить каждое мое движение. Она мной любовалась как... произведением искусства. С удовольствием, но без вожделения. Красивая статуя, но я ее не хочу — вот что сказали мне ее глаза.

И поневоле я сам, как говорит наш секретарь-простолюдин, «занозился». Эта женщина стоит того, чтобы узнать о ней больше.

Вот, например, глаза умеют лгать. Руки — нет. И я только что увидел, как руки этой женщины сделали то, что смог бы далеко не каждый мужчина. А быть может, ни один мужчина в этом городе.

И без магии. Я бы почувствовал, что рядом творится ворожба, мне для такой мелочи амулеты не нужны.

В голову лезет пошлая фраза из бульварной книжки или водевиля: «Я хранитель покоя горожан, поэтому мне интересны все необычные происшествия». Нет, это не так. Меня интересует не необычное происшествие. Мне интересна эта необычная женщина. И вопросов с каждой нашей встречей становится только больше. К примеру, почему такая мастерица ходит в застиранной холстине? То, как уверенно она работает, командует, как она одним движением ресниц остановила радостное буйство пациента и перенаправила его в нужное русло... Далеко не каждая хозяйка большого и богатого дома умеет так уверенно управляться со служащими или гостями и привычно ждет от них послушания.

Я прищурился, прокручивая в голове возможные варианты — кто она? Изгнанница из клана? Незаконный ребенок кого-то из высших? Кто? Откуда умение лечить? Тем более зубы. Благородных девиц такому не учат даже в элитных заведениях.

Я задумчиво потеревил кант на форменном плаще и уже собирался задать странной женщине несколько вопросов, но мне помешал Флессан. Он выскочил из экипажа и спешил ко мне. На кожаной накидке сидел быстрокрыл.

Срочные новости хорошими не бывают — мне показалось, будто у помощника заболел еще один зуб. Когда я взглянул на донесение, то сам себя выругал: зачем вспоминал давние истории с убийствами?

Накаркал. Хуман бы побрал это все...

Теперь мне будет некогда думать о посторонних женщинах, их загадках и необычных глазах. Надо возвращаться в управу.

Уже направившись к экипажу, я вспомнил о том, что Флесс так и не решил свою проблему, и досадливо поморщился. Ладно, подожду, подумаю.

Лилька

Сама не ожидала от себя такой меркантильности — все же я врач государственной поликлиники. Но меня даже не так обрадовало, что я стопорнула пациента суровым взглядом с одной попытки. Важнее оказалось — заплатит или нет? Я уже понимала, что заработанного хватит и хорошо поесть, и приодеться, и сделать новый взнос краеугольному камню. И еще на кое-что важное.

К счастью, эйфория не обернулась забывчивостью. Орк протянул монету и отправился с бабушкой Му в Зеленый ряд. Игги семенил рядом, время от времени оглядываясь на меня и знаками

показывая, что шас-шас, сию минуту вернется, подожди, мол. Зная характер бабки, я не сомневалась — орку сегодня придется еще потратиться. И не только на травки. Ой! Забыла! Надо ж бабуле намекнуть было, что продавцы в Зеленом ряду тоже зарабатывают на таком покупателе, так что неплохо бы с них поиметь процент... Или рано? Надо двух-трех подвести, а потом и разговор начинать? Пожалуй, так правильнее.

Пока я стояла и раздумывала на всякие интересные темы, диспозиция в Цирюльном ряду поменялась, и вдруг обнаружилось, что я осталась одна, потому что эльф-красавчик, опознавший в орочьих зубах стрелу, тоже куда-то делся. Жалко, красивый, зараза. Мне всегда лучше думалось, когда я смотрю на красивое. А сейчас мне есть о чем подумать.

Так вот, оказалось, что одиночество мое совсем некстати, так как стоило мне расслабиться — и я тут же стала жертвой нападения. Напал на меня не разбойник из-за угла, а тот самый окорзиненный гномик, уже, оказывается, пришедший в себя после общения с орком-пациентом. Очухался, хмырь бородатый, увидел у меня в руке золотую монету, которую мог бы заработать. И решил возмутиться такой вселенской несправедливостью.

— Красавица! Ты мою корзину брала? Брала. Инструмент брала? Брала. За место платила? Нет. Клиента увела! Вот тебе два сребреника... ладно, три, по доброте моей, а это давай мне! — И он попытался цапнуть золотой кругляш, который я все еще рассеянно крутила в пальцах. Правда, рассеянность моя моментально кончилась, и монета бородатому не досталась. Гномик насупился и воинственно встопорщил растительность на лице.

Вокруг одобрительно гудели его коллеги-цирюльники, которым на фиг не нужна была на их рабочем месте непонятная выскочка-конкурентка. Остальные базарные зеваки просто глазели и переговаривались, но в целом я уловила настроение: за меня никто заступаться не будет.

Отбиваться придется самой. И сделать это надо так же, как и экстрадировала инородный предмет из пасти орка, — быстро и точно. Только без анестезии.

— Золотушку тебе отдать? А что ты еще хочешь? Хочешь, я к тебе в подмастерья пойду?

Бородатая слегка оглушенная рыба проглотила наживку с крючком.

— А... ну, вообще... можно подумать. — Было понятно, что гном издевается, но некая мысль уже ищет в густой шевелюре путь к его черепной коробке. — Только смотри, хозяин я строгий да требовательный.

— Что же ты от учеников требуешь? — спросила я с искренним любопытством.

— Ну, черную работу делать: топить очаг, носить воду, корнеплоды чистить. В работе — струмент подавать, мыть. Иногда доверю трудное дело, на испытание, как сейчас. Парнишка в подмастерьях пять лет обычно. Девка — дело особое, ну, десять давай.

Я с трудом сумела подавить смех.

— А еще я могу менять пеленки.

— У меня детеныша нет, — слегка ошарашенно ответил гном.

— Тебе менять пеленки. Качать тебя в колыбели, петь песенки и рассказывать, как надо лечить зубы, чтобы тебе платили деньгами, а не подзатыльниками. Потому что ты зубы лечить не умеешь, и это все сейчас видели.

Толпа вокруг взорвалась ревом и смехом, ржали даже коллеги-цирюльники.

— А за аренду инструмента — две медяшки, — уверенно сказала я, ни капли не забывая о том, что в кармане у меня вошь на аркане. Ничего, выкручусь.

Глава 17

Лимеас из клана Остролиста

Донесение было кратким, понятным и исчерпывающим. Ничего лишнего, но я будто побывал на месте происшествия.

Молодая эльфийская вдова Энтуниэль, совладелица ювелирной лавки, постоянная подруга гнома (деликатно не написали «сожительница»). Наш беспокойный народ встает рано, вот она и пошла на рассвете в лавку. В большом городе всегда найдутся чудаки, готовые купить ожерелье через час после рассвета.

Ночью лавку охранял сторож, но сама Энтуниэль шла без охраны и до лавки не добралась. Обнаружена в Малом Горшечном проулке, куда по собственной воле забрела бы вряд ли, но затащить с Прямой улицы — нетрудное дело.

В донесении сказано только «убита и, возможно, ограблена». Если на несчастной Энтуниэль нет драгоценностей, то не «возможно», а точно. В ювелирных лавках женщины работают редко, но если работают, то всегда надевают драгоценности — на показ клиентам.

Хорошо, что убита без надругательства. Надругательство повышает опасность, что подозреваемых будут рвать на части без суда. По моему опыту, в первую очередь — невиновных.

Плохо, что в донесении не указан способ убийства. Значит, есть какой-то важный нюанс, о котором лучшешний раз не говорить и не писать. Который, конечно же, очень скоро всплывет слухами и придаст истории дополнительный смысл. Тот смысл, от которого в городе станет не спокойней, а наоборот.

Впрочем, мне и так понятно, о чем будут говорить, прежде всего в эльфийском Доме и гномьем Доме. Гномы — что жизнь гнома с эльфийкой ничем хорошим не кончится и что случившееся к лучшему, не успела гнома довести до ручки, так как ювелирка не эльфийское занятие. Эльфы — конечно, ужасно, что случилось, но всё к лучшему — не будет испорчена раса. Найдется несколько особо мутных личностей, которые скажут: «Эти убили, чтобы не обанкротила», «свои убили, чтобы не родила смеску».

Но эти разговоры — тишайшим шепотом. Вслух во всем Городе заговорят, что по улицам пройти нельзя: то стража облаву устроит, то женщину убьют почти среди бела дня. Мы платим налоги, вы должны обеспечить нам покой!

Я не буду никому объяснять, что девушка с мешком золота может безопасно гулять в любое время суток только в выдуманном городе. Я просто найду убийцу.

Конечное, многое сделано уже без меня. Оцеплено место происшествия. Собраны свидетели — всякий, кто мог видеть и слышать. Пущены поводьры с нюхачами, правда, они наверняка убедились, что злодей замел следы. От почтенного старческого отдыха оторвали лучшего мага-прошловидца. Он будет на месте преступления через час и, конечно, не сможет сказать, кто убийца, его способности так далеко не простираются. Но вполне возможно, обратит наше внимание на какие-то мелочи, которых не учел преступник.

Мне стоит поспешить, чтобы успеть туда раньше него и отдать нужные распоряжения.

Но сейчас надо закончить самое важное дело — начатое дело. Это мой принцип. Тем более в ближайшие часы помощник должен думать о неизвестном злодее, а не маяться зубной болью.

— Постарайся быстро, — сказал я. И, не удержавшись, добавил: — Мне показалось, что лучший зубодер этого закутка не носит бороды.

Флесс понимающе кивнул и криво усмехнулся. Он, как и я, был зрителем недавнего представления. Так что быстро направился к пятаку у стены зернового склада, где от века располагался Цирюльный ряд. К той самой женщине, которая только что эффектно избавила орка от зубной боли, а гнома-халтурщика — от гонорара. Я улыбнулся: мой помощник из тех, кто, если торопится, делает все особенно уверенно и четко.

— Эй, любезный! — Голос у Флесса истинно вампирский, несмотря на примесь эльфийской кровушки в его жилах. Глубокий, низкий, завораживающий. И такой, что, даже когда Флесс говорит тихо, его слышно в любом уголке управления.

Гном вздрогнул и подпрыгнул, обернувшись на оклик. И тут же растерял весь свой воинственный вид.

— Что угодно господину?

— Господину угодно избавиться от боли, — спокойно пояснил Флесс и насмешливо прищурился на незадачливого зубодера. — И быстро.

— С превеликим удовольствием, господин! Вы обратились по адресу! Я лучший специалист в этом городе и смею сказать...

— Я видел, какой ты специалист. — Флесс бесцеремонно оттолкнул бородача и прищурился на мою смеску. На мою?! Стоп. Хотя это же естественно: она просто вызвала мой профессиональный интерес, и пока я его не удовлетворю — она и правда моя. Разработка. Загадка. Милое развлечение в череде невеселых будней, гимнастика для ума.

Вампир тем временем внимательно оглядел женщину от макушки до пят и наклонил голову к плечу. Он вел себя так, словно его больной зуб, который донимал моего помощника столько дней, отошел на второй план.

— Ну что? — спросил он секунду спустя. — Ваш фокус с орком был всего лишь разовым везением или вы действительно рискнете назвать себя специалистом, госпожа?.. — тут Флесс сделал многозначительную паузу, предлагая незнакомке назвать свое имя.

Та ответила ему прямым внимательным взглядом и отбила подачу правильно — просто и спокойно ответила:

— Лилия. Меня зовут госпожа Лилия. Я специалист. Вас, я смотрю, беспокоит боль в левой части... хм. Где именно болит?

Флесс не показав вида, что впечатлен, молча прошел мимо онемевшего гнома и уселся на перевернутую корзину, с которой недавно ускакал беззубый орк. Тот, кстати, уже вернулся, в сопровождении очень довольной старушки из племени диких огородников и такого же зеленокожего пацана. Но близко они не сунулись, встали поодаль и теперь наблюдали представление со стороны. Похоже, в своей смеске они уверены.

— Если сумеешь снять боль хотя бы ненадолго, я решу все твои проблемы с этим неудачником и выбью тебе место в Цирюльном ряду, — коротко сказал Флесс женщине. — А если нет...

— Оторвешь голову, твой предшественник уже озвучил условия трудового договора, принятого на этом базаре, — с легкой усмешкой кивнула женщина. — Повернитесь, пожалуйста, в сторону солнца и откройте рот, господин пациент.

Хорошо сказала. Уверенно. Хотя мне почудилось на мгновение, что она вовсе не так смела и все же волнуется, но, судя по всему, умеет держать себя в руках. Правильное качество для лекаря. Даже для базарного.

— Хм, — сказала женщина после нескольких томительных минут осмотра, во время которых она то заставляла Флесса полоскать рот, то лезла ему туда какой-то железкой, без спросу взятой со столика соседствующего зубодера, то стучала этой штукой по вампирским клыкам. А то вообще принялась ощупывать голову моего помощника, нажимая пальцами в разных местах и легонько хмурясь при этом. — Зубы у вас не болят, господин.

— У-у-у... — разочарованно протянула толпа. И сам Флессан резко дернул головой, закрыл рот и попытался встать.

Глава 18

Лилька

Сегодня явно мой день. Даже гном не успел выплеснуть на меня свое негодование — его отвлек высокий темноволосый мужик, чье красивое лицо едва заметно перекашивало влево. Так бывает при сильной боли. Но разговор парень начал уверенно, а я успела краем глаза заметить, что подошел он от того самого экипажа с кожаным верхом, на котором приехал эльф.

Что мне оставалось? Только принять обстоятельства и работать.

Меня должны интересовать зубы, и только зубы. Они, можно сказать, человечней, чем у орка. Только вот клыки. Длинные, выдающиеся, челюсть смыкается не до конца. Если кроме саблезубых тигров, медведей и белок существовало племя саблезубых людей, то на корзине сидит его потомок.

Клыки безупречны, ни скола, ни намек на кариес. Будто из особо прочного материала. А вот с внутренней стороны этих острых и сахарно-белых образований интересные такие желобки. Если, например, прокусить таким клыком вену, то по этому желобку... так, не отвлекаемся.

Первичный осмотр проблему не выявил. Простукивание тоже ничего не дало — даже если флюс неявный и прикорневой, болевой синдром при ударе по зубу моментально дает о себе знать. Но и тут все было в порядке.

Так. Везение, похоже, кончилось, и проблема гораздо серьезнее, чем та, которую можно решить подручными средствами в Цирюльном ряду неизвестного мира, погрязшего то ли в магии, то ли в средневековье. Потому что пациент явно страдает, но при этом обнаружить пораженный зуб невозможно. Либо киста у основания корня и тогда без рентгена и самой простенькой операционной делать нечего. Либо... А ну-ка...

Уже через пару минут тщательной пальпации определенных точек на голове, шее и лице вампира я выдохнула с облегчением. То есть радоваться было рано, но по крайней мере это не киста.

— Зубы у вас не болят, господин, — озвучила я диагноз, споласкивая руки в лоханке с водой, стоявшей у соседнего корзинного «кресла», и не обращая внимания на разочарованный гул толпы и возмущенно сверкающего глазами пациента. И прежде чем он высказал свое мнение о моих способностях вслух, закончила мысль: — Воспаление тройничного нерва. Левое ухо чуть хуже не стало слышать? А глаз как? Не было ощущения, что стал хуже видеть? Да? Понятно... С одной стороны, не так страшно, как, например, гнойный пульпит, а с другой...

Я задумалась. И как лечить такую болезнь без современных лекарств, особенно противосудорожных средств и ударных доз витаминов группы «Б»? Меновазина для массажа и того нет...

— Так. — Я положила руку на плечо удивленного вампира и чуть надавила, заставив сесть обратно на корзину. — Болевой синдром вот прямо сейчас я попытаюсь снять. А дальше разберемся.

Быстро оглянувшись, я нашла в толпе своих огородников и помахала рукой бабушке, подзывая ее. Старушенция, судя по всему, не только орка снабдила нужной зеленью, но и себе хитрым макарон урвала корзину незнакомой травы, а также разные пакетики, коробочки и сверточки, они вызывающе торчали среди кудрявой ботаники. Вот не сойти мне с места, если я не найду там хоть чего-либо полезного.

Закопавшись в эту корзинку, я едва не издала ликующий вопль. Так... новокаин мы заменим морозцей, мята вот она, а остатки наших острых зернышек — почти натуральный кайенский перец, да еще и смолот мелко-мелко, бабуля, видать, ходила в ту часть рынка, где в ряд стоят разнокалиберные мельницы и за малую мзду перемалывают все, что захочешь. Как местное раздражающее лучше нету! И ма-а-аленькая плошка с каким-то жиром — бабка шепнула, что с гусиным. И-де-ально.

Буквально через две минуты у меня горели пальцы, словно я их сунула в кипяток и медленно варю, зато мазь была готова. И я вернулась к пациенту, нетерпеливо дожидавшемуся продолжения лечения.

Точка за углом челюсти, сзади на шее, выше, на затылке, над бровью, еще пара точек, которые легко определяются на ощупь по напряжению мышц и реакции пациента... Пряный запах мази заставил остальных зубодеров заинтересованно придвинуться, а вампир зашевелил ноздрями и заморгал ресницами.

— Легче стало, — крайне удивленно сказал он через пару минут спокойного, но интенсивного массажа. — Правда легче! — Он снова попытался вскочить.

— Ну-ка сидеть! — прикрикнула я, удержала его за плечи и продолжила массаж. — Рано обрадовались, господин хороший, это только временное облегчение. Сама болезнь никуда не делась. И если вы будете прыгать и бегать, не обращая внимания на мои рекомендации, вернется очень скоро. Значит, так... Пиво любите?

— Эм-м-м?! — страшно удивился вампир. — Ну... в целом.

— Отлично, значит, наверняка знаете в городе хорошую пивоварню. Пойдете туда и договоритесь, что каждое утро они будут наливать вам большую кружку свежих пивных дрожжей.

— Для припарок? — не утерпел и с самым деловым видом влез еще один бородач, сосед слева.

— Нет, для приема внутрь. И нечего морщиться. В этих дрожжах есть самый необходимый компонент для вашего нерва. Дальше... не переохлаждаться. Шапку наденьте, господин хороший, и шарф на шею, особенно вечерами, когда свежо. И массаж вот этим снадобьем, если боль будет возвращаться. Точки чувствуете, которые я надавливала и разминала? Запомните?

— Да уж постараюсь. В крайнем случае, найду вас здесь, — усмехнулся парень.

— Не знаю. — Я внимательно осмотрелась и хмыкнула, оценив взгляды местных постоянных обитателей. Вот уж кому такой конкурент ни в дупло не уперся. — Я в городе недавно. И еще не решила проблему с трудоустройством. А здесь я оказалась случайно, позаимствовала инструменты у уважаемого... — и посмотрела на гнома-неудачника.

— Прыгул меня зовут, — мрачно назвал тот. — Зенон Прыгул, из Синегорых мы. Насчет аренды еще поговорить бы, госпожа хорошая. Без посторонних.

— А ты при мне поговори, — радостно ухмыльнулся заметно повеселевший вампир. — Я, Флессан Гирш, первый помощник начальника городской стражи, у тебя и спрошу: а руны от заразы у тебя на щипцах и на лохани лицензионные? Или там, вот положено по закону руну безболи пациенту обязательно предложить, половину ее оплатив из своих. Ты предлагаешь? Нет? А что так?

М-да. Все как везде. Придраться при желании можно к любому. Но не мне сейчас протестовать. И вообще, я еще не закончила с лечением.

— За помощь с местом и прочими делами буду благодарна, сочтем это платой за мою работу. Но вы не дослушали. Если массаж и пивные дрожжи не избавят вас от боли навсегда, то...

— Да понятно, к магу придется идти, — грустно вздохнул вампир. — Это естественно. Вы лекарь, а не волшебница. Но мне и временное облегчение сейчас необходимо как кровь. Глядишь, до премии дотяну и... Впрочем, это уже мои проблемы. А за работу я вам, госпожа Лилия...

— Заплатит сполна, — раздался новый голос у меня за плечом. Ну, то есть не новый. Эльфийский. И в солнечном свете блеснула еще одна золотая монета.

Глава 19

Да, второй клиент оказался куда симпатичней и, что немаловажно, выгоднее предыдущего — еще и вопросы с местом обещал решить. Он, правда, посмотрел на золотую монету в руках эльфа с заметным напряжением, но мне показалось, что это не от жадности, там какие-то свои подводные камни. Не слишком юный, но подтянутый брюнет с бледным, даже белым, до синевы выбритым лицом и бездонно-синими глазами (я похожие по цвету видела на площади в ночь облавы, но в тех выражение было совершенно другое, не спутаешь) что-то там просемафорил своему... хм, судя по их переглядкам — начальству. А начальство величественно проигнорировало намек подчиненного и все же вручило мне золотую монету.

Ну, я взяла, заодно еще раз взглянула на него, пользуясь моментом. Ох, эти мужчины — люди, гномы, эльфы. Всем им почему-то кажется, будто они умеют скрывать настроение. На самом деле, пытаются скрыть. Я сразу поняла — что-то изменилось за пятнадцать минут, пришла какая-то новость. Не столько плохая, сколько тревожная. Что-то случилось, и дальше будет только хуже.

Где тревога, там усталость. Даже на безупречном эльфийском лице бывают едва заметные морщинки у крыльев носа, запавшие виски и темные круги под глазами. Я не то чтобы пожалела красавчика. Просто подумала — никто от тревог не застрахован, даже вечно прекрасные и первородные. У него-то какая беда, жена изменила? Этот... мельхиор? милдронат? тьфу... мелорн завял?

— Вы хорошо поработали, госпожа, — прервал мои размышления начальственный эльф. Кстати, темноволосый говорил, что он первый зам начальника местной полиции... Значит, вот это — начальник и есть? Ух ты.

— Благодарю, — вежливо и спокойно ответила я. — Если надо — обращайтесь. А сейчас не стоит забывать, что мое лечение исключительно симптоматическое, и хотя у господина... хм, вашего помощника есть шанс полностью избавиться от боли, следуя моим рекомендациям, но худшее развитие событий я не исключаю. Это серьезное заболевание. А я не волшебник.

— Мы все поняли, госпожа, — кивнул эльф. — Ваша помощь оказалась как нельзя кстати, потому что сейчас мой заместитель нужен мне как никогда и в полной рабочей готовности. А потом я сам прослежу, чтобы он соблюдал ваши рекомендации или обратился к магу. Будем надеяться на природную живучесть и здоровье его расы.

Темноволосый за его спиной скривился и обреченно вздохнул. А я решила уточнить, правильной ли оказалась моя догадка.

— А вы... — я специально сделала паузу, давая возможность собеседникам закончить предложение.

— Кто я? Вампир, конечно, — хмыкнул первый зам. — Вы по зубам не догадались?

— Почему же... — теперь улыбнулась я. Вот откуда такие надежные клыки. В моем ГБУЗ №14 я выдирала зубы только «оркам». Вампирам не приходилось. Хотя некоторые из пациентов столько кровушки моей похлебали, что поневоле задумаешься об их происхождении. Но это теперь неважно. — У вас интересное строение челюсти, особенно желобки на клыках. Было бы интересно сделать протез и...

— А вы и это сможете?! — мгновенно обернулся ко мне уже собравшийся было уходить эльф.

— Еще не знаю, — честно ответила я. — Все будет зависеть от инструментов и материалов. Но я не исключаю такой возможности.

Сказала и мельком подумала: во время учебы всем потоком проклинали кафедру зубных техников и мерзейшую Агриппину Карповну, которая вела у нас спецкурс по этой допотопной, как мы тогда уже считали, дисциплине. С эрой лазерных принтеров и современных материалов это ремесло быстро стало уходить в область легенд. И кто бы мог подумать, что мне пригодятся все те практикумы, которыми нас пытала Зверокарпа.

— Я думаю, госпожа Лилия, мы с вами еще увидимся, — как-то не слишком оптимистично пообещал эльф, поворачиваясь в сторону своего экипажа. — Зайдите завтра в канцелярию при ратуше за разрешением на работу. Думаю, сегодняшнего заработка вам хватит, чтобы добавить еще один лист на городскую ветвь и получить все необходимые документы. Всего доброго.

И отвалил. А я осталась. Ну что же... все не так плохо.

Лимеас из клана Остролиста

Об убийстве я начну думать через пять минут, когда доедем. Пока можно подумать о загадочной

женщине.

Кто же она? Не чистокровка из другого мира — точно. Теперь не сомневаюсь. Возраст не тот. Я сыщик, годы от меня не спрячешь, а она и не пыталась. Ей далеко за... м-м-м... тут я все же затрудняюсь и не хочу быть голословным. У всех рас и у смесок продолжительность жизни разная и во многом зависит от каждого отдельного представителя. А каких кровей намешано в этой лекарке — вообще не отгадать. Что-то есть эльфийское, что-то наверняка гномское — такой размер груди нашей расе не свойственен. Вполне возможно, что и остатки людской крови имеются, но в мизерных количествах. Короче, обычная смесь зрелого женского возраста, когда юность ушла и пришли мозги. А через порталы крадут только юных девиц, чтобы они успели родить как можно больше детей, до того как...

В этом месте я поморщился и решил подумать в другую сторону.

Так кто она? Вдова вождя дикого... или не очень дикого племени? Умеет повелевать, решительная и успешная — а на руке один листик. Причем свежий, вот только что сходила к краеугольному. Умная. Не знаю почему, но это меня радует. Наверное, люблю порядок — чем больше в Городе полноправных горожан, тем лучше.

Как у нее дела дальше сложатся? Ладно, сейчас не время. Приехали.

Тупик был оцеплен, труп накрыт. Всё сделано, как надо, и почти всё — без результата. Свидетели пока не найдены, жители соседних домов спали. Нюхачи скоро потеряли следы. Прибывший маг немножко дополнил картину, уже сложившуюся в моей голове: злодей среднего роста, в плаще и с закрытым лицом, выскочил из проулка, затащил туда эльфийку, оглушил, проволоком еще двадцать шагов, а потом накрыл плащом, сунулся под него и быстро что-то сделал. Высунулся, вытер рот и убежал, рассыпая ноздревой огонь — самой дешевое и надежное средство против нюхачей.

Правда, магу показалось, будто на эльфийке было ожерелье, а сейчас его нет. Надо бы спросить мужа. Чуть позже. Они и вправду любили друг друга, муж в полной прострации. Извините за профессионализм, но его алиби уже подтверждено.

И самое главное — посмотреть, как погибла несчастная Энтуниэль. Я поднял ткань и пригляделся.

Да хранят нас все боги и Остролист! Причина смерти — укус вампира. Только этого мне не хватало!

Глава 20

Лилька

— Золотушку разменивать будем только у Хапиры, нигде больше, обманут, ироды, обдерут, ограбят, — деловито бухтела бабка, за руку волоча меня сквозь рыночную толпу прочь от Цирюльного ряда. — Да и одежду справную у нее ж возьмем, ну и что, что ношенная, перешитая, перелицованная, старуха дело знает, еще не один год проносим! А стоить будет втрое...

— Погоди, бабуль. — Мы как раз шли мимо краеугольного столба, и я попыталась притормозить, уперевшись ногами в землю. Какое там! С таким же успехом я могла бы попробовать остановить африканского носорога, схватив его за хвост.

— И-и-ить, дурында! Говорю же ж, сначала разменять деньгу нада! Каменюка сдачу не дает! — прикрикнула на меня бабуля и деловито засемила дальше.

Я шла и обдумывала сегодняшний день. С одной стороны, удача мне улыбнулась во все тридцать два зуба. С другой — просто не будет.

Конкуренентов не любит никто ни в одном из миров. А местные цирюльники и вовсе прониклись ко мне сложными чувствами. С одной стороны, все ясно — я наглая выскочка, которой просто повезло. Незаслуженно причем. С другой — просто так не тронешь. Сам начальник стражи меня заметил, его зам мне благодарен. Если сразу выгнать или даже побить — будут неприятности. А еще у меня явно есть кое-какие секреты, которые неплохо бы выведать.

Когда мы уходили, бородатый профсоюз устроил внеочередное собрание у дальнего от нас края ряда. Что они там обсуждали, подслушать не удалось даже ловкому Игги. Но в целом мне и так понятно. На повестке дня один вопрос: я.

Интересно, до чего они там дорешаются? По идее, устроить мне неприятностей, не вступая в открытый конфликт, — как воды напиться. Ничего сложного. Но не факт, что выгодно сразу, с ходу эдак меня выживать — умнее сначала секреты выведать.

Насколько умны гномы — узнаем завтра, когда я с утра, после похода в ратушу, приду опять на рынок и попрошу выделить мне место для работы. Вот только инструменты... Понятно, ни один из практикующих зубодеров свои мне больше не даст, даже в аренду, даже за большие деньги. И не скажет, где их вообще куют. Придется самой думать. Тут ведь простым гвоздем или зубилом не обойтись...

У ювелира бы кое-что заказать, но на такие радости даже двух золотых может не хватить. Сходить в Кузнечный ряд? Завтра утром попробую. Блин, даже самое непритязательное зубоветеринарное место столько оборудования требует! Ладно еще, с травами и подходящими специями для мазей или притирок каких бабушка Му поможет.

Странно, вместо страха или огорчения перед трудностями я почувствовала азарт. Еще посмотрим кто кого, мир этот — меня или я его! Все равно найду способ заниматься любимой работой. А иначе какой у меня выход? Помереть с тоски? Я и так ночами тихо рыдала в соломенную подушку, потому что днем трудности выживания прекрасно отвлекали от всяких мыслей и не давали скатиться в депрессию, а ночью...

Катёнка... Самое главное — Катик мой. Как она там... Мать без вести пропала — детенок ведь с ума сходит! Она самостоятельная, живет отдельно, да только... Хорошо бы никаких концов не нашла, не хватало только, чтобы столкнулась с чертовыми иномирными ворюгами. У нее ведь та же группа крови, что у меня, и она совсем молоденькая...

Да я эту гоблинскую пещеру голыми руками разрушу, завалю, чтобы ни одна тварь из этого мира в наш не пролезла!

Нет. Сейчас об этом думать не буду. Потом! А пока я себе эти мысли запрещаю.

— Ну, опять размечталась о кренделях-та подкустных! — дернула меня за рукав бабуся. И вовремя. — Под ноги смотри, горе мое морозцеевое. Ступеньки! Хапирина-та лавка не на модной улице, в подвале. Пошли-пошли, столько дел еще, столько забот, а ты застыла, как краеугольный истукан-та! От свезло нам с внуком, всем хороша девка, и умом, и мордой, и ремеслом вышла, а иногда как с облака упала...

«И умом, и мордой, и руками». А что с облака свалилась — даже комплимент, мы ведь на самом деле познакомились под землей.

Всё! Горести и шутки в сторону, впереди новый квест. Я не богатенький Буратино — у того было

пять золотых, у меня только два. Лохануться нельзя и на один.

Заведение Хапиры напомнило нечто среднее между нашим земным секонд-хендом, оптовым рынком и сельским промтоварным магазином. Хапира явно сэкономила на освещении — в огромном зале всего три веревки с жучищами-светлячищами. Скорее всего, тут не просто экономия, а расчет, что товар в полутьме покажется привлекательней, чем в ярких лучах.

На ступеньках бабушка Му толкнула Игги, тот кивнул и зачем-то выскочил на улицу.

Хапира, гоблинша преклонных годов, просканировала нас взглядом на пороге и поняла, что к ней явились платежеспособные покупатели. Приветствовала нас, а точнее бабушку Му, как старых знакомых и начала без остановки угадывать наши желания. Вернее, навязывать.

Мне показалось, будто я попала под водопад или в сто раз усиленный кондиционер. Ну да, я же последние двадцать лет отоваривалась только в гипермаркетах и более-менее приличных бутиках. Лениво ехала с тележкой, гуляла между вешалок. Неторопливо возьмешь, посмотришь на страну происхождения, на лейбл, понюхаешь, «полижешь». Примеришь.

А тут всё тебе суют в руки, если не успела увернуться, и, похоже, молчание означает согласие. Та-а-ак, если я и дальше буду щелкать клювом, минут через пять моя мумия окажется погребена под пирамидой из ношеного тряпья.

Я на секунду зажмурилась, вдохнула побольше воздуха и гаркнула так, чтобы с гарантией перекрыть непрекращающуюся рекламную кампанию местного секонд-хенда:

— Тихо! Стоять!

И, убедившись, что замерла не только говорливая хозяйка пещеры тряпичных сокровищ, но и ошеломленная бабушка Му, да и еще пара каких-то оборванцев, рывшихся в дальнем углу, очень спокойно, вежливо и с улыбкой сказала гоблинше:

— Уважаемая, я предпочитаю сама выбирать товар по своему вкусу. Давайте не будем утруждать вас лишней работой. Но вот если вы принесете мне для начала добротное платье из серого, светло-коричневого или темно-зеленого полотна, я буду вам отдельно благодарна. Желательно с широкими рукавами на манжетах. Не слишком приталенное. И, пожалуйста, пару полотняных длинных фартуков к нему. И светлую косынку. Пару. Об обуви мы поговорим отдельно и позже.

Хозяйка лавки посмотрела на меня с интересом и, как мне показалось, чуть большим уважением. Молча сгребла все тряпки, которыми едва меня не завалила, скинула их в сторону и пошла куда-то вглубь помещения, кивнув мне на ходу:

— Косынки там посмотри! Раз уж знаешь, чего хочешь.

Глава 21

Брать сапоги по нынешнему климату и без зимы в ближайшем будущем я отказалась. Ну и что, что это престиж, понты и уважительное «ку» от населения? Я слишком стара, чтобы терпеть потные ноги ради общественного мнения. Так что легкие сандалии, с полным покрытием ступни, чтобы не биться о всякое на мостовой. И подошвы не гладкие, а то знаю я, как они скользят. Перебрала целый сундук, пока нашла две пары подходящих. И силком отобрала по паре сапог у бабки Му, для себя и внука, обшивев обоих: где они форсить собрались, перед сорняками в огороде? Игги — что-то типа мокасин, бабуле — тоже сандалии. У нее вон вальгусная стопа в полный рост, то-то она так ковыляет, как старый страус, втискивая лапы в тесную обувь! Это мы прекратим. И нечего. Здравый смысл и никаких понторезов.

Старуха Хапира заметно погрузтелла, оценив мою практическую сметку, но собралась с духом и сообщила, что всё отобранное нами барахло будет стоить пятнадцать серебрух.

Я не успела ни обрадоваться, ни взгрустнуть, как вмешался вернувшийся Игги. Он, как оказалось, по команде бабули смотался в соседний подвальчик, к конкуренту старьевщицы. И сделал это нарочно демонстративно. Вот хитрые огородники! Одобряю. Теперь этот гений маркетинга критически оглядел товар, подбоченился и выпятил нижнюю губу.

— За это — пятнадцать серебрух?! Да я уже сторговал у Горшака две такие горы тряпок, с обувкой посерьезнее, за шесть!

Хапира аж подпрыгнула, раздулась, как сердитая лягушка-бык.

— Да что ты понимаешь, детеныш свинокрыса! Горшак скупает одежду у кладбищенских воров! А я честная торговка, от моих нарядов мертвечиной не воняет, и некроманты в них не ковырялись!

— Золотого шитья на твоих тряпках тоже нет, — делано безразлично пожал плечами маленький гаденыш, подхватил нас с бабкой под руки и бодро потащил к лестнице. — Пойдемте, поищем честную цену в другом месте.

Только убедившись, что и я, и Му послушно отложили выбранный товар и двинулись в сторону выхода, тетка гоблинша смачно сплюнула на не очень чистый пол и выкрикнула:

— Хай с тобой, швырок ненадобный! Одиннадцать за всё!

— Три! — Игги моментально развернулся, отпустил нас с бабкой и одним прыжком оказался перед торговкой, точно как и она оперев руки в боки.

— Да ты рехнулся, сын ледащей болотной кваки! Ты меня по миру хочешь пустить?! Девять с половиной, и не медяшкой меньше!

— Ладно, только из моей к тебе доброты — четыре, — снисходительно усмехнулся «сын кваки».

Мы с бабулей переглянулись, дружно пожали плечами и сели на скамеечку в углу. Представление обещало быть долгим.

Мы еще трижды выполняли роль послушной массовки, по команде вскакивая и маршируя к выходу, а потом возвращаясь и садясь обратно, когда Игги решительно «уходил навсегда» в другую лавку с нормальными ценами и трижды снисходил обратно после очередной уступки Хапиры. Заодно мы узнали, что Игги проглотил большой болотный змей, распробовал и выплюнул, а мать юного мошенника целовалась с демонами, и не только целовалась...

В конце концов страшно довольные друг другом торгоши, стар и млад, ударили по рукам, сойдясь на шести с половиной серебрушках и моем клетчатом носовом платке из неизвестной науке ткани, произведенной в дружественном Китае. Хапиру впечатлила тонкая ткань, обладающая твердостью кровельной жести. А я пожалала плечами и отдала — всё равно использовать это изделие китайской оборонной промышленности по назначению — вытирать нос или лицо — не представлялось возможным.

Тетка гоблинша сразу подобрела, угостила нас какими-то синими мандаринками и взяла обещание прийти еще раз. Или два. И вообще заходить, если мимо будем идти, вдруг у нее за хорошую цену появится хорошая вещь — таким дорогим клиентам придержит.

На улице мы очутились с наполненными корзинами. В моем кармане кроме золотого лежали десять сребреников. Мешочек с медью я доверила бабушке Му.

Прогулялись к камню, получили еще по листику и, умиротворенные, направились домой.

По пути я осторожно расспрашивала бабку про целебные свойства местных трав. Она ворчала-

отвечала, а я делала пометки в мысленном блокноте: это дезинфекция, это ускоренное заживление, это рвотное с немедленным эффектом, это снотворное. А это, судя по действию, вообще растительный антибиотик. Не бабуля — клад. И городские огороды за время рабства изучила, и дикую свою жизнь помнит, знания хранит.

Тема снотворного пришлось Игги по вкусу. Он сразу же стал мечтать:

— А вот бы как очередного богатенького пациента угостить сон-травой, так, чтоб заснул не сидя на корзине, а полчаса спустя, по пути домой. А уж я б за ним проследил и...

— Я тебе дам «проследил»! — хором сказали мы с бабушкой и даже приостановились. Потом посмотрели на мелкого лягушонка с криминальными наклонностями, друг на друга... и засмеялись. Но зеленошкурому поклоннику незаконных методов изъятия денежных средств я строго пообещала:

— Только попробуй. Напою тебя сразу снотворным, слабительным и певчей травой, чтобы на всю жизнь запомнил.

— Да ладно, другие вон че, а я ниче! — впечатлился Игги и жалобно шмыгнул носом.

— Вот и думай, — хмыкнула я. — Умный чел... огородник всегда денег заработает так, чтобы ему за это еще и спасибо сказали, и с законом проблем не было. А то ведь одна услуга помощнику начальника стражи не значит, что местные служители порядка закроют свои голубые и черные глаза на любые шалости. Обратю в рабство захотел?

Некоторое время Игги шел рядом с нами молча и недовольно сопел. А потом оживился и сменил тему:

— А вот сама ты как справишься? Начальник тебе место обещал, а не железки. А гномы-то вряд ли продадут даже ломаные клещи. Скорее удавятся своей бородой. Вот и придется красть!

— Ну шаз-з! — Я дотянулась и выдала упертому недорослю легкий подзатыльник. — На что спорим, я сумею раздобыть всё, что мне надо, без всякой уголовщины?

— Ха! Одна?!

— Вот еще. Конечно, с вашей помощью. Но без воровства.

— Да не справишься.

— Спорим на мороженое?

— Э... а это что?

— А ты не пробовал? Что, никогда в жизни? На базаре не продают? А в кондитерских лавках? Нет? Хм-м-м... Лед я видела, его, кажется, в кубах поставляют тем, кто рыбу-мясо продает... Решено. Сделаю тебе лучшее лакомство в мире. Только чур! Если пообещаешь не воровать.

— Эх... ладно. А про инструмент я придумаю че-нить, ты не переживай. Я да не придумаю? Без бородатых обойдемся, вот еще, красть у них...

Глава 22

Лимеас из клана Остролиста

— Убийца уже найден?

Первый раз этот вопрос я услышал через три часа после того, как отдернул покрывало над телом несчастной Энтуниэль. В мою Башню пожаловала эльфийская делегация. Что важно: без отца. Он вряд ли намеревался быть дипломатичным.

Я ответил с легким сарказмом:

— Если бы убийца соблаговолит оставить свою визитную карточку, мы бы уже имели сомнительное удовольствие его лицезреть. Но так как он не оказал этой любезности, желанная встреча отложена на некоторое время.

Соплеменники удалились с невозмутимыми лицами. Лишь старейшина пробормотал на пороге: «Надеюсь, ненадолго».

Надеяться — пожалуйста. Хотите слышать глупые обещания — меняйте начальника стражи.

— Убийца уже найден?

Делегация общины гномов задала тот же вопрос, только вечером. До визита они удостоверились, что у мужа Энтуниэль (да, теперь я называю ее любовника именно так!) безупречное алиби. Разумно.

Гномы оказались полезны. Выяснилось, что кроме жемчужного ожерелья на несчастной были бриллиантовые сережки и накидка, вышитая Слезами моря. Визитеры дали обещание, что, если в любую из мастерских обратится кто-нибудь с подозрительными камнями, он будет доставлен в Башню в максимальной целостности, а не разобран на части тут же в мастерской. Муж дал Каменную клятву не знать больше ни одной женщины, и сородичи приняли его страдания близко к сердцу.

Под конец глава делегации предложил:

— Мы, господин начальник, вам помочь готовы. Если так в Городе стало... э-э-э... непросто жить, можем вам посодействовать, создать свои патрули.

Муж, стоявший за спинами делегатов и вздрагивавший, когда перечисляли пропавшие драгоценности погибшей (видимо, сам делал и дарил), при этих словах ожил. Мечтал пойти в такой патруль и первым добраться до убийцы.

— Спасибо, — ответил я резко и быстро. — Каждый, кто хочет помочь страже, может надеть наш плащ и значок констебля-волонтера, хоть на день, хоть на неделю. Поступить под командование моих офицеров. И только так!

Никаких патрулей, созданных одним из народов, в Ничейных кварталах не будет. По крайней мере, пока я возглавляю стражу. Не пройдет и дня, как вампирский патруль зайдет на территорию эльфийской фермы, а патруль гномов — гоблинской. Это же добровольцы, какой с них спрос? После чего закончится правопорядок и начнется война.

Гномы явно ожидали такого ответа. Не стали спорить, попрощались так вежливо, как могут, и удалились.

Муж задержался. Я, как часто бывает в общении с гномами, слегка ссутулился, чтобы не нависать над собеседником. Иногда это на пользу, но только не сейчас.

— Я видел ее живой, — медленно и четко, хотя и хрипло заговорил он, — я увидел ее мертвой. Я хочу увидеть мертвым его. А лучше — еще живым.

Не знал, что гномы могут так бледнеть. Оказывается, могут.

Я взял графинчик, из которого иногда добавляю несколько капель в кофейную чашку, плеснул в бокал до половины, протянул несчастному.

Он выпил залпом. Не вздрогнул, не закашлялся, а зарыдал.

— Настойка рассветных колокольчиков? Энти, Энти делала ее несколько раз, только гораздо слабее. Запах... вкус... Я опять вижу ее.

— Его вы увидите тоже, — поспешно сказал я. — Мертвого или живого, незадолго до смерти.

Вот так и дал обещание, хотя не собирался.

Дверь закрылась. Я был уверен, что первой мыслью будет: «Кто же еще задаст этот вопрос?»

Нет, мысль совсем другая.

Недавно я думал — хорошо без любви. Любовь может предать. И это больно.

Нет. Есть вещь страшнее. Любить и пережить любимую. Как этот несчастный бородач. Вроде бы простое существо. Но мне его не понять. Я такое не переживал.

И не хочу!

— Убийца уже найден?

Этот вопрос я опять услышал следующим днем, на Малом Совете. Прошло больше суток, поэтому говорить так, как с гномами и эльфами, было нельзя. Уважаемый Совет потребовал подробностей и обстоятельств хода следствия.

Какие обстоятельства? Трое свидетелей всё же нашлись. Ночные свидетели — всегда непростые ребята. Одному пришлось простить давнюю кражу, другого — накормить и пообещать листик на руку, если не запыет (запыет!). Третий... честно говоря, ему тоже кое-что простили, а он простил некоторое насилие, и расстались без взаимных претензий.

А что толку? Один свидетель видел идущую женщину. Идущую спокойно, не чувствующую слезки, не боящуюся. Это подразумевалось. Второй видел вдаль, как неразличимая фигура тащит что-то, принял за мешок. Самый ценный свидетель запомнил закутанную тень, шмыгнувшую из Малого Горшечного проулка и побежавшую мелкой рысцой по Прямой улице. В сторону центра.

Впрочем, мне и это было не нужно. Я чувствовал: убийца всё еще в Городе. Если узнаю имя, ему не поздоровится и за пределами. А в этом каменном муравейнике скрыться проще.

Сообщил и обстоятельства смерти. Основная причина — перелом шейных позвонков.

Внимательно оглядел лица, готовые вспыхнуть возмущением, и понял: об укусе вампира все знают еще со вчерашнего вечера. Рад был бы скрыть. Но тело выдано родным. Спасибо, что согласны похоронить «отступницу», спасибо, что пригласили мужа.

Не успели начаться саркастичные возгласы, как я добавил:

— И прокус шеи. Несмотря на тяжесть этой травмы, смерть наступила всё же от перелома позвонков. Убийца не смог добиться своей цели одним укусом.

Спокойнее всего вели себя вампиры. А я внутренне усмехнулся, вспомнив, как не раз говорил Флесс: «Запомните, наконец: мы пьем кровь. Пьем, а не выпиваем».

Да, самая заметная рана — укус вампира. Но смерть наступила не от него. Поможет ли это найти убийцу? Нет. Избавит ли клан вампиров от подозрения? Тем более. Сломать шею может кто угодно. Прокусить шею с такими следами — только вампир. Чистокровный или смесь — без разницы. Впрочем, смесок, в которых от вампиров остались только клыки, немало обитает в Ничейных кварталах...

— Уважаемые господа!

Слово взял Вэйнис Рин Корван. Не старейшина вампирьей пятерки Совета, даже не один из десяти, или как там у них называется верхушка элиты. Здесь и сейчас он в качестве какого-то секретаря, что ли... Но старейшина кивнул, позволяя младшему взять слово.

Младшему по возрасту, но не влиянию, отметил я. Это неспроста.

— Уважаемые господа! Не скрою, если произошедшим встревожены все присутствующие, то именно у нашего народа имеются особые причины для возмущения. До тех пор, пока неизвестный злодей не предстанет перед нами, под подозрением каждый из нашего клана. С другой стороны, пострадала представительница народа, к которому принадлежит уважаемый Лимеас Остролист. Я считаю, что именно мои сородичи больше всех заинтересованы в скорейшем завершении расследования. Поэтому я согласен временно принять на себя обязанности начальника стражи города для поимки убийцы.

На одну секунду меня посетила дикая мысль — согласиться. Но с условием — найти за 48 часов.

Без труда отогнал глупость. Нет, это невозможно. Корону напрокат не отдадут. Через 48 часов стража уже будет не моей.

— Господа, — холодно возразил я. — Перед тем как обсудить и, надеюсь, отвергнуть это предложение, вспомните, что начальником расследования фактически уже является представитель уважаемого клана. Это господин Флессан. Если ему нужны помощники, он обдумает предложение уважаемого господина Вэйниса.

Лицо Вэйна исказилось, будто ему предложили теплого, прокисшего, разбавленного пива вместо хорошего вина. По мнению Рин Корвана, мой помощник и есть такое разбавленное пойло — нечистая кровь.

Нажил ли я сильного врага сегодня? Нет, это случилось давно. Сегодня я изящно отбил атаку — предложение даже не выносилось на голосование.

Совет удалился. Я вошел в кабинет, задержался у шкафа. Не налить ли себе того же, чем я вчера угощал бедного гнома? Только вдвое больше...

Толчок в плечо. Мягкое, тяжелое, знакомое прыгнуло со шкафа. Тишина тихо муркнула. Будто бы сказала: хозяин, может, не надо, а? Погладь меня, потом аккуратно сядь, чтобы я соскочила на стол, прошла по нему, как жрица Хрустального храма, не задев ни чернильницу, ни колокольчик, и оказалась на подоконнике. Посмотришь и успокоишься, не наливая.

— Господин Лимеас, пожалуйста, ознакомьтесь!

На пороге стоял секретарь Хвыщ с конвертом в руке.

— Без имени, без адреса, без указания клана? — недовольно уточнил я. — Подбросили к дверям?

— Именно. Очень важное содержание, — бесстрастно заметил секретарь.

В безымянном конверте была короткая записка от лица «того, кому дорог порядок в Городе, но еще больше — закон и справедливость». А также просьба уточнить у господина Флесса, когда он прибыл в Город из командировки.

«Вчерашним утром, когда еще», — подумал я, вынимая второй лист.

Это была вырванная страница из путевого журнала Северной заставы. Она сообщала, что экипаж с господином Флессаном прибыл в Город около восьми вечера предыдущего дня.

Я вздохнул, взял бокал и шагнул к шкафу. Тишина сидела у меня на плече и, похоже, спорить не собиралась.

Глава 23

Лилька

— Ничего не знаю, никаких распоряжений на ваш счет не поступало, — противным голосом выдал клерк на первом этаже ратуши и попытался отгородиться от меня здоровенной папкой с какими-то бумажками.

— А вы пойдите и узнайте. — Как разговаривать с бюрократами, я знаю. Странно было бы, прожив жизнь в нашей стране, не получить этот трудный, но необходимый навык. — Или вы хотите сказать, что начальник городской стражи пошутил, велел мне заглянуть в канцелярию за разрешением на работу?

Да, вот тут я скорее была в средневековый менталитет, чем в то, что я помню о своих современниках. У наших чинуш принцип простой — они хозяева своего слова. Хотят — дают, хотят — обратно забирают. Или потеряют, забудут, перевернут и с честными глазами объявят тебя душой.

Зубастый клерк вполне полугоблинского вида от моей наглости слегка опешил. Даже папку уронил, аж пыль столбом на столе. Что у него там, газетные вырезки времен первых пирамид?

— Да кто ты такая, наглая баба?! — взвыл между тем работник пера и чернильницы. — Чтобы сам господин начальник или даже его помощник на тебя вообще внимание обратили! Да в такой момент, когда... — тут он торопливо прикусил язык, но меня продолжал жечь гневным взглядом и явно сердился, что досадная помеха и не подумала испелелиться.

— Во-первых, я горожанка с двумя листьями. — Спокойно улыбнуться — это уже полдела. — Во-вторых, уважаемый, если уж первый помощник начальника стражи не побрезговал у меня лечиться, значит, он не только обратил на меня внимание, но и запомнил. Кстати, боль я сняла, но лечение не окончено. Если он пожелает еще раз воспользоваться моим мастерством, ему будет проще знать, на каком постоянном месте я нахожусь, чем искать меня по рынку.

Клерк аж надулся и приподнялся. Как жаба, готовая сглотнуть червяка. Только червячок внезапно зашипел по-змеиному. Поэтому кроме гнева в оранжевых глазах таился страх.

— Я понимаю, вы все тут такие серьезные мужчины, стражи порядка и наши защитники, — тут я добавила неподдельного благоговения в голос, а плюгавенький полугоблин неосознанно приосанился. — Слабой женщине без такой заступы никуда. И конечно, страшно отвлекать вас, господин начальник канцелярии, от важных и срочных дел. Но вот явится господин... Флессан, — пришлось срочно вспоминать имя вампира, к счастью, оно не выветрилось из моей головы, — боль снять в очередной раз, а меня на месте нету. И что мы тогда господину помощнику скажем? Что разрешения там работать у меня нет? Он ведь прибежит к вам. И что прикажет? Найти меня? Или попросит вас снять острую боль. Вы сможете?

Полугоблин обдумал эту мысль и впечатлился. Посмотрел на меня из-за папки, как фашист из-за бруствера на красного партизана, и слегка ворчливо, но уже гораздо более приветливо осведомился:

— А, так это ты... вчера замвампу челюсть обратно подвернула? Так бы и говорила сразу, а то голову морочишь, время зря тратишь... Сейчас, выпишу тебе бумажку. Погодь, печать в канцелярии шлепну. Но насчет места сама с цирюльней договаривайся, тут уж мы им не указ.

Здесь он прав. Но проблемы мы будем решать по мере поступления.

Усевшись на узкую лавку для посетителей, я спокойно смотрела, как полугоблин, скрипя пером и высунув от старательности кончик языка между развитых клычков — не чета вампирским, — выписывает мне разрешение на работу в Цирюльном ряду. И вспоминала, чем закончился вчерашний день.

На вечернюю прополку мы, конечно, опоздали, и хозяин огорода был этим очень недоволен. Как уж бабушка Му сумела его улестить — не знаю. Я так устала к вечеру — утром мы еще работали на грядках, а потом базар, щипцы, орки, зубы, вампиры... шопинг. Короче, я засыпала на ходу.

Кажется, хитрая бабуленция провела среди нашего надсмотрщика рекламную кампанию, подтвердив ее не только парой листьев на руке у каждого, но еще и какими-то сверточками и мешочками из своей бездонной корзинки. В всяком случае, старый ворчун сменил интонацию на гораздо более добродушную. И под их негромкие переговоры я просто уткнулась носом в подушку, подгрести себе под бок такого же уставшего Игги, и всё... блаженная темнота до утра.

На рассвете выяснилось, что до открытия ратуши еще много времени и что, раз уж я спала в сарае для огородной прислуги, должна отработать ночлег на прополке. Но я даже не огорчилась — мне

же надо было надрать свежей морозцы, а попутно подумать кучу разных химических мыслей. Курс фармацевтики нам тоже читали в свое время. Азартно копаясь в салатных зарослях и приветствуя чуть ли не каждый сорнячный лист довольным припевом, я мысленно была в стране возгонки, дистилляции, вываривания и усушки ценного сырья. Ибо каждый раз жевать собственноротно эту анестезию, чтобы потом впихнуть в пациента полученную кашлицу, — негигиенично, непрактично и вообще непрофессионально. Быть одновременно лаборантом и подопытной крысой — это слишком.

Когда солнце село на забор, я сбежала в ратушу, взяв в сопровождение только Игги; бабушка Му, как полноправная теперь гражданка и ценный специалист, ушла с ворчуном за внутреннюю ограду, туда, где клан выращивал самую ценную ботанику.

Ну и вот... бумажка с печатью легла мне в руки. А после этого нас так бесцеремонно выставили из ратуши на площадь и так торопливо захлопнули дверь, что я даже не успела передать плоскую мазь для вампиристого начальства. Ну, пожалела плечами: понадобится — сам придет, спрятала мазь в корзинку и решительно зашагала в сторону базара, вполуха слушая, как Игги бодро тараторит, прыгая по левую руку от меня.

— Я уже сбежал до золотчиков, но они такие цены ломают, умереть не встать! — щебетал он, шлепая новыми мокасинами по дорожной пыли. — И эти... которые, опять же, для рыболовов крючки делают... или там замки-ключи какие... кузнецы по мелочи... слушать не хотят, как я им твой рисунок на дощечке показываю. Не желают такое ковать. Так что придется либо с гномами договариваться, либо...

Что «либо», я дослушать не успела, потому что мы уже пришли. А вот зря не дослушала, потому что положение оказалось почти безвыходное.

Ну да, ну да, против официальной бумаги не попрешь, и не пустить меня в Цирюльный ряд на работу у гномов не вышло бы при всем старании. Кстати, среди базарных стригунов и зубодеров были не только бородатые, как мне показалось в первый день. Тут хватало разных рас и смесков в самых причудливых сочетаниях. Роднило их одно: дружная неприязнь к наглой выскочке.

Ну и вот. Место мне выделили в самом дальнем углу, так, что с базарной площади разглядеть — еще постараться надо и знать, что ищешь. Ну да ладно, с этим я справлюсь. Что такое грамотная рекламная кампания в нашем мире, не знает только младенец, да и то лишь до момента знакомства с первым гаджетом.

А вот как справиться с тем, что кроме корзинки с морозцей у меня из лечебного инвентаря только фартук с косынкой... А, вру, еще ведро с водой и горшок. Так вот, как справиться с тотальным дефицитом инструментов — с ходу и не придумаешь.

Так что там Игги говорил-то про альтернативные методы добычи оборудования?

Ох, если бы я знала, что оборудование на сегодняшний день — далеко не единственная моя проблема... и даже не самая главная.

Но я еще не знала. Что не мешало событиям идти своим чередом.

Глава 24

Вэйнис Рин Корван

— Господин Вэйн, они к вашим услугам.

— Большое спасибо, Эгси. Подождите, пожалуйста, пока я определяюсь с выбором.

Эгси даже не повел своей выцветшей бровью. Он уже сорок лет как служит Дому вампиров, и восемь из них — мой личный раб. Мне нравится делать всё, что захочу, например, быть вежливым с рабами. Иногда подчеркнута вежливым, когда вежливость становится оружием, точнее бичом, укротителя. Прилюдно крикнуть помощнику-стажеру из благородной семьи: «Поспеши, или ты не расслышал приказ?!» И тут же ласково сказать рабу-посыльному: «Можете отдохнуть». Все и так знают, что Вэйнис Рин Корван делает всё, что захочет, но еще раз напомнить, знаете ли, нелишне.

Впрочем, старина Эгси заслужил благодарность, сделав свою простенькую работу безукоризненно. Все три девицы недавно из купели, переодеты в белые покрывала и не забыли почистить зубы, и без того сверкающие, как Слезы моря. Незадолго до визита каждая выпила половину чаши разбавленного лунного вина. Больше было бы нежелательно, меньше — не имело смысла. Ни страха, ни дерзости, лишь слегка затуманенный взор и невидимые колокольчики негромко диньдинькают: «Всё будет хорошо».

Страх, конечно, есть — визит к вампиру, и совсем не добровольный. Впрочем, добровольные визиты — случай редкий, хотя бывает, бывает. Одна из трех девиц не впервые у меня, но боится тоже, и это приятно. Чужой страх — перчик, огонек, горчинка-горячинка. Приправа, без которой лучше остаться голодным, чем сесть за пресный ужин.

И вообще, когда совсем не боятся, вот этого я не люблю. Никого не бояться — моя привилегия.

— Подойдите, — и добавляю, с улыбкой, которую иногда называют оскалом: — Не вместе, а по очереди.

Еще несколько секунд удовольствия, когда в тройке родится пара и эта пара подтолкнет одиночку вперед. Чистые личики, белые накидки и такая же наивная уверенность, будто я выберу ту, что приблизится ко мне первой.

Вытолкнутой девицей была милая смугловатая коротышка, гномка с примесью человеческой крови. Я нежно погладил ее по шее, провел ладонью по щеке — надо пригласить цирюльника, пусть выщиплет волоски. Отстранил, сказал: «Подожди», поманил следующую.

У высокой блондинки отец, скорее всего, орк, а вот бабушка — эльфийка. Она держалась особо зажато и испуганно. Это мне так понравилось, что я лишь мельком осмотрел третью девицу — гоблинку с бледно-зеленой, даже беловатой, кожей. Потом отвернулся к стене, на которой висела шелковая карта Города, названия улиц были вытканы мелким бисером.

О чем думают застывшие девушки? Я не сомневался — о том, что сейчас я выбираю одну из них. Только этим заняты мои мозги.

Бедные дурочки. Я уже выбрал и думаю о своем. О совершенно другой женщине, которая сейчас скрывается на этих улицах. И я даже подозреваю, где она...

Впрочем, если я и был готов мучить их ожиданием, то томить себя голодом не собирался.

— Как тебя зовут? — Я так внезапно обернулся к внучке эльфийки, что вздрогнули все трое.

— Лэнтинуэ... Лэнти, — пробормотала она, и я оценил ее разумность. Может, когда-то, будучи свободной, она играла в длинные эльфийские имена, звучащие, как стрела на излете, но в моем доме их не терпят.

— Эгси, проводи остальных. Еще раз спасибо.

Лэнти устала на уходящих подруг, будто одной из них могло прийти в голову поменяться с ней местами. Те были, конечно, достаточно благоразумны, чтобы не броситься бегом, но шаг ускорили.

Подождал, пока удалятся. Лэ — сам сокращаю эльфийские имена до удобного размера — почти успешно имитировала равнодушие, оглядывая убранство моих покоев. Да, у меня есть на что посмотреть — золото любят все вампиры, другое дело, есть оно не у всех.

Впрочем, самое интересное в моем зале — я сам.

Лэ послушно откинулась на диване. Длинные мягкие волосы пахли цветами. То что нужно.

— Больно не будет, — сказал я.

И, как всегда, не соврал. Она лишь чуть вздрогнула. А я...

Я делал это больше тысячи раз в жизни. И всегда поражался вкусу первых секунд. Кровь помнит всё о человеке. Теперь со мной говорила каждая капля. Все обиды, радости и надежды этой дурочки, все ее приключения с первых дней жизни.

Я мог бы углубиться в любую из этих картин и увидеть подробности. Нет, сегодня обычный смак. В голове по-прежнему другая женщина. С которой мне предстоит познакомиться уже скоро, когда захочу. Хочет ли она — не имеет значения.

Я не самый главный в своем клане. Но самый значимый. И самый сильный маг, хотя давно привык скрывать свой уровень. Думаю, еще никто не пожалел, что именно я возглавляю Стекланный взгляд. Разведку клана, для которой любые стены — стекло.

Мой метод достаточно прост. Надо связаться со слугой, а еще лучше — рабом в каждом Доме. Втянуть в простейшее преступление, хотя бы предложить принести волосы хозяйки для колдовства. А потом пугать тем, что оно будет раскрыто. И сведения текут рекой.

Именно так было совсем недавно. Чтобы кланы не разорвались на аукционах в Подземелье, пытаюсь перебить друг у друга чистое чрево, установлена очередь на чистокровок. Когда портал открывался в прошлый раз, был черед орков. Теперь — нашего клана. Но я вовремя узнал, что эльфы решили подкупить гоблинов, чтобы те сделали вид, будто переход сорвался или чистокровки померли. И доставить их тайно в свой Дом. Пришлось отловить пару агентов, получить показания и конфиденциально обратиться к эльфам с ясным предупреждением: такая выходка — это немедленная война. Вампиры не будут ждать, пока у перворожденных повзрослеет выводок особо одаренных магов. И кстати, союзники в этой войне со стороны остальных народов обеспечены...

Кому-то могло показаться, будто Лэ задремала. Я знал и чувствовал — не спит. Потому что боится. И правильно делает. Нам не нужно очень много крови. Мы можем остановиться, когда захотим.

Но можем и не захотеть. Решение за нами. И ко мне, лучшему разведчику своего клана, это относится в первую очередь.

Почему эльфы и другие народы хотят опередить нас? Потому, что наша магия крови сильнее другого колдовства. Мне, как и любому вампиру-магу, не нужны колечки-артефакты, чтобы увидеть невидимое для других. Поэтому-то этот Лим мне немного смешон. Тогда, ночью, на площади, он не увидел того, что увидел я.

Почему же тогда чистокровка, не такая уж и юная девица, не в нашем Доме? Потому, что никуда не денется. Она под надзором. Н-да, интересно зелье она приняла, чтобы изменить состав крови, — оно могло обмануть артефакт эльфа и даже кланового вампирского нюхача, но не меня. И я не буду торопиться схватить ее, пока не выясню некоторые важные подробности. А еще у меня на нее есть свои, только свои, никому не известные планы.

И еще это недавнее мерзкое происшествие в Малом Горшечном проулке. Какая грубая работа... но и неплохой повод подразнить Отступника. Спокойная жизнь ему противопоказана, пусть развлечется, пытаюсь угадать мои мотивы и противодействовать «интриге», которой нет.

Когда злишься, сразу становится невкусно. К тому же в мои планы входило пить, а не выпить. Вампиры отворяют кровь клыками, а затворяют словом.

— Как ты чувствуешь себя, Лэ?

— Хорошо, господин. Я могу (я очень хочу!) идти?

— Конечно. Эгси распорядится, чтобы ты на три дня была избавлена от работ.

Девица удалилась, слегка придерживаясь за стену. Я вытер губы куском красного шелка и вернулся к прежним раздумьям. Итак, чистокровная человечка из другого мира. Не юная девственница — зрелая женщина. Привлекательная и уверенная в себе. Самостоятельная. Хм... это будет интересно.

Глава 25

Лилька

— Зубодеры не продадут, кузнец, который у Зеленого ряда, даже разговаривать отказался, ему гномья родня в уши навистела. Эти, как ты их... слюсаря... слесары... короче, кузнецы по мелочи, они тоже не хотят. Один прям в глаза смеялся, гад, заломил за работу три золотых, — докладывал мне раздосадованный Игги, сердито пиная купленную корзину, которую я на первых порах собиралась использовать в качестве стоматологического кресла.

М-да, всё грустно. Торчу на рабочем месте уже почти полдня, наблюдаю злорадные ухмылки «коллег», к которым не зарастает народная тропа, и тихо скриплю своими здоровыми зубами. Потому что... ну да, я могу обезболить пациента морозцей. Даже чужого пациента, фиг с ним, даже бесплатно — потому что я нормальный врач и спокойно не могу смотреть, как над людьми (да, людьми! Просто зелеными, клыкастыми и прочими) издеваются. Опять один портач явно не тот зуб выдернул, а вон тот здоровенный орк чуть не сломал соплеменнику челюсть. Всё обошлось только за счет повышенной прочности костей у этой расы.

Руки чешутся надавать неумехам по бороде и всё исправить, но как?! Силой мысли зубы лечить я пока не умею.

— Я тут это... — подергал меня за рукав Игги. — Подумал вот... Я однажды к камню сбежал, а меня поймали и отправили... это... ну, чтоб выпороли, к такому дядьке специальному. В ратушу, в подвал. К палачу, который при страже. — Он вздохнул, непроизвольно почесал пострадавшее в давнем инциденте место и понуро признался: — Страшно было, аж жуть! Даже и не кнута боялся, этот хмырь меня на табуретку посадил и велел ждать, пока у него руки освободятся. Он там какого-то воруго допрашивал, какого ему сверху прислали, драгоценности вроде покрал у гномской бабы, сам попался, а добычу успел сообщнику скинуть. Ну и того... пытали его на этот счет, значит. И вот...

— Ну? — Я смутно догадывалась, что хотел сказать пацан, и внутренне впала в смятение.

— Ну и у него полным-полно клещей, щипцов, ножичков и прочих иголок с ковырялками, — поеживаясь, доложил Игги. — Даже бур есть такой... ужасный! И он хвастал, что инструмент не казенный, а его личный, дескать, от прадеда еще собирали три поколения. Может, нам того...

— Обнести палача?! — Эта идея что-то никак не хотела укладываться у меня в голове.

— Ты ж запретила воровать, — насупился мой добровольный помощник. — Так что покупать придется. Правда, я не слышал, чтобы палачи продавали свои страховидлы. Что-то там такое есть — то ли нельзя, то ли удачи не будет в ремесле палаческом. Но нам-то повезло! Я тут узнал, что дядька тот, к которому меня водили, помер, чтоб ему гроб с иглоками.

— И чего?

— Да сынок его... Я тут послушал, что на базаре болтают. Никчемук, говорят. Папаша его учил-учил... не одно ведро прутьев о бестолкового отпрыска обломал, а он все приемы вы зубрил, как там тело устроено, где больнее сделать, где наоборот — расскажет лучше лекаря. А как живого, стал быть, преступника видит — плачет и в обморок падает. Не может пытать, чувствительный слишком. Ну и сидит, дурень, в папашинем доме, голодает. — По мере рассказа Игги вроде как всё больше проникался сочувствием к неудачливому наследнику заплочных дел мастера, но при этом чувствовался его деловитый интерес. — Всё, что было, уже продал-проел, а железяки палачные кто ж у него купит? Или он не продает, я не понял. А с наследственного места при ратуше его турнули — зачем им палач, который раньше своей, значит, жертвы рыдать начнет?

Я задумалась. С одной стороны — бр-р-р-р! А с другой... какой еще у меня выход? Хоть одни щипцы и пару буравчиков куплю — уже хорошо.

— Где он живет, знаешь? — Я деловито сложила в корзину весь наш скудный пока инвентарь и закинула ее себе за спину. — Пошли, чем черт не шутит.

Игнорируя торжествующие смешки конкурентов, мы развернулись и потопали куда-то в путаницу переулков позади рынка. Игги ориентировался в них, как рыбка в родном аквариуме. И уверенно вел меня то налево, то направо, то нырял в какие-то совсем тесные щели между двумя домишками. Пока не привел к довольно добротному строению, спрятавшемуся в глубине опрятного когда-то сада.

Тут всё свидетельствовало о том, что прежнее благополучие неумолимо разрушается под натиском времени и обстоятельств. Медное кольцо на двери еще осталось, а вот колокольчик уже сняли и, скорее всего, продали. На ступеньках еще виден невыгоревший след от коврика, но самого его уже нет — наверняка устилает порог чужого дома.

На стук сначала никто не отреагировал, и только пару минут спустя щелкнул замок. В приоткрывшуюся щель высунулся сначала черный лохматый чуб, а потом длинный, тонкий, но при этом украшенный выдающейся горбинкой нос. Нос шмыгнул, а из-под чубчика на нас несколько раз моргнул большой печальный глаз в длинных, на зависть любой девчонке, ресницах.

— Пацана пороть не буду, — мрачно заявил обладатель носа и глаза, рассмотрев за моей спиной робко притулившегося Игги. — Идите отсюда. Я болен. И не работаю. И вообще переехал. — Грустный потомок палача попытался захлопнуть дверь, но я вовремя успела сунуть в щель ручку от корзины.

— Я и не предлагаю! Мы пришли посмотреть на ваши инструменты и что-нибудь купить.

От неожиданности мальчишка отпустил дверь и даже отступил на шаг, так что я беспрепятственно смогла пройти в дом, а Игги тут же просочился следом и принялся с любопытством оглядываться. Искал тот самый наследственный кнут, которым его... не нашел и успокоился? Похоже.

— Да как же вам не стыдно! — опомнился хозяин дома и вытаращился на меня из-под копны черных волос таким осуждающим взглядом, что мне и правда на пару секунд стало совестно. — Вы же женщина! Вы должны... заботиться, лечить, жалеть! А не пытаться! Как вам такое в голову вообще пришло! Я слышал, что среди клановых высших бывают извращенки, но чтоб настолько...

Мальчишка махнул рукой, и тут я вдруг поняла, что он почти готов заплакать. Но нет, вместо слез потомок палача разразился страстной речью.

— Вы знаете, сколько труда и знаний надо, чтобы залечить хоть маленькую рану?! — выпалил он, яростно раздувая ноздри. — Сухожилие срastить, вывихи вправить, кожу зашить, чтоб шрам маленький и не болело! А ожоги?! Вы знаете, как трудно лечить ожоги?! — Несчастный пацан принялся метаться по мрачноватой просторной прихожей из угла в угол, размахивая руками и гневно тыча пальцем в мою сторону. — Я их всех старался вылечить! И как больно смотреть, что тот, кого ты почти выходил, опять, опять... что его обратно на дыбу и кнутом! Или еще хуже, щипцами, и... это неправильно! Нельзя так! Я всё учил, я лучше отца знал, где какая жилка, какая мышца, чтобы помочь! А он... а они... Да будь они прокляты, эти инструменты! Ничего не продам, лучше в омут сброшу, чтоб они пропали совсем, понятно?!

Последние слова он яростно выпалил прямо мне в лицо, подскочив почти вплотную.

— Убирайтесь отсюда! — и попытался толкнуть в сторону двери, но споткнулся о сбившийся, совсем ветхий половичок, потерял равновесие и точно пропахал бы выдающимся рубильником собственный порог, если бы я его не поймала на лету.

— Ш-ш-ш, тихо, — сказала я, воспользовавшись тем, что на секунду скандалист-пацифист потерял не только равновесие, но и ориентацию. — Не надо так волноваться. Я не палач, я лекарь. И очень хорошо тебя понимаю: ужасно обидно, когда все твои труды ломают одной злой волей... — Я погладила встрепанную шевелюру мальчишки и вздохнула. — Ты перестань кричать и послушай, ладно? Я пришла с деловым предложением, которое тебе наверняка понравится. И никого не надо будет больше пытаться, никому не надо делать больно просто так. Если только по необходимости, ради излечения.

Глава 26

Через полчаса я сидела на протертом диванчике у холодного камина и тихонько вздыхала, поглаживая по голове уткнувшегося мне в колени мальчишку. Ну вот, хотела когда-то сына? Судьба иногда так затейливо шутит... вытаскивая из тебя материнский инстинкт тогда, когда ты сама меньше всего ожидаешь.

Угу, этот неудавшийся палач с душой настоящего лекаря, тощий, нескладный и замученный — почему именно на него я так отреагировала? Кстати, только потом разглядела, что он старше, чем показался на первый взгляд, а пацаном выглядит именно из-за субличности и осунувшегося лица, на котором остались нос да глаза.

Жалко стало пацана до нестерпимого жжения в груди. Хороший ведь мальчишка... и такой невезучий. Захлебывается вон, рассказывает торопится, как он старался лечить и спасать и как у него получалось! А папаша, вместо того чтобы похвалить, лупил, и небось сильнее, чем инного подследственного.

Старый дурак. Такие способности к медицине — и так бездарно их ломать! Туда ему и дорога, крокодилу, я еще схожу и на могилку ему плюну. Наверное. Посмотрим.

— А утром булочник приходил и сказал, что корки сухой больше не даст, если долг не верну... А молочник и мясник еще месяц назад перестали в кредит давать, и... — сбиваясь с мысли, вдруг пожаловался парень. И отчаянно смутился, покраснели даже уши. — Простите! Я не хотел побираться, я не поэтому, и...

— Ну тихо. — Я снова погладила его по спутанным, но чистым волосам и глянула на притихшего в другом углу дивана Игги. Тот посопел немного и достал из кармана аккуратно завернутый в тряпицу бабушкин пирожок из огородного тандыра. Протянул хозяину дома и довольно приветливо, хотя и ворчливо, сказал:

— На, ешь. Он с капустой. И это... тебя как зовут? Меня Игги, а ее — Лилька.

Голод оказался сильнее стеснительности, поэтому сын палача сначала схватил выпечку и откусил чуть ли не половину, потом испугался, едва не подавился, но под моим строгим взглядом прожевал то, что откусил, и потом только представился:

— Я... Я Матео... Спасибо! Только мне нечем заплатить...

— За угощение денег не берем, — насутился Игги. — Лопай. Сами, небось, голодовали, знаем, как оно. Ты эта... объясни по-нормальному, почему струмент-то не хочешь продавать?

— Да нельзя же, — печально вздохнул Матео и слизнул крошки с ладони. Опять жарко покраснел и всё же пояснил: — Потомственные они, рунные, зачарованные на кровь. Пытать ими только я теперь могу или тот, кто мой помощник по договору, — вроде как ученик. Это первое. А второе — кто купит-то? Другие палачи — у них свое есть, да и не продал бы я гадам, даже если б мог. А больше никому не надо, если только извращенцам каким. Не для настоящей пытки под печать, а так, поизмываться — это они смогли бы. Да только шиш! — Мальчишка воинственно выпятил подбородок. — Лучше с голоду помру. А лекари ко мне за пыточным еще ни разу не приходили...

— А сам чего не лечил за деньги, ежели, говоришь, хорошо получается? — не унимался мой зеленый проводник.

— Да кто ж мне доверит? Сыну душегуба, — с горечью усмехнулся Матео. — Мне вообще никакой работы в городе не найти. Не берут. Даже золотари и те... — Он махнул рукой.

— Слушай. — Я задумчиво нахмурилась. — Ладно, продать ты не можешь. А дать на время? Просто попользоваться в твоём присутствии? Вроде вот как с тем договором про ученика?

— Э-э-э... Ну да, я же говорил, это можно. Только кому? И зачем?!

— Мне. Я буду зубы лечить, ну и удалять, если придется. А ты на подхвате. Потом что-нибудь придумаем еще, лекари всегда нужны, а репутация — это дело наживное и рекламное.

Матео аж рот приоткрыл. Игги тоже впечатлился.

— То есть вы...

— Давай так. — Я встала и огляделась. — У тебя большой дом на хорошей улице. Тут и садик есть, и огород там, позади, верно? Холл удобный, пара отдельных комнат на первом этаже под кабинет и лабораторию. Кресло то, страшное, из подвала, от которого вас обоих перекашивает, тоже пригодится — не мучить людей, а лечить. Переделаем совсем немножко — и будет

стоматологическое. А то пациент дантиста на корзинке — это даже не смешно. Ну вот. Короче! Как ты смотришь на то, если мы у тебя арендуем и дом, и садик, и весь твой наследственный скарб? А заодно будешь моим помощником.

— Э-э-э... — проблеял ошеломленный Матео. — А-а-а... а вы меня правда возьмете в помощники? Лечить людей?! Правда?!

— Ну, ты не радуйся так, — на всякий случай предупредила я. — Мне самой еще придется доказывать, что я не самозванка и не зря получила разрешение на работу в Цирюльном ряду. И да, для начала придется ходить за пациентами на базар. Просто так в этот дом никто не придет, надо будет всё грамотно рассчитать и нужные слухи распустить.

Матео кивнул, как замороженный. Кажется, он готов был поверить, что я одним взмахом рукава сейчас решу все проблемы. Эх, если бы это было так просто.

— Давай договариваться о цене. Я узнавала, сколько примерно стоит аренда комнаты, которую я хотела позже снять под кабинет. Так вот... если учитывать весь дом, да еще сад с огородом, и то, что мы будем здесь с тобой жить... но за это бабушка Му станет ухаживать за всяким приусадебным хозяйством и готовить... Хм. Я думаю, ползолотого в месяц будет честно.

— Сколько?! — хором спросили Игги и Матео.

— Ползолотого. Больше пока не обещаю, — вздохнула я.

— Да вы с ума сошли! — в священном ужасе пролепетал хозяин. — Такие деньжищи! Это же...

Игги промолчал, зато посмотрел на меня ну о-о-очень выразительно. Разве что пальцем у виска не покрутил.

— Всё нормально, — отмахнулась я. — Считай, я ведь еще и тебя в помощники хочу, а жалованье пока платить нечем, будешь чисто на стажировке. То есть ты входишь в стоимость аренды. Ну что, согласен?

— Согласен! — торопливо и восторженно выпалил носатый вороненок, вскакивая с пола и протягивая мне руку в традиционном местном жесте соглашения. Я хмыкнула и пожала ее сначала за запястье, а потом обычно, как и у нас принято.

— Сделка.

— Сделка! — подтвердил Матео. — А вы прямо сегодня переедете?! И... эта... бабушка... — Он мучительно сглотнул слюну и в очередной раз покраснел. — Она тоже сегодня придет? Дрова для плиты на кухне у меня еще остались... а вот еды совсем нету.

Мы с Игги переглянулись и не удержались от смеха, хотя на самом деле оба сочувствовали бедному парню. Вот ведь до чего оголодал, все мысли только о пирожках...

— Я думаю, уговорим, — кивнула и подмигнула зелененькому. — Главное, с внутреннего огорода ее выманить и...

Закончить мысль я не успела. В дверь, которую Матео машинально запер после того, как впустил нас в дом, вдруг заколотили, причем, кажется, ногами.

Глава 27

— Открывай, братик Матик! Счас повеселю и обрадую.

Матео вздрогнул, втянул голову в плечи, но встал и поплелся к двери с таким видом, словно его тянут на веревке. И на меня оглянулся потухшими глазами. В чем же дело?

— Кто это? — спросила я, садясь в кресло чуть в стороне от окна.

— Сейм, отцовский ученик, — почти неслышно выдохнул парень, и я поразились — он снова стал похож на привидение самого себя. — Ему работа... папашина работа всегда в радость, — промямлил он и отодвинул засов.

На пороге нарисовался молодчик, невысокий, но крепкий, с лицом цвета молодой травы и явными эльфийскими ушами. «Расизм здесь не в почете», — подумала я.

В руке у эльфогоблина была корзина, откуда шел приятный аромат. Гость, непонятно, насколько жданный и прощенный, с хозяйским размахом водрузил корзину на стол, не глядя, разобьется ли разбросанная посуда. Повернулся к Матео, схватил за плечо — парень попытался отодвинуться, но не успел. Притянул, положил руку на лоб, заглянул в глаза.

— И жив, и здоров! — радостно воскликнул Сейм. — Инструментики-то и кресло папашино не продал?

Похоже, Матео смог пролепетать что-то вроде «не, не продал». Он вообще смотрел на гостя как кролик на удава и дрожал.

— А дом, надеюсь, не заложил? Ух ты, вообще золотко! А у меня для тебя радость!

Тут только гость заметил меня и Игги.

— А эт кто? Старьевщица с таскуном? Ты вовремя, нам четыре лапы пригодятся. Счас поставлю задачу!

Я не шелохнулась в своем кресле. Гость явно играл, и мне хотелось досмотреть спектакль. На сцену выйти успею.

Утратив интерес к «старьевщице», эльфогоблин обернулся к Матео.

— А радость, золотко мое, вот такая. Думаешь, я забыл о тебе после погребального пира? Не-е. Я тебе невесту нашел, сеструху мою, девицу скромную, красивую, работающую.

Последние три слова он произнес так быстро, что прозвучало «скромнокработящую».

Глаза у будущего «жениха» увеличились в размере раза в два, и в них заплескался такой ужас, что я уже почти привстала, чтобы бежать спасти ребенка, но тут незванный гость сам отпустил свою жертву и как ни в чем не бывало затрепал дальше:

— Сам знаешь, новости-то слышал? Работы у меня выше главной Башни. Время не теряем, невеста уже наряжается и ждет нас в храме Верной Девы. — Он повернулся к столу, сунул руку в корзину, вытащил тяжелую бутылку.

— Счас помолвку отметим, чуток закусим — и в храм. Где тут стаканы-то? Нету? Ну ладно, из горла. Пей, родственничек! И благодари!

— А... по... — пробормотал Матео, пытаюсь отстраниться, но бутылку упорно совали ему чуть ли не в зубы.

Я сразу насторожилась. Сам пришелец отхлебнуть не торопился, а мальчишку явно хотел напоить. Чем? Просто вином, спиртом, слегка для запаха разбодяженным, или еще чем похуже?

— А потом, в эти горячие деньки, за работу. Папаша твой умница был, инструментики лучшие в Городе, они уже без дела плачут. Поможешь мне. Есть-то небось хочется, а? Да чтобы каждый день?

Сейм не только тараторил, но и настойчиво пихал бутылку под нос пятившемуся Матео. Так настойчиво, что я решила: пора вмешаться.

— Во-первых, — сказала я отчетливо и громко, — хозяин дома не хочет пить, если вы не заметили. А во-вторых...

Эльфогоблин резко обернулся ко мне. На этот раз посмотрел внимательно. И в его глазах блеснуло такое, что будь я помладше или более робкого десятка — попятилась бы.

— Так ты не старьевщица, — протянул он задумчиво. — Вдовушка-сноровушка, хищница-добытчица. Козочка топ-топ, топ-топ, глянь — открытый огород. Вот туда и шась! Решила дурачка к рукам прибрать?

Тон был добрый, ласковый, будто веселил ребенка. А потом резко изменился на почти рык:

— А теперь огород закрыт! Понятно?! Пшла отсюда! Быр-р-ро!

Конечно, я испугалась. Конечно, не подала и знака — научилась не пасовать за столько-то лет в государственной поликлинике. Там такое хамье попадалось, что ой. И не раз.

Поэтому ответила спокойно, громко и хладнокровно:

— Я не глухая, так что орать не обязательно. А насчет огорода вы правы. Он закрыт. Мы с господином Матео уже заключили договор аренды на пять лет. — Последнее было чистой воды блефом, но глаза у неудачливого наследника палача загорелись такой надеждой, что я перестала сомневаться. — Поэтому попрошу на выход. И не пейте больше, это плохо сказывается на вашем здоровье — уже не можете отличить полноправную горожанку от побирушки.

В цель! Эльфогоблин застыл на месте и, кажется, даже зашевелил ушами.

— Полноправная горожанка? — наконец сквозь зубы выдавил он. — Какая еще аренда? Чего аренда?

— Дома, участка, а также всего, что находится внутри помещения, — любезно пояснила я и улыбнулась своей фирменной улыбкой дантиста из фильма ужасов. — Ну и господин Матео любезно согласился стать моим учеником.

— Женщина, не очень ли много ты себе позволяешь? — совершенно трезвым голосом зашипел на меня Сейм. — С кем тягаться вздумала? Я тебе не привратник и не писарь. Главный городской палач оказывает очень важные услуги очень важным людям. Только вчера я по просьбе сотника Родонта допросил двух негодяев и не заполнил ведомость. И знаешь, я помню крики гордецов, имевших и три листика на руке! Гордецов и гордячек!

Спокойствие, только спокойствие...

— Если это главный городской палач, тогда я главный жрец храма Верной Девы, — заметила я. И, не дожидаясь, когда шипение перейдет в рычание, обратилась к Матео: — Простая женщина не разбирается в субординации мужчин. Сотник — это тот, кто главнее начальника стражи?

Матео опять мекнул. Зато Сейм сказал, чуть спокойней и саркастичней:

— Тебе знаком начальник стражи? Вполне возможно, ты удовольствовалась его двадцать лет назад. Не хочу огорчить тебя, женщина, но за эти годы начальник сменился, и нового вряд ли обрадуют старушечьи ласки.

Вдох-выдох, удар выдержан.

— Не начальник, а его помощник Флессан. Два дня назад он стал моим пациентом, и лечение продолжается. Когда он придет ко мне за следующей порцией лекарства, я обязательно спрошу его, кто главнее, он или сотник Родонт.

— Врешь!

— Врет?! — наконец подал голос Игги. И продолжил с нескрываемым азартом: — Че это она врет-то?! Давай спорить: если она врет, можешь отрезать мне ухо. А если нет, я тебе ухо отрежу. Или она. Замажемся прям сейчас?

— Спорить с помойной лягушкой? — Гость переключился на нового оппонента.

— Во вранье порядочных людей обвинять — это пожалуйста. А повторить — слабо? А на спор — слабо?! Слабушка ты и зассыка, — так же азартно закончил Игги.

Гость рывкнул и двинулся на зеленого пацана. Его правая рука легла на ножны кинжала, прикрепленного к ремню.

Я встала между ними.

— Давай-ка так, — первый раз обратилась к нему напрямую. — Сейчас ты уберешься отсюда. Быстро! И тогда я ни слова не скажу господину Флессану.

— О чем? — спросил гость, убрав руку с ножен и шагнул назад.

— Ну, например, о том, как ты собирался опоить мальчишку и насильно женить, чтобы прибрать к рукам его наследство.

Сейм застыл на несколько секунд. Потом повернулся к дверям.

— Женщина, тебя не обрадует наша следующая встреча.

— Кому радостна встреча с тухлятиной?! — громко сказала я. — Пшел!

Дверь захлопнулась. Матео подошел к ней, так же машинально запер. Обернулся ко мне.

Мама дорогая! В глазах смех и слезы.

— Вы... вы его не боитесь? Он же может замучить, если захочет. Он вообще... — Мальчишка зябко передернул плечами и скукожился. — Вроде ласково, со смехом, всем улыбается. А сам втихаря как ткнет иголкой в жилку... или ущипнет без синяка. Или подложит чего, за что папаша потом выпорет... А жаловаться бесполезно — ему все верят. А мне нет...

— Не боюсь, — твердо сказала я. — И такому поганцу никогда в жизни не поверю. Ничего, отобьемся.

— Он так просто не отступится, — шмыгнув носом Матео.

Я потрепала его по плечу и подтолкнула к столу, где уже хозяйничал Игги. Вот уж кто нигде не растеряется, даже на войне, небось, первым делом вражеский обоз отыскал бы и немного пограбил. Вот и сейчас — уже потрошит корзину, которую принес Сейм.

— О! Крутяки из норной свиньи в белом тесте! Еще горячие, со сладкой горчицей, с пурпурным салатом, как господам подают. Да тут на всех хватит! — продолжил он, уже чавкая.

Нижняя ступень пирамиды Маслоу сильнее всех. Матео шагнул к корзине.

Я чуть посомневалась, а потом взяла со стола бутылку, из которой настырный гость пытался напоить хозяина. Понюхала. Да, опрокинь парень полкружки этого, на голодный желудок, даже не знаю, вел бы его Сейм в храм этой Верной Девы или нес на себе, как замученного клиента. А там бессознательное тело быстренько бы оженили. Впрочем, уже неважно.

— За новое предприятие! — сказала я, салютнув мальчишкам бутылкой.

Чуть не добавив: «И за нового врага».

Глава 28

Лимеас из клана Остролиста

С незапамятных времен в моем ведомстве действовал закон: «Три серебрухи, три оплеухи». Смысл прост: любой бродяжка, хоть в набедренной повязке из полусухого камыша, может зайти в Башню и проследовать в отдаленную Расспросную комнату, где рассказать о том, что слышал, что видел, о чем догадывается. О тех, кто прячет, о тех, кто прячется, к чему-то готовится или замышляет. За полезную информацию гостю полагаются три серебряные монеты, за давно известные или очевидно недостоверные басни — три оплеухи.

Традиции надо беречь. Но в эти дни я принял решение на время от них отречься. Каждый, кому есть хоть что-то сказать про убийство в Малом Горшечном, может болтать, не боясь оплеух. Секретарь Хвыщ, с его старательностью и умением схватывать с полуслова, проводил в Расспросной комнате полдня, а если и отлучался по прямым делам, его вызывали шнур-колокольчиком, и бродяжка повторял историю, к делу, как правило, не относящуюся...

— Орк Рагот, вышибала из таверны «Три змейки», месяц назад напился и кричал, что готов бабу-изменщицу зубами загрызть, хоть вампирку, хоть эльфийку.

— Мой кореш, что в ювелирной лавке гнома Гранда на побегушках, говорил, что хозяин недавно полдня колот слезы моря на осколки, шкатулку оклеивать. Вот и подумал: на кой ляд ему крупные камни мельчить-то? Может, камни лихим путем пришли. В какой день? По правде, за день до того, как ту бедняжку в проулке погрызли.

— Этот выползыш лесной меня совсем уважать разучился. Собрался на ночное дело, меня брат не стал, говорит — пьешь много, меня подставишь. И пошел на дело как раз той самой ночью, когда девку убили-ограбили. И меня не взял. Может, неспроста?

Вся эта информация гроша ломаного не стоит. Но три гроша, вместо оплеух, визитеры получают. Чтобы никто не боялся за свои уши и спешил за наградой. А информация будет собрана и отработана.

Вот только на три серебрушки пока никто сведений не принес. Тем более на три золотых, за особо ценные сведения, хотя слух об этом пущен еще позавчера.

По правде говоря, если явится завтра кто угодно и скажет имя убийцы, адрес, да еще проводит, получит тридцать золотых, от меня лично. Но сердце чует, награда окажется не востребовавшей. Злодей обошелся без сообщников и свидетелей.

Визитеров много. Никто, даже последний подонок, ночующий в гнилых базарных углах, не рад этой истории. Стража на улице шерстит всех подряд, стрелки ночных патрулей готовы разить из арбалетов, даже не крикнув «стой!». Да и кому нравятся убийства? Зажать, закрыть глаза, сорвать золото-камни — это пожалуйста. Убивать зачем?

Отрешиться, откинуться в кресле. Забыть ворох расспросных листов — его приносит и зачитывает Хвыщ раз в три часа. Ощутить, как Тишина прыгнула на колени, погладить ее. И задуматься над этим простым вопросом: убивать зачем? Зачем убивать? Кому это нужно?

И чего хотел добиться убийца? Кстати, а чего он добился? За три дня прибавилось работы оружейникам, лучшие мастера сбыли запасы оружия и трудятся до заката над новым, пока закон позволяет гремять молотом. А ночью — точат клинки, выкованные днем.

Каждый горожанин, с тремя листиками и больше, имеет право носить любое оружие. И обязанность состоять в легионе Дома, если он не обосновался в Ничейных кварталах. Впрочем, история прежних заварушек напоминает: произойди то, о чем думать страшно, каждый смеска поспешит примкнуть к какому-то клану. Быть одинокой кошкой на горящем базаре не хочется никому...

Моя одинокая кошка зашипела и слегка вонзила когти. Нет, я не дернулся и не напугал ее. Это мои мысли мечутся летучими мышами в освещенной пещере, а тело — почти дремлет. Тишина предрекает визит. Судя по ее реакции — неприятный.

Краем глаза увидел входящего в кабинет отца. Пусть решит, что сын спит. Пусть сядет напротив. Да, теперь я проснулся.

— Приятных снов, Лим, — улыбнулся отец. — Расскажи мне немного о них. Ты поймал во сне чистокровку? Ты нашел и покарал убийцу нашей соплеменницы?

— Чистокровка не найдена, — спокойно ответил я. — Убийца в розыске.

— Я еще понимаю, почему не найдена чистокровка, — отец продолжал улыбаться, — твоя должность приводит к деградации умственных способностей. Но ведь есть голос крови. Убита наша кровь, убита эльфийка. Эльфийка, а не базарная шлюха пяти кровей!

— Один эльф, — ответил я максимально спокойным тоном, насколько мог, — не так давно говорил, что самая чистокровная эльфийка, спутавшаяся с орком или гномом, тотчас же становится шлюхой. Не ты ли это был? Я правильно понял, что, пока она была жива, она была «шлюхой», но, погибнув, стала «нашей кровью» и требует отмщения?

Отец не взорвался. Наоборот, его голос стал спокойней и холодней моего.

— Да, это так. Судить, прощать, карать отступниц — наша привилегия. И отступников тоже. Я очень хочу проверить, насколько в тебе силен голос крови. Похоже, осталось только одно средство. Ты помнишь, что станет с твоей матерью, если я отрекусь от тебя?

— Помню, — ответил я. — Но пока я являюсь начальником стражи, ты не отречешься. Если я лишусь поста, по закону стражу тут же возглавит вампир. Я сказал всё и хочу думать дальше.

— Тебе есть над чем подумать, — согласился отец и ушел.

Тишина лизнула меня в щеку.

Думать, думать, думать. Какие имеются улики и против кого? От несчастной девицы осталась ее память и тщательно снятый восковой слепок с раны. И картинки мгновенного запечатления — для следствия. Если бы гном, снявший всё это, с таким талантом читал прошлое, то разглядел бы лицо убийцы под плащом. Увы, он сильный художник, а сильных магов уже нет.

Надо быть честным. Я понял, что отгоняю от себя мысль о самой главной улике — странице путевого журнала. Почему Флесс меня обманул?.. Нет, не обманул. Он не сказал ни одного слова неправды. Он просто вел себя в то утро так, будто направился в Башню, не заехав домой.

Во время расследования я очень осторожно расспросил его, держа перевернутую страницу журнала. Мой помощник... точнее, друг не сразу понял, о чем речь. Когда понял — извинился. Да, конечно же, он был обязан немедленно явиться в Башню, тем более огонек в окне моего кабинета с его-то зрением виден и с окраины. Но хотел домой, узнать о здоровье дочери. А потом решил дождаться утра.

«Дома?» — захотелось спросить. Но я промолчал.

Ладно, дал волю самой дикой мысли. Но мотивация? Флесс дорожит местом в страже. Ему никогда не занять в клане тех постов, которых он достиг здесь. Или...

Осторожный стук. Вошел Хвыщ.

— Господин Лим, очень интересный свидетель. Послушайте.

Первые слова слышал краем уха. Потом весь превратился во внимание.

— Гоблин-огородник, бродяга. Был работником у ювелира Солта — гнома трех кровей. Изгнан за пьянство. Заранее сделал лаз в заборе, пробирался на усадьбу, ночевал в беседке и воровал по мелочи, чтобы не заподозрили. В ночь, точнее, в утро убийства видел, как вошел некто, закутанный в плащ. Хозяин беседовал с ним в саду. Гость что-то передавал, шепотом спорил о цене, потом нехотя полез в карман...

— Фигура в плаще, — вздохнул я. — Хоть какие-то приметы?

— Гость часто хватался за щеку, будто она сильно болела, — сказал Хвыщ.

Глава 29

Лилька

— Ну дык я ж те говорил, маленько стукнутая она. Головой. — Шепот из-за угла заставил меня тихонько фыркнуть, но даже ни на секунду не отвлек от вдумчивого изучения сокровищ. — От ить... в остальном баба как баба и ваще отличная тетка, а как железяки страшные увидит — так глаза горят хуже, чем у вампирюги опосля бескровной недели.

— А это... — Голос Матео звучал робко и настороженно, в отличие от бодрых сентенций моего зеленого помощника. — А она точно никого не того?

— Да не-е-е... Она токма в зубах ковыряется, я сам видел. Жилы ни с кого не тянет, зуб даю! Ой, тьфу!

Я опять хихикнула про себя и любовно переложила в кипятильную кювету пятый зубной бор. Самый настоящий зубной бор для ручного сверления! С ума сойти, словно из витрины кунсткамеры какой вынули и среди палаческих крючьев разложили. Ну да, в целом высверлить кариес этой штукой можно, но по факту это будет самой настоящей пыткой на несколько часов. Это если без обезболивания, конечно. Знать не хочу, зачем палач себе таких поназавел, да еще и с головками разных размеров и чтобы под разным углом сверлить. Я буду людям помогать и радоваться.

(Для справки: В конце XVII века голландским хирургом Корнелиусом Золингеном был сконструирован первый ручной бор, состоявший из стержня с шести- или восьмигранной ручкой и съёмных головок разной формы. Врач работал с бором, вращая его пальцами, и, хотя это была трудоемкая, долгая и болезненная процедура для пациента и самого врача, этот способ применялся достаточно долго за неимением альтернатив.

Иногда за время такой операции врач мог натереть пальцы до мозолей. В 1846 году стоматологом из Америки было изобретено кольцо со втулкой, которое надевалось на указательный палец дантиста. При помощи такого нехитрого устройства руки врача были защищены, а вращение ручного бора стало немного легче.

В последующие годы ручной бор совершенствовался, и с каждым разом работать с его помощью становилось все легче. Но настоящим прорывом в стоматологии стало появление первой бормашины с ножной педалью.)

Папаша Матео был фанатом своего дела. Мне пришлось потратить три дня, чтобы вручную перебрать его жутковатое наследство. Спасибо моему медицинскому прошлому, мне ни разу настоящему не поплохело, но вот воображение за эти дни отработало по полной, обеспечив меня парочкой ночных кошмаров с детализированным употреблением палаческого арсенала.

Но дело того стоило — из чистого, сухого и жуткого подвала я выбралась на свет вооруженная до зубов в буквальном смысле слова. Во-первых, с помощью мальчишек я отвинтила от пола и выволокла в холл кресло. Выглядело оно натурально как из ужастика, но подошло почти идеально. Потому что регулировалось по высоте (ай да папаша, изобретатель был тот еще, а шипы на винтах из сиденья мы вынули), имело не только наклонную спинку, но и отличный подголовник, подлокотники и подставку для ног пациента. Правда, во всех этих местах были привинчены кандалы, и я на пару минут даже задумалась, стоит ли их снимать. Но потом решила, что как-то справлялась же раньше с пациентами без жесткой фиксации — и теперь разберусь.

Колодки мы отвинтили. И чтобы кресло не выглядело таким пугающим, пожертвовали еще двумя серебришками. Пока бабушка Му копалась на грядках позади дома, поливая весь белый свет и меня заодно непрекращающимся ворчанием за глупость и авантюризм, сорвавший ее с уже договоренного места в огородах клана, мы сгоняли в подвал к Хапире и притащили оттуда немного поеденный какими-то «окуяками-кровокрызами» непромокаемый плащ пограничного стражника. Пух гигантского сорняка, похожего на одуванчик-переросток, отлично пошел на умягчение седалища под обивку из плаща, благо этим «козодоем» оказался забит весь сад позади дома и бабушка его безжалостно изничтожала.

Короче, когда мы закончили модернизацию кресла, даже Матео оценил:

— Не знал бы, дык не догадался б, что это папашино. Выглядит богато, как у судьи, и загадочно, почти как у магов!

Короче, зубокабинетное кресло я получила, систему освещения с помощью трех зеркал и одного зеленого и шустрого наладчила — ловить и перенаправлять солнечный свет Игги страшно понравилось. Правда, приемные часы у нас будут только с полудня и часов до шести, когда местное светило перекатится через крышу и примется освещать нужную сторону дома, но и то хорошо. С утра мы будем ходить на базар, новых пациентов набирать.

Ну так вот. Помимо ручных боров я обзавелась великолепным набором скальпелей, отличными расширителями (ой как пригодятся, чтоб местные зубастые пациенты мне пальцы не откусили), парой отполированных фигурок на ручке, больше всего похожих на нормальные зуболюбительные зеркала (не хочу знать, что старый извращенец с их помощью разглядывал, не хочу!), кучей неплохих щупов-ковырялок и, естественно, целым набором зубодерных щипцов. Нашлось даже два почти настоящих шприца! Правда, размер... как на слона. И иглы... Но это дело времени — образец есть, закажем и потоньше. Сокровища! Да не каждый корифей стоматологии в середине восемнадцатого века таким арсеналом обладал. Да и девятнадцатого, если на то пошло.

Вот накоплю денег и закажу у мастеров бормашину с ременным приводом. Как она устроена — я с закрытыми глазами смогу нарисовать. Приходилось качать педальку, как у швейной машинки, у бабушки в кабинете — бабушка у меня работала стоматологом в школе. Кто учился во времена семидесятых-восьмидесятых в провинции — тот до сих пор помнит эту веселую фиговину.

Эх, мечты-мечты... а деньги почти кончились. Два золотых вроде было — это по местным меркам много. А разлетелись на медяки — только оглянуться успевай.

— Так, походный набор я сложила, завтра идем на базар, — вынесла я решение за ужином, который приготовила и подала бабушка. — Сегодня моемся как следует, лекарь должен быть опрятным. И не морщись мне, а то не возьму с собой, пойдешь грядки полоть! — цыкнула я на Игги. — Ложимся пораньше, чтоб бодрые были с утра. И отправляемся на заработки! Матео, ты слюноотсос не забудь, что сейчас в уксусе вымачивается. И не кривись так, он для дела идеально подойдет — не придется пациенту тряпки в рот пихать да без конца плевательницу подсовывать. Это вообще последнее слово в здешней стоматологии будет... Бабуль! Мазь из морозцы сварила? А вытяжку?

— Да сделала я, сделала... Но попомни мое слово: ни один нормальный горожанин тебя с той страшной уколкой в рот не пустит! Ишь, удумала... Енти шприцы токма для казней безбожеских задуманы, а не...

— Разберемся, — махнула я рукой. — Сразу-то, конечно, испугается народ, незнакомые штуки, да страшные. Ими я уж потом начну пользоваться, когда немного репутацию заработаю. Но вытяжку не только колоть надо, ей много применений. Жаль, поэкспериментировать не на ком...

— На мне не дамся! — на всякий случай сразу подскочил Игги. — Хошь вон, сходи к начальнику, пушай он тебе преступников выделит на твое экспир... экспер... колдунство. Только ты обещала пытков не устраивать!

— Да не буду я никого пытать. Тут у вас обычных пациентов поле непаханое. Ладно, утро вечера мудренее. Завтра подниму с рассветом. Живо, вы двое, на кухню, там вода нагрелась. Мыться и спать! Зубы почистить не забудьте!

Вот же еще проблема. Как бы правильно разрекламировать здешнему населению такую полезную штуку, как зубной порошок. Приготовить его — дел на полчаса, когда есть мел и сушеная мята. Вместо щеток пока и тряпочка чистая сгодится, а там придумаем... Наверное, буду в подарок каждому пациенту давать мешочек «волшебного средства» и подробную инструкцию. А там, глядишь, и привыкнут поддерживать гигиену полости рта!

Глава 30

«Никогда ничего не бойся, Лилечка, а паче всего работы, — говорил мне светлой памяти Федор Ильич, профессор моей первой стажировки и, пожалуй, лучший начальник за всю жизнь. — Все равно произойдет именно то, чего ты не боялась и о чем не догадалась, потому что не ждала. Побереги нервы».

Наш первый парадный выход на рынок подтвердил мудрость старого чудака. Больше всего я опасалась, что головной офис в палаческом доме убьет нашу репутацию, а палаческий отпрыск Матео в роли санитара станет контрольным выстрелом. Крики, свист, любопытные зрители. И ни одного пациента. Кому охота на добровольную пытку? Ну и что, что остальные зубодеры — те еще истязатели? В голове обычного человека — это другое. Это... так надо. Для пользы дела. А палач — он просто мучитель. Хотя временами и полезный, но применять его следует не по назначению врача, а по решению суда и исключительно к другим.

Так что я мандражировала, мысленно выдумывала сто миллионов способов, как с этой напастью бороться, и старалась держать лицо, чтобы мои помощники не догадались о том, как трясутся от паники коленки.

Ну и что? Сбылись мои опасения? Ни фи-га! Зря боялась. Первым делом оказалось, что работу на дом, вопреки анекдоту, палач-папаша не брал. Даже кресло с инструментарием незадолго до смертного часа перевез домой под покровом ночи. Что же касается долговязого Матео — наконец-то рассмотрела его при дневном освещении, — никто не спешил признать в нем ассистента заплечных дел мастера. Может, папаша не слишком часто допускал его к практической работе, а может, работал он только в маске.

Кстати, изучая палаческий арсенал, маски я обнаружила тоже. Матео советовал ими не пренебрегать.

— Эти наличники могут пригодиться, — сказал он нехотя и печально, как и всякий раз, вспоминая отцовскую работу. — Кровь на лицо может при казни брызнуть, ну, или если перестарался при допросе.

Пока он это говорил, бедолагу аж передергивало от воспоминаний, и я его понимала. Самой даже думать о таком неприятно. Но маска для врача — мысль дельная.

Зловещую черную личину я отвергла сразу. Зато нашла в запасах невостребованного тряпья что-то вроде марли и выкроила нормальную маску для себя. Точнее, штук пять накроила и подшила лично — их ведь надо менять и стирать. Бабушка Му, поглядев на мое рукоделье, в очередной раз не скрыла скептицизма:

— Вроде умная девка, а дурочка-та. Этот ж намордник говорить не даст. Будешь на клиентов-та через тряпку мычать — чай, разбегутся со страху.

Пусть дурочка. Я не сомневалась, что местная эпидемиология в еще большем загоне, чем стоматология, и познакомиться с каким-нибудь любопытным вирусом не желала. Правда, о серьезных эпидемиях я до сих пор не слышала, хотя специально расспрашивала и своих огородников, и Матео. Здесь что-то такое делали с водой — еще вроде как с древнейших времен. То ли рунный водопровод, то ли магическое обеззараживание — простые горожане уже сами толком не понимали. Работает — и ладненько, пусть об этом у умных магов головы болят.

На инструментах тоже, кстати, частенько специальные руны наносились — Матео полчаса тыкал в каждую пальцем и объяснял мне их значение. У него опыт был большой и разнообразный — не всегда ведь палачу надо сразу и радикально покалечить «клиента», бывает, потом и вылечить полагается, и в суд представить в относительно здоровом виде. Так что с гигиеной зверства у них тут все было на высоте. Я даже зубодерные щипцы выбрала не абы какие из арсенала, а те, что с руной быстрого рывка и остановки кровотечения, такие нашлись, к моей великой радости. Самые дорогие из набора, кстати, так Матео сказал.

Ну что, в бой? В бой! Мы еще посмотрим, кто кого: этот мир меня или я его!

В Цирюльном ряду нам «обрадовались». Так демонстративно, что я с трудом сдержала смех.

— Здравствуй, красавица! — приветствовал знакомый гном Зенон Прыгул, пытаюсь начесать усы на поблекший синячище, полученный после неудачной попытки облегчить страдания орка. — Мы уж волноваться начали, не случилась ли беда какая? Или вы передумали и решили не пачкать белы ручки нашим ремеслом? А что, и правильно бы! Разве сурьезной даме такое вместно?

«Не дождетесь!» — подумала я.

— Спасибо за беспокойство, уважаемый Зенон, я это ценю. — Моей улыбке позавидовал бы самый профессиональный крокодил. — Все в порядке, настроение рабочее, прямо сейчас и приступлю.

Рожи у них перекосило знатно, прям захотелось всем флюс вылечить бесплатно. Но и разочарованные вздохи в спину — это, оказывается, иногда приятно.

Правда, на моей околице уже устроился перелетный торговец чудо-травой, принимать которую полагалось только в полнолуние. Вопил он про достоинства своей травы так, что у меня уши с ходу заложило и почему-то перед глазами сразу возник образ собачьей стаи, в которую бросили старым ботинком. Я аж остановилась на мгновение, пристально всматриваясь в этого гения рекламы со встроенным в глотку рупором. А потом мне в голову пришла одна мысль, и я решительно двинулась на приступ. Да не тут-то было. Увидев нас, торговец с невероятной скоростью свернул сто своих мешочков и улетел в толпу, как сорока от собачьей миски, едва в конуре заворчали.

— Игги, запомнил его? — спросила я, раскладывая на принесенной табуретке аккуратно упакованные инструменты.

— Ну вроде... Орет громко, ажно в ухе зазвенело. А зачем? Он здоровый, мы даже втроем не побьем. Да и за гоблой надо — бить, он ж место освободил.

— Тебе лишь бы бить. Для другого дела он мне нужен. Найдешь его потом на рынке, он ведь наверняка свою чудо-траву будет и дальше продавать, просто в другом месте?

— Да найду... Только трава у него дурная, то ж бабашка подзаборная, от нее один чих и никакой пользы, кроме вреда.

— Не нужна мне его трава! Он нам сам пригодится. Есть одна мысль... потом скажу. Работаем.

Глава 31

Выяснилось, что вовсе даже мы не такие изгои в стоматологическом ряду, нас все-таки ждали. Двое зубодеров попроще решили не участвовать в общем бойкоте и заговорщическим шепотом, криво подмигивая и чуть ли не приседая, попросили меня продать им немножко «вашего пурпурного зелья, чтоб без боли полечить». Или не надеялись на обезболивающие руны, или считали, что мое средство обойдется дешевле. Ну, в принципе, правильно рассчитали, потому что руны у магов стоили как крыло от боинга — примерно половину годового заработка зубодера стоило на тот же год зачаровать все инструменты у лицензированного специалиста. То-то они пускаются на всяческие уловки, только бы не платить таких денег. Ставят руну только там, где без нее совсем никак: на чаши с водой, чтоб ею потом все обеззараживать. Жидкость из этой лоханки в течение пяти минут после извлечения убивает любую инфекцию — так я поняла из объяснений Матео. У него тоже такая чашка была. Мне тут фантастически повезло — на палаческих наследственных инструментах руна вечная. Кстати, если конкуренты просекут сей момент, еще неизвестно, чем дело кончится. Еще ограбить попытаются или просто обокрасть.

Ну а обезболивающую руну на базаре никто даже не предлагает. И клиенты не вякают — тоже экономят.

Рисковать секретом морозцы я не стала — фигушки. Зато согласилась оказать разовые услуги анестезиолога, в каждом случае за серебряную монетку. Угу, полчаса криков и яростной торговли не в счет, я тренировалась, Игги работал играющим тренером. Результат мне понравился. В качестве бонуса поглядела на инструментарий конкурентов и пришла к выводу, что палач был более требователен к качеству, когда кузнецы выдавали ему очередной страшный заказ.

Когда я вернулась с первым скромным заработком, сопровождаемая сдержанными вздохами раскошелившихся зубодеров, Игги и Матео уже развернули мобильный здравпункт. За два дня нашего отсутствия по базару прошли слухи о целительнице, которая не только обещает лечить без боли, но и лечит. Поэтому, едва прошел слух о моем возвращении, потянулись пациенты.

Тут и возникла проблема, о которой я не догадывалась: аборигены были приучены ходить в Цирюльный ряд. В особых случаях вызывать лекаря на дом. А вот ходить домой к лекарю — к такой модели взаимоотношений не привыкли. Непривычное же пугает.

— Да можно, конечно, пойти... Только зачем это? Мы, энто, тута лечиться привыкли, — мямлил пожилой гоблин, а я без всяких телепатических способностей читала его мысли: «Заманит в дом, может, зуб вырвет, может, голову отрежет и ограбит».

Не, от своего лечебного принципа не отступлюсь! Легкие случаи лечатся на месте, но, если нужно всерьез диагностировать и оперировать, это только в офисе, на хорошем кресле. Благо, как я поняла утром, если не петлять, от Цирюльного ряда до моей палаческой клиники десять минут пехом.

За полдня я только вырвала несколько совсем безнадежных зубов, снабдила всех клиентов зубным порошком в подарок (брали охотно, а что дальше они с ним делать будут — один всемирный бог стоматологии ведает) и выдала пару направлений к себе на дом. Без уверенности, что клиенты явятся по указанному адресу.

Еще один принцип — работаю только по расписанию. Первая половина дня прошла, солнышко собралось в гости в мой дом, значит, перебазируюсь в клинику.

И тут появилась еще одна клиентка — пожилая толстая орка. Она вела за руку детеныша, годков пяти от роду. За спиной орки торчал длиннющий меч. Я уже немного просветилась насчет законов местного социума и знала, что ходить по улицам с оружием длиннее кинжала — символ высокого статуса.

— Госпожа Хлудер, — подтвердил мои предположения Матео, — вдова капитана караванных наемников. Если бы в ее дом ночью воры залезли, ни один до рук моего отца не дожил бы.

Несмотря на воинственность, орка вела себя как добрейшая мамаша. Не тащила сыночка, постоянно нагибалась к нему, так что рукоять меча сбивала прохожих, вытирала слезы, уговаривала:

— Сейчас, золотко, найдем хорошего мастера, и у тебя зубик болеть не будет! У эльфа боли, у гнома боли, у вампира больней боли — у тебя заживи!

— Не хочу-у-у-у! — плакал малыш. — Тут шу-умно-о-о! И все крича-а-ат!

— Чего не хочешь? — спрашивала мать без всякого сарказма. — Чтобы зубик болел или чтобы шумно было?

Я понимала бедолажку. Немало страдальцев, не доверившихся мне, сейчас терпели, сидя на корзинах. Испускаемые ими звуки были столь знакомы Матео, что тот бледнел. Ребенку же, попавшему в стоматологию «опен спейс», тем более страшно.

Орка деловито оглядела ряд здоровенных бородатых садистов и уверенно направилась ко мне, приговаривая:

— Вон тетя добрая, не кричит, улыбается, смотри. Точно не обидит, ты же не боишься тети?

Буруз громко и недоверчиво сопел, но орать и упираться перестал.

— Зубик уже неделю болит, а вырвать боимся, — вздохнула воительница, поделившись со мной своей бедой. — А ты тоже при зубодерных делах?

— Да, — кивнула я. — Вы вряд ли малыша успокоите, к этим крикам и я не привыкла. А пойдете ко мне домой, там и вылечим.

Узнав, что идти недалеко, дама с мечом не стала возражать. Незнакомых домов она не боялась.

По дороге я узнала, что госпожа Хлудер продолжила бизнес покойного мужа и, хотя сама караваны не охраняет, тренирует бойцов.

— Олли весь в папу, никакого оружия не боится, а вот насчет зуба у него нутряной бзик, — жаловалась она.

Я обещала вылечить зуб, не страшась любых душевных комплексов или нутряных бзиков.

Дома всё прошло как по маслу. Бабушка Му буквально заговорила зубы ребенку огородными сказками, я применила морозцу и обнаружила загнивший молочный зуб, неправильно выросший зацепившийся за соседа и не желавший покидать родное гнездо.

— Герой, открой ротик шире. Сейчас посмотрю, — соврала я. И не успел ребенок опомниться, как предъявила ему и мамаше экстрадированный зуб.

Госпожа Хлудер без спора отсыпала мне горстку серебра. Заодно сказала, потрогав меч:

— Без мужа живешь, с сыновьями-племяшами? Если кто обидит, скажи, что недавно госпоже Хлудер услужила и та довольна осталась.

— Есть один дурачок завистливый, — на всякий случай сказала я.

— Вот и скажи дурачку, пусть выберет, какая из двух рук ему дороже. Та и останется, — ответила гостя уходя. Малыш, любитель таких шуточек, рассмеялся замороженным ртом.

Госпожа Хлудер оказалась первой ласточкой. Уже на другой день, точнее во вторую его половину, в офис явились двое клиентов, причем сами. Я задумалась над предварительной записью. Первые ласточки предвещали большой птичник.

Третий день работы это предположение подтвердил, а на закате в дверь постучали грубо и грозно.

— Совсем разболелось? — вздохнула я, приготовившись открыть.

— Городская стража, — ответили мне. — Отворяй, лекарка! Мы за тобой!

Глава 32

Вэйн Рин Корван

— Господин, мне позволено войти?

— Разве ты не знаешь, что, если дверь открыта, позволения не требуется?

— Простите, господин, я забыла.

В комнату вплыли два аромата. Хомпи, бодрящего утреннего настоя — я надеялся, что, как и положено, не горячего, не холодного, а чуть теплого. Этот запах учуял бы каждый. И другой, тонкий и желанный аромат страха, ощутимый только мною. С каждым шагом он приближался, обволакивая ноздри и погружая тело в сладкую истому.

Вина служанки ничтожна и по правилам не достойна внимания. Но в замке Рин Корвана свои правила. Может быть прощен серьезный проступок, пожалуй любой, кроме предательства. И наказана самая никчемная ошибка. Поэтому дрожат рабы, и не только рабы.

Перед моим ложем два столика. Вампиры не любят сидеть, поэтому столики на низких ножках. Один из мягкого горного дерева, сохраняющего аромат и пять лет спустя после рук столяра. Столешница второго — золотая. Это не простой стол.

Дождался, когда девочка — милая дикарка, человечича, далекая от чистой крови, — нагнулась с напитком, и успел предупредить ее ошибку.

— Для посуды — левый стол, деревянный.

Девочка смогла поставить бокал правильно, не расплескав ни капли. Когда она наклонилась, разглядел ее шею — голубая жилка бьется в бешеном темпе, словно предчувствуя, как ее пронзают клыки. Но это произойдет, только если захочу я. А сейчас не хочу. К тому же я простил эту услужливую, хоть и неотесанную милашку.

Взял бокал. Напиток приготовлен по всем правилам — его тепло приласкало гортань.

Золотая столешница предназначена для Юлы Судьбы. Ее еще называют Юлой Смерти. Этот артефакт рождается на свет, только если умелый мастер встретил сильного мага. Слабый мастер не создаст безупречную крутилку, но, даже если создаст, без волшебства она останется простой игрушкой.

Когда я захотел обладать Юлой Судьбы, первый раз мне встретился мошенник, почему-то решивший, что меня можно обмануть и забыть об этом. Некоторое время спустя он умер, нелегкой и непростой смертью, которую сначала боишься, а потом — призываешь. Естественно, в сводках стражи эта история упоминалась как случайный, хотя и ужасный инцидент. Естественно, тотчас же по мошенническим притонам прошел слух о том, что он был карой, да и с еще более страшными подробностями, чем на самом деле. Я, как всегда, оказался прав — больше обмануть меня не пытались...

— Господин, еще будут приказания?

— Прийти через полчаса за пустым бокалом.

Шаги удалились. Девочке, наверное, интересно посмотреть на Юлу, но это не позволено никому.

Юла пускается в пляс от легкого касания, чтобы начать долгий бег по золотой поверхности. Она никогда не опрокинется и не вылетит за бортик. На нее надо смотреть, и тогда она выберет один из четырех замков по краям. Золотой означает победу, синий — продолжение стараний, черный — крах, красный — смерть. Юла не обманет, но и ее нельзя обмануть.

Мне всегда выпадает синее или золотое, и, конечно, не случайно. Даже болван Лим должен понимать, что я претендую на его кресло лишь в шутку. Моя стража и мои соглядатаи немногочисленны, но всё делают значительно лучше. Например, совсем недавно они выполнили очень важную работу, превратив проблему в возможность. Как я воспользуюсь ею, зависит только от меня.

Кроме этой возможности, меня занимает наблюдение за подозрительной женщиной, обосновавшейся в Городе. Недавно капитан моих шпионов принес такую странную новость, что я рассмеялся, как, пожалуй, не смеялся давно.

— Чем она занимается?

— Арендовала дом палача у его наследника, вместе с инструментом, и лечит зубы.

Зубы, опять зубы. Как и в недавнем неприятном сюрпризе, превратившемся в приятную возможность, они играют главную роль.

Мне стоило щелкнуть пальцем — и эта странная женщина беседовала бы со мной в моем замке. Почему же я медлю с приказом? Ведь я мог бы так же остановить и крутящуюся Юлу. Но тогда я остался бы без результата. Пленница будет бояться — я ее прекрасно понимаю — и скажет гораздо меньше, чем я бы узнал, наблюдая за ней.

Пусть пока побудет на воле. Эта птичка еще не в клетке, но уже в силках.

Юла решительно свернула в ворота синего замка. Для победы еще придется потрудиться.

Лимеас из клана Остролиста

За последние три дня я узнал достаточно много. О себе и для себя.

То, что я самый никудышный начальник стражи, конечно же, слышал давно и, естественно, за глаза. Это говорят про всех. Главное, чтобы все народы Города говорили одно и то же. Если один из народов восхищается начальником стражи, последнего надо немедленно убирать.

Не стало новостью и то, что я предатель своего племени. Это я слышал от отца, и не раз.

А вот цен на самоцветные камни я до этого не знал. Мне было известно, что Слезы моря — дороже изумрудов, а бриллианты дороже всего. Но надо было подсчитать, какие богатства несла на себе несчастная Энтуниэль.

Ювелир, к которому я обратился, понял причину сразу.

— Вы хотите узнать, на какую ценность позарился этот... этот выродок любого народа?

После чего достал затертый абак, защелкал по костяшкам и через пару минут сказал, что вряд ли дороже семи золотых, но никак не меньше пяти. Я же вздрогнул, сообразив, что верхняя граница совпадает с суммой долга Флесса. Правда, он не ведет себя так, как тот, кто уже не нуждается в деньгах. Скрывает?

Ювелира я поблагодарил за помощь. Он немедленно ответил:

— Найдите его как можно скорее.

Ценность самоцветов ничтожна по сравнению с другим открытием. Оказалось, что работа не успокаивает и не отвлекает, как раньше. Может, из-за первых неудач — не смог поймать чистокровку, не вышел на след убийцы. А может, из-за Флесса.

Впервые я не могу вести себя со своим помощником как с другом, впервые занят важным делом и что-то скрываю от него. Даже втайне провел опознание. Мы сходили в ту самую ювелирную лавку, которую посещал незнакомец с больной щекой. Побывали вместе под надуманным предлогом — вампиры хорошо чувствуют кровь. «Только вампиры-маги», — вздохнул Флесс, но пошел. Хозяин его явно не признал.

Или сделал вид, что не признал. Подозрение — страшная штука.

Сегодня у него опять заболел зуб, а может, щека — не помню диагноз, поставленный той самой странной целительницей. Может, он болит вправду. Может, это предлог. Я так и не понял для себя, как лучше поступить с Флессом — убедить его отправиться в отпуск или не отпускать от себя, чтобы наблюдать. Пока шел вторым путем и предложил пригласить целителя в Башню.

Спасала только Тишина. Если бы она говорила. Увы, лишь муркала.

— Тишина, — сказал я, развалившись в кресле. — Знаешь, о чем бы я мечтал? Чтобы ты оказалась кошкой-оборотнем. Чтобы ты превращалась в женщину... погоди, не протестуй, убери когти! То, что кошкой быть лучше, без тебя знаю. Во-первых, на время, пока хочешь. Во-вторых — оставалась бы собой. Такой же самостоятельной, смелой охотницей. И ласковой, это очень важно. И ты бы меня не обижала — мелкие коготки не считаются. И я бы тебя не обижал. А, Тишина?

— Му-у-ур, — ответила кошка.

В этот момент в дверь постучали.

Глава 33

Лилия

Первое, что я увидела, войдя в кабинет начальника стражи, — восхитительная кошка. Да, признаю, у меня всегда был довольно странный вкус, и очень многие эту животину окрестили бы страшилищем, если не похуже. А я еще дома млела, разглядывая на картинках новую породу, названную очень многозначительно: ликой.

Ну да, ну да, это такие коты, которые похожи на недообратившихся волков-оборотней. Кошки без подшерстка, с полулысыми угрюмыми мордами и отчетливо прорисованными мышцами на когтистых лапах. Как они мне нравятся! Если бы не стояли в силу моды и новизны как крыло от боинга — завела бы себе такую кошку, и даже не одну...

Завела... И теперь давно бы сошла с ума: киска в пустой квартире. Всё к лучшему. Тем более что в кабинете начальника меня встретила такая натуральная «ликоя», что дух захватило, я даже эльфа в кресле не сразу разглядела, чтобы поздороваться. Настолько была очарована кошкой.

Медленно и плавно подойдя поближе, я пристально взгляделась животному в глаза, а потом опустила веки, тоже медленно и плавно, меня так один кошатник научил сигнализировать о своих мирных намерениях.

Восхитительное создание, сидевшее на столе, тоже меня рассматривало, а потом моргнуло. Уф! Есть контакт. Теперь можно было протянуть руку и дать животному себя обнюхать. А потом жутко обрадоваться тому, что прекрасная кошечка (кстати, только теперь я заметила, что она раза в три крупнее привычных мне мурлык и размером потянет на среднего эрделя) едва заметно коснулась моих пальцев носом, а потом мазнула по ним щекой, проявив высшую степень благосклонности.

— Кхм!

Я едва не подпрыгнула.

— Ой, простите, господин начальник стражи. Я вас не заметила. Добрый день.

Эльф погладил свою кошку, и она с ласковым мурлыканьем вернулась к нему на колени. А мужчина продолжал смотреть на меня пристально и с каким-то новым, особенным интересом. Я мысленно пожала плечами: на оскорбленного он был не похож, скандалить вроде бы не собирался, так что я не видела смысла извиняться еще раз.

— Добрый день, — наконец-то разродился он. — А вы похожи с Тишиной... — И замолчал, с таким видом, словно сам не ожидал, что эти слова из него выскочат.

Я не выдержала и тихонько засмеялась.

— Спасибо за комплимент.

— А это комплимент? — как будто усомнился эльф. — Многие считают Тишину... не слишком привлекательной.

— Я — не многие. — Успокаивающе пожать плечами было так же легко, как подмигнуть довольной кошке. — Тишина — красивое имя. Но я отвлеклась, простите. Стражник сказал, что меня срочно хотят видеть в Башне. Ваш помощник так и не дошел до мага, и у него случился рецидив воспаления, правильно я поняла?

— Вы проникательны и догадливы. — Эльф сдвинул на столе какие-то картинки в рамках и даже нечто, похожее на слепки зубов. Интересно, что это? Нет, не скажет... Просто смел всё в сторону и нашел под ворохом вещей колокольчик.

— Позови господина Флессана, — велел он довольно зубастому оливковому парню, прибежавшему на звон. — Скажи, что пришла госпожа целительница.

Всё то время, пока мы ждали больного вампира, мы с эльфом молчали. И вот странно, в этом молчании не было напряжения, какое обычно повисает в таких случаях. Это было... почти уютно. Господин начальник стражи о чем-то думал, рассеянно глядя на меня и поглаживая свою Тишину. Кошка млела и мяла его колени лапками, выпуская, но не вонзая внушительные когти. Я за ними обоими наблюдала, а потом отвлеклась на те бебехи, что горкой выселись на столе. Признаться, меня очень заинтересовали слепки, похожие на зубы. Зачем они? Любопытно.

Я уже пару дней как работала на рынке, и весьма успешно, к огромной досаде гномьих конкурентов. За это время через мои руки прошло аж три десятка существ разной степени зубастости. И я уже начала на глазок различать степень присутствия в пациенте кровей той или

иной расы. Больше всего, кстати, было вампирских смесков. Видимо, эта раса обладала особой плодовитостью, ну, или тягой к необременительному сексу с другими племенами.

Так вот, зубы на столе явно были вампирские, причем, судя по расстоянию между премолярами и глубине желобка на верхних клыках, почти чистокровный кровосос свои челюсти предоставил для снятия слепка. Только что-то в них было странное... что-то... хм. А на картинках что? Укус... хм-хм... Кажется, вот как раз этой челюстью и кусали. И еще раз хм... Это что, улики? Логично, вообще-то, здесь всё же кабинет начальника стражи, почти как капитана полиции в нашем мире. Ну или что-то в этом роде. И наверняка они ведут расследования всяческих преступлений... Так, может, меня позвали не столько ради тройничного нерва первого помощника, сколько как специалиста по... Да нет. Это уже слишком фантастическое допущение. Кто я здесь? Зубодерка без году неделя. Для экспертизы позвали бы кого-то опытного и местного.

— Вызывали, господин начальник? — Уютную тишину разрушил хлопок двери и недовольно-невнятный голос вампира. Я резко обернулась и невольно уперла руки в боки.

— Безобразия какое! Я на вас, спрашивается, зачем мазь тратила?! Чтобы вы псу под хвост все мои старания пустили? На дворе вечер, у вас тут в коридоре сквозит, как в... зверски! А вы не просто без шарфа, так еще и рубашка до пупа расстегнута! Дрожжи вы пили? Тоже нет? Вот будь моя воля... я бы вас сначала вылечила, а потом выпоролла! За наплевательское отношение к своему организму и моей работе!

Вампир аж на месте застыл, вытаращившись на меня большими синими глазами. Ошалел, бедолага, от моей наглости. Но меня и правда зло взяло — да что ж такое, мир другой, а пациенты всё такие же безголовые.

За спиной раздался сдержанный смешок и медленные, четкие аплодисменты. Ну уф-ф-ф... Бить не будут. Начальник доволен тем, как я распекаю его подчиненного.

— А вы куда смотрели? — проворчала я в его сторону, но тихо-тихо, себе под нос. Всё же надо меру знать. — Велите вашему другу сесть и голову на спинку откинуть. Попробую исправить это безобразие. Рот откройте, челюстью вправо-влево... Что, больно? Эх... Вот вставить бы вам распорку в назидание и устроить глубокую чистку зубов. Ну да ладно, я лекарь, а не палач. Тем более что зубы-то у вас в хорошем состоянии. Чистите регулярно? Кивните, если... Нет? Хм. Порошок выдам, и чтобы утром и вечером. Вам самому понравится результат. Будет образцовая, настоящая вампирская улыбка, не то что этот неумелый муляж. — И я кивнула на стол с уликами.

Ой, что-то не то лягнула. Уже было расположившийся в кресле вампир подскочил, словно его снизу трехгранным шилом кольнули — мы такое из наследственного палаческого кресла вывинтили. Господин начальник-эльф тоже возбудился, уронил кошку с колен, чем та осталась крайне недовольна.

Но у меня не осталось времени следить за животным, потому что резко посерьезневший Лимеас шагнул вплотную ко мне и схватил за руку чуть повыше локтя. Ого, сильный какой... Синяки останутся.

— Что вы имеете в виду, госпожа... Лилия? Какой муляж? Почему вы так решили? И откуда знаете, что нам надо было сравнить челюсть господина помощника с этими картинками?

Глава 34

— А что тут сравнивать? — в свою очередь удивилась я. — Зачем? Невооруженным взглядом видно, что это вообще не вампир кусал.

— То есть?! — Тут уже оба сыщика, и начальник, и его перекошенный подчиненный, подскочили ко мне и уставились такими горящими глазами, что будь я трепетнее — решила бы, что покусает прямо сейчас и пора падать в обморок.

— Так, спокойнее. — Я легонько коснулась рукой груди нависшего надо мной эльфа, и тот послушно отстранился. Но руку мою перехватил... мягко. И не сразу отпустил. — Смотрите. А, нет, вот так нагляднее будет. Господин первый помощник, садитесь-ка вот тут на стул, открывайте рот, будете служить учебным пособием и сравнительным материалом. А заодно и алиби в глазах начальника получите, если я правильно поняла истоки вашего волнения.

Через минуту скосорыленный вампир устроился в кресле под лампой, которая стояла на краю стола рядом с уликами. Мы с начальником и его чрезвычайно заинтересованной кошкой обступили жертву, и я приступила к ликбезу.

— Ну и? — с хмурым интересом спросил господин Лимеас. — Что вы хотели мне показать? Если вы о расстоянии между верхними клыками, то на первый взгляд оно как раз совпадает... Сиди! — Он резко придавил к стулу своего вампира. — Мне будет трудно доказать, что рана нанесена другим существом. К тому же строение раны...

— Расстояние, конечно, имеет значение, но не это главное, — чуть улыбнулась я. — Вот смотрите. — Пришлось взять в руки картинку с укусом и тот слепок, что с него сняли. — Насколько я поняла, вампир прокалывает вену клыками и кровь по желобкам стекает в па... в рот. И все всегда смотрят именно на клыки, но нас в данном случае интересуют не они, а передние верхние резцы. А они тоже отпечатались на коже жертвы. Смотрите сюда и потом на челюсть господина Флессана. Ничего не замечаете?

— М-м-м...

— Объясняю: у живого существа не может быть такой ровной, абсолютно симметричной и математически выверенной линии зубов. К тому же видите? Здесь, — я ткнула пальцем в муляж, — и центральные, и боковые резцы явно отливались в одной форме парами и потом укреплялись по чертежу. А у вашего помощника правый боковой чуть повернут вокруг своей оси, а левый центральный немного смещен вглубь, и к тому же он меньше. При беглом взгляде, когда он просто улыбается, этого не заметишь, но профессионалу вычленить такие нюансы не сложно. А при наглядном сравнении — так и каждому заметно.

Вампир с каким-то удовлетворенным лязгом захлопнул рот и посмотрел на начальника со смесью усталости, обиды и облегчения. Тот ответил ему похожим взглядом, а потом поднял глаза на меня.

— А что вы говорили о том, что это вообще не вампир? Я правильно понял? Из чего это следует? Клыки...

— Даже клыки слишком симметричные, и опять же из одной формы отливка, хотя их потом и подточили вручную. Это вообще не челюсть живого существа, это сделанный кем-то муляж, который воткнули в шею жертвы ради имитации.

Я так увлеклась объяснением, что даже не заметила, что господин главный начальник, стоя позади меня и наклонившись вместе со мной над столом с уликами, оказался ко мне довольно близко и тепло дышит куда-то в район уха, пахнет пряными травами и не спешит отстраниться. Впрочем, глупости — это ж вечно юный эльф, его совершенно точно не могла заинтересовать даже очень хорошо сохранившаяся тетенька средних лет и непонятной расы. Просто мужик увлечен расследованием, так что и мне беспокоиться не о чем.

— Я вам советую снять слепок зубов у господина помощника и тыкать в него пальцем каждый раз, как кто-то попытается усомниться в его невинности. Да и вообще, полезное это дело, слепок... Если, например, в драке клык выбьют, при протезировании этот слепок весьма пригодится... Или, опять же, труп опознавать, когда мягких тканей не осталось... кхм. Простите, господа, это я слегка увлеклась. Но вообще, не поленитесь и сделайте.

— Вы очень своеобразная женщина, госпожа Лилия, — со смешком резюмировал Флессан, косясь то на меня, то на своего начальника. — Впрочем, у целителей вообще особенное чувство юмора. Слегка... м-м-м... шокирующее.

— Есть немного, — согласилась я с улыбкой. — Ну, раз мы закончили с уликами, может быть, я займусь тем, для чего меня позвали? Садитесь обратно в кресло, сделаю вам массаж и... Господин

начальник, подарите подчиненному вон ту тряпку с кушетки, пусть замотается в нее как в шарф и носу без этого аксессуара на улицу не кажет. Особенно по вечерам. И дрожжи!

— Не беспокойтесь, госпожа лекарка, больше я не позволю ему отлынивать, — заверил эльф с едва заметным смешком. — Прослежу лично. Мне нужен здоровый помощник, а не существо с перекошенной мордой.

Вампир обиженно замычал, но на больший протест его не хватило — попробуйте возмущаться, когда вас за челюсть тягает немного рассерженный несоблюдением предписаний стоматолог. А я действительно взялась за лечение уже с новой уверенностью: вампирья анатомия оказалась на редкость удобно устроена для точечного массажа. И откликнулся на эту процедуру клыкастый организм гораздо живее, чем обычный человеческий. Господина помощника практически на глазах расклинило и выпрямило. И боль явно пошла на убыль, судя по тому, с каким облегчением он вздохнул уже через пять минут интенсивного воздействия.

— Днем мне тоже в скатерть заматываться? — немного жалобно переспросил пациент, когда я закончила массаж. — Жарко же...

— На улице в полдень, конечно, перебор, хотя на вашем месте я б не увлеклась прогулками, пока болезнь не пройдет окончательно. Но в этом вашем рабочем доме сквозняков — ни шагу без предохранения. Иначе пеняйте на себя — болезнь перейдет в хроническую стадию и будет вам веселье на всю оставшуюся жизнь. Ну или до первого по-настоящему дорогого мага, — вовремя вспомнились мне местные особенности. — Я оставлю вам отвар противосудорожных трав, две щепотки надо заваривать и пить по утрам натощак, аккурат перед дрожжами. Горько, но действительно, травы из рук опытной и прирожденной огородницы, на базаре вы таких не купите. По вечерам буду заходить и проверять, как у вас дела... или, еще лучше, вы ко мне. Адрес уже известен, раз за мной прислали стражника прямо домой.

— Лучше вы к нам, — как-то поспешно вмешался главный эльф. — Вряд ли в следующие несколько дней у моего помощника будет достаточно свободного времени для посещения вашего дома. За ваши визиты мы доплатим отдельно, не сомневайтесь. К тому же вдруг понадобится ваша консультация по... другим челюстям. Я думаю, вы, как лицо в городе новое и незаинтересованное, но достаточно респектабельное, вполне достойны оказывать консультационные услуги службе стражи. А в вашей квалификации мы уже убедились.

Глава 35

Лимеас из клана Остролиста

— А ты обратил внимание, что в этой искусственной вампирьей челюсти не всё так просто?

В кабинете было почти темно, только слабо тлел камин, и еще лицо Флессана озарялось красноватым, когда он затягивался трубкой.

— Что там в принципе может быть простого? — отозвался он, нехотя отводя взгляд от углей. — Меня хотели подставить. Меня или любого другого вампира.

— Нет, именно тебя, друг мой. — Моя рука плавно скользила по жесткой шерсти, и разнежившаяся на коленях Тишина громко мурлыкала в такт. — Госпожа Лилия права: все мы разные, и вы, вампиры, ничем не отличаетесь от других живых существ. Раз вы не похожи, как близнецы, значит, и челюсти у вас разные. И расстояние между рабочими клыками не может совпадать настолько точно.

— Хм, — отозвался Флессан. — Но до недавнего времени я не обращался к зубодерам. И нигде не оставлял слепка своих зубов. Как и... — Тут он замер, не донеся трубку до рта.

— Вот-вот. Когда ты в последний раз ходил в дом терпимости, чтобы купить молодую кровь? — усмехнулся я в полутьме. — У тебя ведь там две постоянные кормилицы, насколько я знаю. Или ты взял третью?

— Не третью, просто Васса приболела, и хозяйка заведения прислала ко мне новую девушку, тоже проверенную на разные болезни крови, с печатью. Демоны! У нее на шее остался след, и...

— Вот-вот. Но я же тебя знаю, ты всегда аккуратен с кормилицами, так что максимум, что они смогли извлечь из этого следа, — расстояние между клыками и общие очертания. Но никак не все эти подробности, что показывала нам Лилия.

— И что мы будем делать?

— Да есть у меня одна мысль. Сейчас расходимся. Причем ты уходи первый и постарайся сделать вид, что всё плохо. Но пойдешь ты не домой... Значит, так, слушай меня внимательно.

Никогда не понимал тех, кто просыпается, но не встает. Если сон оставил тебя, немедленно оставь постель.

Сегодня не так. Заснул быстро, сны были легкими, пробуждение — добрым, загадочным, светлым и чуть-чуть грустным. Что-то очень хорошее произошло вчерашним вечером.

Этот вечер вернул мне не просто помощника. Ни с кем, кроме Флесса, я не был так откровенен. Быть может, из-за сходства судьбы — мы оба паршивые овцы своих кланов. И поэтому так понимаем друг друга. Не думаю, что в моем ведомстве есть другой сотрудник, которого я сам повез бы в Цирюльный ряд, исцелить острую боль.

Да, подозрение снято только для двоих — для меня и для целительницы. Весь остальной Город считает, что укусы нанесены вампиром. И если завтра в толпу будут брошены улики, моя уверенность окажется бессильной. И все-таки до вчерашнего вечера мне казалось, что Башню расколола трещина. Сейчас она исчезла — даже не заделана, а сама заросла без следа.

Я прошелся по комнате и взял со стола первую кружку бодрящего напитка, заботливо приготовленного старым слугой, — он знал мои привычки лучше меня самого. И вернулся мыслями во вчерашний вечер.

Нет, одной причины — оправдания Флесса — было бы недостаточно для тепла и сладкой истомы. Вчера рядом со мной была она — таинственная целительница Лилия. Оказалась еще умнее и решительнее, чем я думал. И мы договорились, что она придет еще.

С чем сравнить эту легкость, это странное чувство спокойствия и безмятежности? В пять лет — возраст первого взросления эльфа — мне подарили мой первый лук, только мой лук, личный, который можно взять только с моего разрешения. Я стрелял утром, стрелял днем между занятиями этикетом и науками, стрелял вечером... Засыпал и просыпался, зная, что он рядом с моей рукой. Это было... глупо? Нет, тогда не глупо, а сейчас странно чувствовать что-то похожее оттого, что странная женщина — не красавица, не высшая эльфийка, даже не чистокровка — придет ко мне в кабинет, чтобы проверить здоровье Флессана.

О чем я мечтаю? Чтобы Лилия тоже оказалась под рукой? Проснулась в этом доме? В моей постели? Или это уже перебор? Да нет. Естественно для мужчины желать заинтересовавшую его женщину.

Но чем она так обворожила меня? Ведь в ней нет магии, это я проверил сразу. Может быть, тем, что не обликом, а характером она напоминает единственную женщину, которая любит меня, — мою мать?

Именно она, а не вечно насмешливый отец, поняла, что я достоин эльфийского лука в пять лет. Она и потом защищала меня в те дни, когда я получил кличку Отступник.

Теперь ее судьба в моих руках. Если отец когда-нибудь исполнит свою угрозу — не считать меня своим сыном, ей придется удалиться в Высоколесье и жить среди таких же печальных, отвергнутых старух. Каждый день друид будет предлагать ей эликсир Сладкого Сна, и однажды она согласится, чтобы за год растворить свое бессмертие в ароматных глотках.

Нет, этого не будет!

Я вскочил с постели. Хотелось что-то сделать. Может, рассказать матери о Лилии? Флессу я бы не рассказал никогда...

Звякнул одинокий колокольчик. В дом прилетела весть. Для утренней сводки слишком рано...

Быстрокрыл остался на подоконнике, ожидая ответного приказа. Я велел прислать гипперфляя, чтобы безотлагательно добраться до места происшествия. Все утренние мечты растворились без остатка.

На этот раз стража опоздала с оцеплением, и толпу пришлось расталкивать. Поздно — труп увидели десятки зевак и, уже не скрываясь, повторяли «укус», «укус», «укус».

На этот раз погибла молодая орка, дочь хозяина известного злачного заведения. Недавно отец открыл новую таверну, не менее шикарную. Дочь уже была замужем, но управляла ресторацией сама, следила за официантами и уходила позже всех, почти на рассвете. Одна, без охраны, ведь путь проходил по самой респектабельной части города. Лишь в одном месте можно было на минуту сократить маршрут через темный проулок...

Несчастную там и нашли. Так же сломана шея и так же прокусана.

Зеваки на месте происшествия переговаривались шепотом, будто боялись потревожить душу жертвы. Но чем ближе к Башне, тем толпа становилась гуще и злее. Я закрыл экипаж не только от жары — в кожаный верх попало несколько камней.

Еще заметил, что в толпе почти не видно вампиров. Они если и встречались, то небольшими группами и только мужчины. Остальные предпочитали держаться от них подальше.

Основная толпа ждала меня перед Башней. Мостовая на площади крепкая, принести камни никто не догадался, поэтому летели только слова.

Стража не без труда очистила вход. Я мог бы подняться по лестнице, не слышать криков и ждать, когда появятся делегации кланов или состоится заседание совета.

Но я понимал — на площадь прибежали те, кто действительно боится ходить в темноте. Они ждали ответа от меня.

Поэтому я обернулся с верхней ступени каменного крыльца.

— Начальник! — донесся чей-то ожесточенный и напуганный голос. — Нас долго будут грызть по ночам?

Я сделал вздох и сказал то, что обдумал еще по дороге:

— До окончания расследования мой первый помощник Флессан Рин Гирш временно отстранен от работы!

Глава 36

Лилия

— Тока снedyошку переводишь да деньгу! — бухтела бабушка Му вечером, когда уже все пациенты давно отправились по своим домам, а у меня наконец руки дошли до этой задумки. Бабуля гудела уже часа два, но мы давно научились воспринимать ее ворчание как часть уюта. Звуковое сопровождение, без которого даже чего-то не хватает.

— Да хто ж такую пакость-та есть будет — лед с солью! Десять серебрух на ету кастрюлю, прости боги, дурацку потратили, а всё зачем? А молока скока, а яиц! Лучше б мальцы мне в огороде помогли, ту ж красну ягоду прополоть, котору вы тоже сюда извели, ироды! — Глаза бабули сверкали таким же любопытством, как и у мальчишек, когда я сняла крышки с трех цилиндров, внутри которых было мороженое аж сразу трех сортов: с красной ягодой, очень похожей на клубнику, с кусочками смахивающего на ананас плода и с самым обычным, но очень сладким и сочным персиком.

Все трое нетерпеливо сунулись под крышку и замерли.

— Ну и что? — первым выдал Игги, с сомнением крутя носом. — Три часа сбивали, ажно руки поотваливались. А похоже на замерзшую кашу. Ток разноцветную.

— А ты не торопись. — Я взяла специально вырезанную умницей Матео деревянную ложку — такую, которой удобно сделать шарики из замерзшей массы, и ловко накрутила вкусных кругляшей на четыре тарелочки, каждого цвета по одному шару, а сверху посыпала толчеными орехами и приложила по листочку свежей мяты. Потом торжественно отнесла всё это богатство на стол и вручила зрителям-дегустаторам по маленькой ложечке.

— Ешьте! Только осторожно, оно холодное.

Мое «семейство» еще немного посомневалось, бабуля так и обворчала опять и меня, и мою дурную придумку, а потом Игги не выдержал и сунул ложку с кусочком ягодного мороженого в рот.

И застыл, вылупив на меня и без того немаленькие глаза.

— Шо такое?! — всполошилась бабушка. — Внучок, али отравился?! Дык нечем тут вроде-та, а... а ну дай сюды эту пакость, выкину к лешим!

— Ни за что! — возопил опомнившийся хулиган и вцепился в тарелку двумя руками. — Лилечка, а там же в той мороженице еще много? Да? Много? Можно мне добавки?!

— Ты сначала то, что дали, съешь, — посмеиваясь, сказала я. — Ну, кто еще храбрый? Матео?

— В жизни ничего вкуснее не ел, — признался наследник палача, алчно оглядываясь на кастрюлю, в которой стояли три другие маленькие кастрюльки, а остальное пространство было заполнено льдом вперемешку с солью.

— Ить! — удивленно подняла брови бабушка, облизав, наконец, ложку. — Ни дать ни взять колдунство! Ой, хитра ты, Лилька... Одна радость, шо баба добрая да домовитая, глядишь, и мы с тобой не пропадем. Тока ета... часто таку вкуснятину готовить — мальцы поизбалуются. И времени сколько, да продуктов, опять же. Эдакое лакомство впору в высших-та Домах на стол подавать, и то по праздникам.

— Так и мы не будем его каждый день есть, — заверила я под разочарованные вздохи мальчишек. — Мы его... продавать будем. Только надо решить, как, кому, где и за какую цену.

— Дык эта... — Все задумались, даже Игги перестал вылизывать тарелку и подключился к беседе. — Эта... Ясно, на базаре надо. В богатые трактиры-та нас никто не пустит торговать, и ваще, там повара нос дерут до неба, даже разговаривать с нами не станут.

— А нам и не надо, — успокоила его я. — Вот на базаре и будем работать, у нас разрешение на работу есть.

— На торговлю отдельное надо, — заикнулся Матео, алчно облизываясь в сторону второй порции и одновременно глядя на меня глазками котика из «Шрека». — В ратуше надо взять, если еду продаешь, самолично изготовленную. Печатку на руке поставят, что ты здоров и заразой какой покупателя не награтишь. И с еды пробу снимут, обязательно. Чтобы убедиться.

— Ну и здорово, значит, следующую партию мороженого мы несем в ратушу! — обрадовалась я и кивнула пацанам. — Ну ладно, сделайте всем еще по шарик. У меня там не только начальник знакомый, но и секретарь в канцелярии. Если мы всех по паре шариков нового лакомства за

хорошее настроение одарим, не только они к нам благосклоннее отнесутся, но и, считай, бесплатная реклама у нас в кармане. Не абы кто мороженое ел да нахваливал, а сам начальник сыска и его верные стражники.

— От ты хитрая. — Бабушка Му собрала морщинки в маску полного довольства жизнью, принимая из рук внука тарелку со второй порцией. — А всё одно, сразу-то незнакомое не все рискнут отведать. Побоятся, да и вообще, народишко у нас на новинки не шибко падкий. Как привыкли, так и делают, так и репу сеют, так и кашу варят. Вона сколько трудов ушло приучить, что надо зубы свои нести, да и то: один из трех соглашается, а остальным, значить, на грязь да на гомон базарные наплевать, хотят с корзины лечение, и всё тут.

— Вот для этого нам мешочник с громким голосом и понадобится, — заключила я. — За траву его вчера уже побили, да и третьего дня синяком щеголял. Игги, ты узнал про него, как я просила? Кто таков, где живет, почему травой торгует, а другого дела не нашел?

— Да узнал, — махнул рукой подросток. — Младший сын он торговца пряностями, да только как папка помер, так двое старших его с наследством и надули. Считай, обобрали и на улицу из папашиного дома выкинули. Почитай, в одних сапогах и ушел.

— Ты смотри, прямо сказка «Кот в сапогах», — хмыкнула я.

— А ты откуда знаешь? — удивился Игги. — Коттар его зовут, а по-простому — Кот. Ушлый он парень, хотя и не вредный, и по слухам — честный. И траву ту он вроде как умеет правильно заваривать, шоб пить приятно было, да только кому оно надо?.. И работы другой не чурается, днем на рынке, вечером у лабазов грузы таскает. Иначе его с ночлежки-то выпрут, там каждый день живую деньгу платить надо. Хоть и три листа у него, а задарма ночевать не пустят, да и кормить никто не станет.

— Вот ему и предложим подработать зазывалой, а хорошо себя покажет — и торговать доверим, — покивала я. — Убедимся только, что красть не станет.

— Да вроде таких сплетен о нем не ходит, — пожал плечами зелененький. — Вроде даже поделиться может, если у самого есть, а кому другому не повезло. И в драки-склоки не лезет. Но это... сделаем ему... пыталельный срок, да?

— Испытательный. Правильно рассуждаешь. Ладно, хватит на сегодня сладкого, всем чистить зубы и спать!

— У-у-у-у...

— Не «у-у-у-у», а бегом. Оба! Бабушка, давай мороженицу на ледник в подвал снесем от этих лакомок.

— Ох, грехи наши огородные... И сама б еще поела, да понимаю, шо нельзя. А эти голопузы-та, чай, не удержатся. На ключ дверь в подвал замкни.

Я хихикнула и взялась было за одну ручку кастрюли, но тут в дверь позвонили. Мы только вчера повесили там бронзовый колокольчик, и до сих пор этот звук радовал меня, как признак постепенного благоустройства жизни.

— Сама отнесу, иди глянь, кто там, — распорядилась бабушка Му и шустро потащила вкусняшку в сторону подпола.

Я пожалала плечами и пошла открывать.

— Леди? — На пороге стоял высокий темноволосый мужчина с пронзительно синими глазами. — Позвольте представиться. Меня зовут Вэйн. Вэйн Рин Корван.

Глава 37

Вэйн Рин Корван

Игра в выбор может быть интересной и безопасной. Если хозяин игры — ты.

Год назад мои паучки, свившие сеть в Доме орков, прощуршали, что казначей в моем замке сам стал паучком. Нет, не воровал, но раз в месяц делился с разведслужбой орков копиями расходных документов. Для умного врага такие сведения ценней подслушанного разговора.

Я неспешно оплел предателя домашней сетью и дождался, когда его схватят с поличным. Вина была столь очевидной, что казначей даже не молил о пощаде.

— Ты мог сохранить верность, но выбрал измену. Я дарю тебе то, чего ты недостоем, — еще один выбор. Вот два кубка с вином, в одном яд с названием Стеклянный поток. Должен догадаться сам: смерть от него не быстрая и не легкая. Выбирай, — закончил я и сел в кресло.

Меня не радуют банальные пытки, они скучны и грязны. Что заменит удовольствие наблюдать качели надежды и отчаяния? Негодяй не сводил с меня глаз, брал кубок, тут же сомневался, ставил на стол, хватал второй. Было слышен сухой шелест песочных часов-трехминутки. А на моем лице ни тени злорадства, только искренний интерес. Казалось, я пил, не отрываясь, из самой желанной шеи.

Наконец мошенник осушил кубок. И взглянул на меня молящим взглядом, будто он мог что-то изменить.

— В этом кубке не было Стеклянного потока, — равнодушно бросил я. Дождался, когда побледневшее лицо озарится счастьем, и продолжил: — В нем был Ползучий пожар, отрава, которая не режет, а жжет. Ты обманул мое доверие, я обманул тебя. Честная игра, не так ли?

И вышел. Насчет свойств яда я не соврал, а наслаждаться страданиями не хотел,

Прошлой ночью эта история вернулась ко мне. Я хотел предложить начальнику стражи два кубка. Каждый из них не смертелен, но опасен. Поставить его перед выбором: или избавиться от своего помощника, этого недовампира Флесса, или и дальше слышать осуждение в свой адрес, а в результате рисковать потерей места.

Утром я узнал приятную новость — Лим отстранил Флесса от работы. Это очень хорошо! Только двое в Городе знают, что никто не был убит зубами вампира, ни пять дней назад, ни в прошлую ночь. И один из них я. Когда откроется истина и выяснится, что мой клан стал жертвой оговора, Флесс вряд ли вернется в Башню, зато Лим ее покинет. И пусть я буду пить молоко вместо крови, если до конца века хоть один эльф займет этот пост!

Но не успел я насладиться, как в дверь постучали.

— Господин Вэйн, прилетела паутинка из Башни стражи. Новость вчерашнего вечера, касающаяся начальника, его помощника и целительницы.

Посыльный удалился. Но всё равно я читал, пытаюсь сохранить на лице маску бесстрастности и покоя.

Лим распорядился послать за целительницей, чтобы снять боль у Флессана... Целительница пришла в Башню... Лим и Флесс долго были с ней в комнате... Судя по обрывкам слов, говорили не только о болезни... Донесли слова: «Видно, что не вампир кусал»... Важно: после ее ухода впервые за эти дни Лим и Флесс общались и расстались дружески...

В первую минуту мне захотелось отправить сосуд с ядом своему стукачу-паучку из Башни, за то, что столь важная новость пришла столь поздно. Лим решил сыграть в поддавки: эта отставка — явная имитация. Но кто виноват в неудаче?

Похоже, я сам.

С давних пор я следовал правилу: столкнувшись с чем-то неприятным, всегда искать свою ошибку. Вот и на этот раз. Тогда, в ночь Большой облавы, меня интересовала только кровь этой женщины. Понять, чистокровка она или нет, было нетрудно, не приближаясь к ней. Когда я убедился, что она и есть сбежавшая чистокровка, то на время успокоился... Куда она может теперь от меня деться?

И не проверил ее на магию! Но это и закономерно — у чистокровных человечек магии нет и быть не может. И тем не менее... тем не менее... что же в ней есть такое, чего не было в остальных? Они все — пустые сосуды для семени достойных. Безмолвные куклы. Даже если бы им позволено было говорить — я пару раз пробовал ради эксперимента, — ничего интересного они бы мне не рассказали. Девчонки, едва-едва прожившие около двух десятков лет.

Скучно и бесполезно. Их мир не слишком отличался от нашего, только еще и магии они не знали. Тогда, полтора века назад, когда была очередь моего Дома брать рожениц, я расспрашивал их подробно и ничего интересного не узнал... Вряд ли глупые люди за такое небольшое время научились чему-то новому.

А эта... эта другая. Я мог бы догадаться! Она старше, она умнее, она сумела сбежать и выжить в чужом, совершенно незнакомом и не слишком дружелюбном мире. А та скорость, с которой она обустроивает свою жизнь, уже обрета не только деньги, работу и дом, но и кое-какую репутацию... Демон! Она лечит зубы. Она нашла себе работу в Цирюльном ряду, она взялась исцелить смеску-предателя. А теперь она, похоже случайно, раскрыла мою интрижку. Каким-то неведомым образом разобралась, что челюсть, изготовленная по образцу, взятому у шлюхи-кормилицы, — фальшивка.

Красиво. Красиво и в моем вкусе. Нам надо познакомиться поближе. Меня всегда интересовали талантливые существа. Поначалу просто пообщаемся.

Оставалось еще одно. Второй носитель тайны, ночной убийца. Осужденный к работе в Глубоких рудниках за злостное мошенничество, сбежавший и решивший отомстить Флессу — за каторжные цепи и клеймо. Мои ищейки схватили его еще в утро первого убийства, когда он, изображая вампира с большими зубами, продавал похищенные камни. Я стал хозяином этой твари, выпускал ее, когда нужно, и в прошлую ночь случилось второе убийство.

Похоже, история закончилась.

Я звякнул колокольчиком. Тотчас явился Эгси.

— Наш гость из третьей клетки хочет этой ночью оказаться на гоблинской свалке. Там он заснет пьяным, но просыпаться ему не нужно.

Обычно слуги отвечают или кивают. От Эгси я уже давно не требовал таких ритуалов. Он услышал — он сделает. А я... совершу одну интересную прогулку, в конце которой меня ждет необычная встреча.

То, что чистокровка выбрала для жизни дом палача, и забавно, и в чем-то символично. Еще одна иллюстрация к тому, что стереотипы — зло. Она сумела разглядеть в безнадежности потенциал, а вот я едва не упустил интересную загадку только потому, что привык к бесполезности похищенных женщин для любого дела, кроме того, которое мы им предназначили, — рожать магически сильных детей. А стоило бы вспомнить запретные легенды... Я ведь не мальчишка и не дурак и прекрасно знаю, что, даже если мы прячемся от правды, правдой она от этого быть не перестает. И самым умным из нас все же стоит помнить о том, что все магические расы когда-то были созданы людьми. людьми, против которых мы восстали и которых уничтожили. И разучились оценивать их по достоинству.

Что ж, я намерен поближе познакомиться с женщиной, достойной высокой оценки.

Глава 38

Лилия

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась я. — Прошу прощения, у вас что-то срочное, господин...

— Вэйн, и можно без господина, — обворожительно улыбнулся вампир, причем чистокровный, по длине и расположению клыков догадалась. — Вот пришел поближе познакомиться с нашей новой знаменитостью и поблагодарить за Флессана — он хоть и ушел из семьи и официально считается отступником, но... сами понимаете. Как говорят добрые простолюдины, кровь не водица.

— М-м-м... всегда пожалуйста. — Я наклонила голову к плечу, оценивая и ослепительную улыбку гостя, и его мягкие, завораживающие манеры. — Но лечение еще не окончено. И полного выздоровления я не гарантирую.

— Того, что вы уже сделали, уверяю вас, достаточно, чтобы вами заинтересовались не только простолюдины и купцы в Ничейных кварталах, но и кланы. — Если он и дальше будет так улыбаться, я, прямо не сходя с места, смогу все его зубы пересчитать и даже зубную карту заполнить.

— И что же их интересует? — Мне даже не пришлось изображать недоумение. — Насколько мне известно, в кланах есть маги. Вряд ли мои способы лечения могут сравниться с их способностями.

— О, уверяю вас, — вампир переступил с ноги на ногу и чуть приподнял бровь — вроде и не сказал напрямую, но намекнул, что держать гостя на пороге не слишком прилично, — далеко не каждый член клана может претендовать на услуги нужного специалиста, к тому же магов-лекарей всегда было немного и обычно они заняты так, что в очередь записываются даже приближенные к высшим.

— Проходите, пожалуйста. — Не то чтобы я так уж устыдилась после его намека. И уж совсем точно — не стала бы впускать кого-то в дом, просто чтобы не показаться слишком резкой или невежливой. Но пока этот вампир ничего плохого не сказал и не сделал, а то, что он говорил, вполне укладывалось в логику событий. И, что немаловажно, сулило некоторое расширение клиентской базы. Таких гостей с порога не гонят. — Хотите чего-нибудь выпить?

— Не откажусь, — улыбнулся вампир, привольно и в то же время изящно откидываясь на спинку нашего слегка потертого дивана и легонько проводя тонкими аристократическими пальцами по резному, но поцарапанному подлокотнику. И под его рукой эта грубоватая резьба даже заиграла по-другому. — Спасибо, госпожа Лилия. Надеюсь, вас не удивляет, что я знаю ваше имя? — Он приветственно поднял простенький стеклянный бокал, в который я налила ему вина. Это легонькое, не больше пяти-шести градусов, но приятное на вкус вино, почти сидр, в промышленных количествах производила бабушка Му. У нее сердце болело за каждую испортившуюся ягодку, а этого богатства в заросшем саду внезапно обнаружилось с достатком. А вареньями запастись нам пока не по карману, сахар и мед стоят дорого. Вот на мороженое немного извели, так бабуля исстрадалась.

— Какой приятный напиток, — сделал комплимент вампир. — Отдаю должное вашей помощнице по хозяйству. Должно быть, она экономит вам много денег.

— Да, вы правы. — Не знаю почему, но этот приятный во всех отношениях мужчина не располагал меня к болтливости. Наоборот, я подобралась. Может, потому, что он был слишком красив, внимателен и похож на классического кровососа из страшных сказок или женских фэнтезийных романов? — И нет, то, что вы знаете мое имя, меня не удивляет. Его знает уже весь базар.

— О да! — мягко рассмеялся гость. — Признаться, я крайне заинтригован вашими необычными методами и неординарными познаниями. Если не секрет, где вы научились этому, госпожа Лилия?

— Секрет, — безмятежно вернула улыбку я, стараясь даже внутренне не напрягаться. — И надеюсь на вашу тактичность... Вэйн. Всё равно там, где я взяла эти знания, их больше нет, да и конкуренты мне не нужны. Даже такие приятные, как вы.

— О! — Он удивился, а потом опять засмеялся. — Вы решили, что я собираюсь отбивать у вас кусок хлеба, пользуясь наемников в Цирюльном ряду? Как мило!

— Ну кто вас знает? — Я спрятала не слишком добрую усмешку за бокалом вина. — Может, не на базаре, может, в клане, вы сами говорили, что эти услуги весьма востребованы.

— Действительно, — признал вампир мою правоту. — Ваши рассуждения в высшей степени логичны и естественны. Но уверяю вас, госпожа Лилия, у меня и в мыслях не было заниматься лечением зубов. Наоборот, я пришел, чтобы пригласить вас завтра посетить усадьбу клана Корван и

осмотреть для начала нескольких наших слуг. Разумеется, это будет соответствующе оплачено. В какое время вам было бы удобно?

Я задумалась. Вообще, предложение было более чем заманчивое. Мне не слишком нравилось проводить утро на базаре. Не потому, что там было как-то особенно шумно или людно или я считала этих людей неподходящим окружением. Боже упаси, наоборот, мне было хорошо среди толпы, я всегда легко находила общий язык почти с любым и не чуралась больших компаний. Но меня напрягала местная сугубо антилечебная и антигигиеничная обстановка. Если я сейчас сделаю репутацию еще и среди клановых, то на свое местечко в Цирюльный ряд можно будет посылать только Матео — он вовсю учился у меня диагностике. Будет осуществлять первичный осмотр и направлять пациентов в «клинику». Слухи о том, что я лечу даже клановых, быстренько отобьют у больных охоту ворчать про «никогда так не было, а теперь взялось, подозрительное дело». Особенно если не поднимать цены, полечиться у того, кем не брезгают кланы, за подъемные деньги захочет каждый. А я займусь нормальной практикой в нормальных (ну, насколько это возможно) условиях.

— В первой половине дня я занята. — Так просто бросить место в Цирюльном ряду я всё же не могла. На это потребуются подготовка. — Но после обеда у меня пока никто не записан, и, если не будет пациентов с острой болью, я смогу выделить время примерно с трех часов после полудня и до семи.

— Договорились, госпожа. — Вампир явно был доволен моими ответами. — Тогда завтра в три я пришлю за вами экипаж и встречу у ворот поместья. Также мои слуги помогут вам с транспортировкой нужных инструментов, если позволите.

— Ну, в последнем нет необходимости, поскольку у меня двое помощников. — Я встала вслед за гостем и снова вежливо ему улыбнулась.

— В таком случае не смею больше занимать ваше время, — раскланялся Вэйн. И пошел к двери.

Я машинально попрощалась с вампиром, закрыла за ним дверь и задумалась. Вроде бы всё идет хорошо, но что-то в этом персонаже меня всё равно настораживает. Хотя, признаться, и интригует. Очень... интересный мужчина. Помимо того, что просто красивый.

Главное, не увлекаться там, в поместье, и вернуться к семи. Потому что в восемь меня ждут в Башне стражи, причем сразу двое очень интересных мужчин, и, хотя один из них, как выяснилось, давно и прочно женат, второй ненавязчиво, но вполне заметно оказывает мне знаки внимания. Лимеас-Отступник, надо же... Теперь у меня в коллекции есть суровый эльф и харизматичный вампир. Занятный выбор.

Глава 39

Лимеас из клана Остролиста

К вечеру голова почти перестала болеть. Может, благодаря небольшой прогулке на свежем воздухе. А может, потому, что наконец-то получил ответ на вопрос, который, честно говоря, должен был задать себе сразу после первого убийства. Всего-то и нужно было подняться на самый верхний ярус Башни, где в сухости и прохладе хранятся архивы.

Всего-то... Только от этой простой работы голова болела, будто я долго пробивал ею гранитную стену.

Перебирать и перечитывать тысячи пожелтевших страниц не было времени. Приказать любому из подчиненных, даже Хвыщу, я не мог. В этой игре ставки так высоки, что при отрицательном результате мне пришлось бы проделать ту же работу самому.

Начальник стражи, не способный обойтись без мага, не достоин своего поста. Я надел на голову обруч с камнем-ищейкой — рузом, открывал шкафы и мысленно повторял ключевые слова: напал на исходе ночи... сломал шею... ограбил... расследовал Флесс... преступнику сохранена жизнь. И ждал, когда зашуршат листы, на которых отражены нужные мне происшествия и имена. А если не слышал шуршания, то напрягал голову сильнее. Будто ребенком пытался натянуть взрослый лук или вытащить из колодца почти непосильную бадью.

Возможно, существуют волшебные карандаши, которыми можно написать слово сверху папки — и из нее сами выскочат листы, на которых присутствует нужный текст. Но мне приходилось опять и опять выныривать из волны боли, чтобы напрячься и вспомнить недавние убийства.

Даже дребезжащая голова способна быть рассудительной. Я удовлетворенно отметил, что стража свое дело знает и проследить судьбу каждого убийцы легко. В Городе некоторое время выживают мошенники и воришки, но охотник на законопослушных горожан очень скоро расстается с жизнью. Обычно после первой охоты. Кто кончает свои дни на эшафоте, кто, при особых смягчающих обстоятельствах, — в Глубоких рудниках.

Рудников три, у каждого — частные владельцы, поэтому приговоренных к бессрочной каторге продают на аукционе. Будь моя воля, они отправлялись бы в свое предпоследнее подземное жилище прямо из зала суда. Но закон требует, чтобы негодяи возместили ущерб собственной жалкой персоной с максимальной выгодой. Поэтому их передают Хозяину Торга, а уж потом в наше ведомство поступает документ с указанием рудника, на который отправлены каторжники.

А вот еще не белый, не пыльный лист. Шаргас, орк, изгнанный из наемников за пьянство и неадекватность. Подкараулил на рассвете обидчика, сломал шею. Отправлен на Торг... без отметки убийства. История совсем недавняя, может, отметка еще в канцелярии?

И да, Шаргас был задержан и доставлен в суд Флессом. Всё стало на свои места. И я поспешил вниз, торопливо снимая обруч с гудящей головы.

Младший секретарь взглянул на меня, слегка испугался и пролистал журнал, чуть не порвав от спешки. Да, злодея, именуемого Шаргасом, отправили на Подземный Торг. Да, на месте названия рудника, куда он проследовал, — пробел.

— И я даже знаю, в какой день это произошло, — сказал я резко и саркастично.

— Двадцать шестого числа прошлого месяца, — пробормотал младший секретарь. — В день...

— ...массового побега с Торга! — закончил я. Серdito взглянул на в общем-то не виноватого юнца и направился в кабинет Хвыща.

Секретарь что-то дописывал. Показалось или нет, но он, вставая, прикрыл лист папкой. Или от нервов? Хвыщ привык приходить ко мне в кабинет по вызову. Мои визиты в его каморку случаются редко.

— Почему в отчете о поимке беглецов с Торга каторжники не выделены отдельным пунктом?! — с ледяным спокойствием спросил я.

Хвыщ вздрогнул и, как мне показалось, нырнул в волну тревоги. Его зеленое лицо на миг стало аквамариновым.

— О каком преступнике вы спрашиваете? — бесстрастно уточнил он, преодолевая дрожь.

— Об убийце Шаргасе! — уже резче продолжил я.

Аквамарин стал привычным цветом ранней листвы, дрожь прекратилась.

— Это очень серьезное упущение канцелярии, — ответил Хвыщ ровным голосом. — В тот день, точнее, в ночь поиска чистокровки беглый злодей оказался забыт. Я надеялся доложить о его поимке в следующие дни, но тут произошло это...

— ...убийство, возможно совершенное им, ведь Шаргас еще не пойман, — сказал я так спокойно, как только мог. — Хвыщ, я всегда восхищался вашей исполнительностью. Поэтому сейчас мне особенно досадно узнать об этом странном упущении. Подготовьте к вечеру объяснительную записку, и я решу, насколько для меня окажутся приемлемы ваши объяснения.

— Я исполню ваше распоряжение и понесу положенную ответственность, — ответил секретарь. Мне показалось, будто он говорил с явным облегчением. Так в суде радуются разбойники, осужденные за мелкую кражу.

Или всему виной моя больная голова? Мерещится невесть что...

Следовало немного проветриться и, главное, поспешить. Уже через четверть часа был снаряжен гипперфлай и я мчался в сторону Дома гоблинов.

— У меня нет ордера, — заявил я начальнику охраны. — Передай Хозяину Торга, что ему было бы выгодно пообщаться со мной прямо сейчас, не дожидаясь бумажки.

Ждать пришлось недолго. Меня проводили в апартаменты не самого почитаемого, но одного из самых богатых жителей Города.

Гоблинам редко свойственно чувство меры и чувство прекрасного. Кабинет моего собеседника благоухал и сверкал, самоцветы не украшали разве что ковры. Несмотря на преклонные года и чрезмерный вес, Хозяин Торга поспешил ко мне, низко поклонился и перешел к делу быстрее, чем я успел отвергнуть предложенные яства и напитки.

— Позавчера по моему приказу пещера была обыскана в третий раз. Мы нашли два прежде неизвестных подземных хода, мы исследовали каждую щель, каждую нору. К сожалению, мы окончательно убедились, что она сумела добраться до Города, и нам ничего не остается, как еще раз принести извинения...

— Речь не о чистокровке, — прервал я собеседника. — Меня интересуют преступники, которые должны были быть проданы в этот день в Глубокие рудники.

— Ах да, злодеи — это по вашей части. А из-за этой несчастной чистокровки вампиры всю кровь из меня выпили. Я прекрасно понимаю их, ведь была очередь клана уважаемых Ринов получить роженицу из иного мира. Конечно же, все эти дни я думал только о ней, и мы искали ее. Мне так стыдно перед Домом вампиров и перед стражей за доставленное беспокойство. Я даже рад, что портал в мир чистой крови закрылся. Для нас он золотой поток, но также источник головной боли.

Про голову лучше было не напоминать. Я опять почувствовал раздражение, но привычно сдержался — образ хладнокровного и всегда беспристрастного начальника стражи обязывает.

— Сочувствую, уважаемый. Но прошу все же ответить на вопрос: На какой рудник отправлены преступники?

— Ах, извините, — собеседник предпочел не заметить мою слишком ледяную вежливость, — да, злодеи. Этот громила орк и мошенник эльф... как же их... Шаргас и Энфиль, да, они коварно воспользовались неразберихой. Увы, они еще не были куплены и не получили рудничную метку, что может осложнить поиски...

При всей несимпатичности собеседника я отметил профессиональную память на имена особо важных рабов. Сухо поблагодарил, получил уверение, что такой инцидент произошел в последний раз, и вышел из кабинета до того, как мне предложат подарок или хотя бы бокал лучшего подземного вина.

И уже на улице подумал — какое неприятное совпадение: сбежал даже не один преступник, а двое. И обоих раскрыл и арестовал Флессан.

Уже вечером я направился в дом моего помощника. Мне было заранее известно, чем сейчас занят Флесс. Всё, как мы и договорились. Он изображает «несправедливо отставленного», я — сурового и недовольного. Флесс закроется в доме, отошлет жену к родственникам вместе с детьми и служанкой

и сделает всё, чтобы внешне казалось — он там один и подтвердить его алиби некому. А на самом деле пригласит в гости для серьезного разговора под хорошую выпивку одного из глав гномьего клана — у него по старой памяти хорошие отношения с мастерами. И еще одного независимого свидетеля из племени огородников — что естественней дружеской пирушки? Это будет железное алиби, и оно станет полной неожиданностью для того, кто решит подставить моего помощника.

Не представляю, как Флесс уговорил жену оставить его одного в компании собутыльников. Аини терпеть не может, когда муж пьет. А мой друг — хозяин у себя в кабинете, но дома сразу же становится убежденным подкаблучником. Свою «королеву» Флесс готов носить на руках круглые сутки и по мере возможности освобождает даже от домашних обязанностей. Или отдает распоряжения служанке, или делает домашние дела сам.

Интересно, если бы Лилия поселилась в моем доме, не захотела бы она стать такой хозяйкой? Не уподобилась бы женщине, однажды примерившей эту роль? И покинувшей мой дом, когда я ясно дал бы понять, что из меня послушного слуги не получится?

Что за странные мысли. Лилия в моем доме? Магия вредна для головы, и, похоже, утром я перестарался.

Вот и дом Флесса. На крыльце я уткнулся в невидимую, мягкую, но надежную стену защитных рун. Через секунду стена разошлась, пропустив меня.

Пройти этот барьер — всё равно что постучаться. Дверь открылась. На пороге, вопреки моим ожиданиям, показалась Аини.

— Господин Лимеас? А разве мой муж не с вами? — тревожно спросила она.

Глава 40

Лимеас из клана Остролиста

Жена Флесса объясняла торопливо и сбивчиво. Могла бы не говорить — я понял всё и сразу.

Сначала Флесс сделал всё, как мы и задумывали, но потом всё изменилось. Одному из гостей пришлось срочно уйти, затем прибежал какой-то уличный мальчишка из тех, что Флесс всё время прикармливал среди рыночной шантрапы. Хозяин дома его выслушал, торопливо попрощался и со вторым гостем. Спешно собрался, забежал к родителям жены, велел ей возвращаться домой и умчался в сгущающиеся вечерние сумерки. Жене поведал, что, мол, это я прислал мальчишку, сказал, чтобы ждала не скоро.

Я немедленно придумал несколько важных дел на окраинах Города и подтвердил, что это надолго. И уверил ее, что это был мой приказ, а заглянул я только для того, чтобы удостовериться, что она уже дома и в безопасности. Про себя клял Флессана последними словами. Но только про себя. Лишь бы жена не догадалась, чем этой ночью занят муж.

— Он посылал к вам того же мальчишку обратно, чтобы подтвердить, что получил приказ, но маленький негодник вас не нашел, — сказала на прощание Аини, и я опять мысленно зарычал. Ну конечно! Кто пустит оборванца в Башню, если он говорит, что к Флессу, а того нет на месте? Так я и остался в неведении о планах своего помощника. А планы были совершенно определенные.

Флесс ловит злодея на живца.

Логику его я понимал так же четко, как если бы он стоял рядом и объяснял. Скорее всего, пацан принес ему ту весть, о которой я догадался после визита в архив, о том, что сбежавшего с Торга наемника видели в городе. И этот негодяй наверняка на моего помощника зол, и всерьез. Вряд ли он мечтал только об отставке Флесса. В Башню преступнику не пробраться. Дом — под серьезными охранными рунами. Но жена и дети вампира не могут сидеть там безвылазно, рано или поздно они могут попасть под удар, и Флесс об этом догадывался. Еще во время ареста дурной орк орал на всю улицу, что найдет и покалечит не только самого стражника, но и всю его семью. Узнав, что этот душегуб еще в Городе, Флесс пошел туда, где на него нападут. Точнее, захотят напасть.

Всё это я обдумал по пути в Башню. Сотрудники уже расходились, но все, кто был на месте, разделили мои опасения и взялись за дело. Кого-то даже вызвали из дома, и обычного ворчания я не услышал. Слова «Флесс в беде» стали паролем. Моего помощника любят, не за добродушие, а за справедливость и привычку не наказывать за чужую вину.

Куда нам идти, я понял сразу. В Городе хватает заведений с не самой приличной репутацией. Закрывать некоторые из них было бы по заслугам. Но лучше знать, где проводит время разное отребье. Поэтому Город терпит их. Как и веселые дома, с «кормилицами» для вампиров и «куклами» для еще более мрачных и дорогих забав орков. А также Подземный Торг, где покупают этих кукол. Зато в такой ситуации, как сейчас, понятно, куда идти.

Терпеть разумно. Но удастся не всегда. Например, не так давно я тоже пытался терпеть. Не получилось...

Ладно, думать об этом не время. Сейчас в голове только дорогой мой Флессан, будь он неладен!

Уже скоро я получил первые сведения. Посетитель, похожий на Флесса, побывал в «Перекрестке», «Веселой птичке» и во «Дворце желаний». Всюду вел себя одинаково — не искал платных женских ласк в глубине, а садился с бокалом вина в середине зала, да еще требовал, чтобы рядом ставили несколько свечей, и никто не смог бы войти, не заметив его. Сидел, не допивал вино и удалялся в другой зал или другое заведение.

Конечно же, я не торчал в Башне, а сам обошел пару кабачков и сделал те же выводы. Из еще не исследованных заведений оставался «Лабиринт». Он считался относительно приличной гостиницей, и управляла им гномка Сита Кронда, жена члена Малого совета. Изначально название заведения было другим, но его вряд ли кто помнил, а «Лабиринтом» прозвали из-за множества залов, зальчиков и комнат, в которых можно было получить все радости. Говорили, что в некоторые помещения можно пройти только с провожатым, иначе легко заблудиться. Потому-то я не был уверен, что «Лабиринт» удалось обыскать даже во время Большой облавы.

Привратник сообщил, что кто-то, по описанию мой помощник, действительно заходил, причем недавно. Я поручил сотрудникам заглянуть в ближайшие залы, а сам пошел на нижний ярус, по винтовой лестнице. Расположение было знакомым, к тому же эльфы видят в темноте как Тишина.

Уже скоро я услышал злобное рычание и треск мебели. Это удивило — дальние комнаты не предназначались для буйных попок. Всё равно я ускорил шаг и оказался в большой и достаточно

освещенной зале.

И сразу же увидел Флесса. Он стоял в углу, отбиваясь локтевым мечом от огромного орка. Тот не мог добраться до помощника голыми лапами, поэтому размахивал ножкой стола. Громила, похоже, был трезв и уклонялся от клинка противника. Флесс оставался спокоен, хотя в любую секунду его голова могла превратиться в мятую начинку для пирога. У стены лежал опрокинутый стул с плащом Флесса и метательным жезлом, которым мой помощник не успел воспользоваться.

В моей руке оказалась ручная стрела с зарядом мгновенного паралича. Орк был одет в грубый передник, но, как попасть в незащищенную ладонь с одного замаха, меня учить не надо.

Орк обернулся, удивленно посмотрел на меня и повалился, сломав еще один стол.

— Шаргас, — сказал мой помощник, сплевывая кровь. — Оказывается, он залег здесь. Увидел меня и не сдержался.

— В порядке? — спросил я.

— Почти, — ответил Флесс. Присмотрелся, нагнулся, поднял обломок клыка... Ого! Остаться без клыка — позор для любого вампира, и мой помощник дорого заплатил за поимку этого негодяя.

— Что происходит в моем заведении?!

В зал влетела госпожа Сита. Увидев нас, замерла. Взглянула на обездвиженного орка и произнесла совсем другим тоном:

— Господин начальник стражи, господин главный помощник, я и предположить не могла, что...

— ...что станете укрывательницей беглого каторжника, который обвиняется в двух убийствах и только что напал на моего помощника? — сказал я спокойным, ледяным тоном, от которого менее бывалая дама упала бы рядом с орком.

Госпожа Сита взвизгнула и запричитала:

— Пожалейте, помилуйте! Я не знала, что он так взбеленится. Знала бы — умерла бы, а не пустила. Только в убийствах этих страшных он не повинен. Прибился две недели назад, до того, как злодейства ночные начались, клялся работать потяжелее за еду попроще. И за порог не выходил, все подтвердят! Делом своим клянусь, — госпожа Сита обвела рукой всё заведение, — не выходил он, не убивал.

Я еще раз взглянул на поверженного великана. Приходилось признать, что он не подходил ни под одно из свидетельских показаний.

— Что же, одного подозреваемого мы отработали, — вздохнул я. — Ценой твоего клыка.

Глава 41

Лилька

Если бы в прежнем мире меня пригласили в замок вампира, я бы рассмеялась. Или испугалась, по обстоятельствам.

Сейчас я просто готовилась к визиту. Собирала инструменты и строила пацанов, в первую очередь Игги. Объясняла, что уши, как и вся остальная зеленая мордашка, должны быть чистыми, а кроме того, в таком серьезном замке надо поменьше болтать и глазеть по сторонам.

— Зачем мы-ы-ыться? — тянул малолетний зеленый философ. — Всё равно потом запачкаешься. И вообще, вампиры на чистеньких в первую очередь голодны!

В Городе к вампирам отношение было уважительное и с легкой опаской. Конечно же, еще в первые дни я выяснила, что живую кровь пьет лишь элита, в первую очередь мужская, и не каждый день. И выпить кровь до смертного истощения нельзя даже у раба или рабыни. Ключевое слово — по закону. Вот только по тому же закону на территорию Дома или замка вампира можно войти лишь с его согласия.

Всё равно всем известно, что никого обижать нельзя, но вампиров — в первую очередь. На что они способны, никто толком не знает. Да тут еще и эта история с убийствами.

— Ох, неспроста эти-та злыдства творятся, — то и дело качала головой бабушка Му. — Не досталась вампирам положенная чистокровушка, вот жених обойденный-обиженный бегаёт по ночам и злобу отводит на девицах, кто статью и личиком на чистокровку похож.

Я попыталась объяснить доброй бабуле, что след от зубов на шее жертв криминала не вампирий. Но переспорить консолидированное мнение всего базара оказалось невозможно.

— Какие следы-та? Всем известно, вампир кусал, больше некому, — обижалась бабушка. — Да и видели его все, кроме стражи нашей любимой-надежной. Вот у зеленщицы Пуры, она мне морозцу продает, почти без салата, у нее сын...

— Видел убийцу? — спросила я с внутренней усмешкой. Бабуля махнула рукой.

— Да не он видел, а брат его пил на днях с друзьями, а друг брата — уборщик в мясном ряду, так вот его напарнику говорил дядя, что видел, как злыдень над девицей сидит и кровь тянет, как питяга, до дармового эля дорвавшийся. Люди о своей шее-та пекутся, им врать не след.

Я не решилась порвать столь сложную доказательную цепочку, пока не удастся предъявить базарному люду что-то понадежнее. Например, настоящего убийцу.

Что же касается совета не глазеть по сторонам, Матео спорить не стал, но уточнил:

— Всегда лучше не глазеть. Сначала увидишь то, что не хотел, а потом рассказываешь, где не хотел, кому не хотел, и всегда говоришь больше, чем знал.

Я поняла не сразу, однако вспомнила профессию отца бедного Моти.

— Впрочем, в вампирьем замке глазей не глазей — увидишь то, что они тебе хотят показать. Скрытный народ, — прокряхтел Матео, вытаскивая на крыльцо наследственное кресло.

Экипаж прибыл с изумительной точностью для эпохи, в которой механические часы встречались лишь на башнях. Возница помог погрузить кресло, инструменты Матео занес сам, и мы отправились в путь, под напутствия и еле скрытые вздохи бабушки Му.

За последние дни я повысила свой статус до третьего листика. Увы, ни Игги, ни тем более бабушка были не в курсе, какие преимущества он дает. Матео, компетентный в своей области, заметил, что обладателей третьего листочка можно пытаться исключительно по приговору суда, с двойным протоколированием. Утешил!

Увы, ни он, ни кто другой не объяснили, сколько нужно листиков, чтобы оказаться в доме вампира и благополучно выйти из него. Оставалось надеяться, что в очередной раз повезет.

Кварталы вампиров отличались от территорий остальных народов тем, что вместо разваленных хибар здесь стояли маленькие уютные домики. Резиденция Вэйна несколько не была похожа на трансильванский замок графа Дракулы из комиксов или фильма. Скорее изящный конструктивизм, только вместо бетона — светлые породы мрамора. Впрочем, черному граниту тоже нашлось место.

Вместо неприступных стен вокруг замка — парковая ограда, зато у ворот — целый вооруженный

отряд. Я по военным специалист невеликий, но показалось, что к безопасности здесь относятся всерьез.

Хозяин замка ждал меня в просторном холле с хорошим, естественным освещением.

— Госпожа Лилия, признателен за ваш визит. Сейчас небольшая экскурсия по моему скромному жилищу и подобающее угощение, после чего вы сможете приступить к работе.

Я представила, как приступаю после угощения. Неохота начинать со спора, но придется.

— Господин Вэйн, спасибо за гостеприимство. Я буду рада осмотреть ваш дворец, но была бы благодарна, если угощение последует чуть позже.

— Вы отказываетесь? — спросил хозяин, почти не выказывая, что сердится.

— Только переношу время. Я не сомневаюсь, что вы желаете показать мне ваш дом с наилучшей стороны, но и вы должны понять мое стремление продемонстрировать свое мастерство в наиболее приглядном виде.

— Что же, разумно, — ответил Вэйн после короткой паузы. — Вашим слугам будет указано, куда перенести инструменты и необходимые приспособления, и предложена помощь. Мы же пока прогуляемся по дому.

Почти сразу я поняла, что хозяин — из тех, кто умеет продемонстрировать богатство, нарочито не выставляя его. Золото не выглядело сверкающей безделушкой, оно просто присутствовало в каждом зале, в канделябрах, чернильницах, неброской изящной посуде. Казалось, чем дороже предмет, тем он старательней помещен в тень.

Под конец мы зашли в атриум со стеклянным куполом. В середине, на черном постаменте, возвышалась статуя, драпированная чем-то вроде римской тоги.

— Вы должны сделать правильный вывод, бросив один взгляд на его лицо, — улыбнулся Вэйн. — Это мой прадед, вождь Великого мятежа. Благодаря его доблести, власть человекóв была свергнута бесповоротно.

В такие минуты во мне просыпалось нечто вроде гуманистического патриотизма, если такой бывает. Как бы мы, люди, ни угнетали этих несчастных существ, всё же потом они нас перебили, и разделять радость от этого не хотелось.

— Не думаю, что ваятель сумел передать всю его храбрость и военные таланты, — ответила я нейтральным комплиментом.

— Согласен, хотя основные таланты моего предка были заговорщическими, — улыбнулся Вэйн. — Видите, на стене ряд золотых портретов-масок. Здесь вампиры, впрочем не только они, но и другие существа, честно служившие клану Рин Корванов. А так как почет неотделим от позора...

Вэйн отошел к другой, менее освещенной стене, откинул занавеску. Я увидела несколько масок с залепленными глазами.

— Это те, кто дал моему Дому клятву верности и нарушил ее. Взгляд предателя отвратителен, и мы от него избавлены.

— Что же стало с ними? — спросила я с искренним любопытством.

— То же, что будет со всеми нами рано или поздно, — с прежней улыбкой ответил Вэйн. — Они умерли.

Глава 42

На этом экскурсия закончилась, и мы отправились в зал, где уже стояло зубопалаческое кресло, а с двух сторон от него — Игги и Матео. Пациенты сидели на простеньких стульях, а в стороне пустовало кресло для хозяина.

Значит, решил оценить мою работу? Пожалуйста!

— Начинаем диагностику, — сказала я, облачаясь в белый халат, повязывая голову косынкой и надевая тканевую маску. Присутствующие переглянулись с некоторой опаской, несколько вампирчиков помоложе заерзали на своих стульях, но один взгляд хозяина дома — и дисциплина была восстановлена. Эх, мастер-класс, что ли, взять у него? Чтоб сразу так — р-р-раз! И все на базаре строем пошли зубы чистить.

Самое приятное в пациентах вампирьего дома как раз и были качественно почищенные зубы. Чуть подумав, я поняла, что это естественно — у них это, считай, рабочий орган. И повод для гордости. Так что следят. Кстати, и у Флессана изо рта или ничем не пахло, или травками какими-то. А в последний раз — тем порошком, что я ему вручила. Так что с гигиеной полости рта у вампирчиков всё в порядке.

Для базарных страдальцев я разработала своеобразный «обряд сплюнь-боль» — заставляла полоскать рот ароматной настойкой из трав с добавлением морозцы, заранее отгонявшей все болевые ощущения на ближайшие три часа, заодно и удалявшей все неприятные запахи. Здесь же она не понадобилась.

Зубы двоих пациентов я приговорила к немедленному удалению, что и осуществила. К счастью, это были не клыки, которые, как я уже выяснила, являются вампирской гордостью. Остальным трем требовалось лечение кариеса.

Я уже представляла, как реализую здесь эту технологию, столь привычную по земному миру. Конечно, будет сложнее, но было бы желание. Я уже побывала у горшечников и строителей и нашла несколько сортов особо прочных смесей, похожих на цемент, который применялся в нашей истории для первых пломб. Здесь же мне повезло втрое, как я считаю: одна из смесей оказалась мало того, что очень мелкодисперсная, нейтральная к слюне и долговечная, так еще и застывала от воздействия солнечного света. Настоящая фотокомпозитная пломба! Сокровище!

Эту смесь для работ использовали ювелиры, и стоила она дорого. Очень дорого. Но сколько ее в зуб надо? Вот именно, один раз купить килограмм, и на год хватит. Главное, накопить. Так вот корпоративный вампирский заказ как нельзя лучше подходил для этого дела, а также предоставлял отличный материал для экспериментов.

Я машинально прикинула, что вместо мышьяка для уничтожения нерва можно использовать ту же морозцу — импортировать ее в рассверленную полость как раз помогут те зверские шприцы. Ух... от перспективы захватывает дух!

Оставалось убедить жителей этого мира, что они не просто хотят послужить во славу развития стоматологии, но еще и извлекут из этого существенную пользу для себя.

— Господин Вэйн, зубы пациентов могут быть сохранены без удаления. Если они готовы прийти в мою домашнюю клинику, я их исцелю.

— Может, их проще удалить? — спросил Вэйн.

— Проще. Но я для этого не нужна. Вырвать зуб могут и на базаре. Я могу его сохранить.

Вэйн некоторое время смотрел на меня с интересом, а обладатели испорченных зубов — с надеждой.

— Они придут, в удобное для вас время, — наконец сказал он. — Благодарю и приглашаю на скромный ужин. Ваших слуг покормят и помогут погрузить оборудование.

— Спасибо. Не удивляйтесь моему желанию, но я хотела бы покинуть ваш гостеприимный дом до темноты. Я вчера об этом говорила.

В прежнем мире сказала бы «часов до семи-восьми», а тут вышло двусмысленно. Вэйн рассмеялся.

— Надеюсь, вы не предполагаете, что, едва зайдет солнце, я превращусь в нечто опасное для вас? Или нечто подобное способно произойти с вами? Впрочем, желание гостя — закон любого порядочного дома. Пройдемте к столу.

Изящно сервированный ужин состоял преимущественно из холодных закусок. Ближе всего ко мне

возвышалась ваза с небольшими красными шариками, которые я, по аналогии с грузинским блюдом, назвала «пхали-кровави».

— Я правильно догадался, о чем вы сейчас подумали? — улыбнулся Вэйн.

— Кровь ли это? — указала я на вазу.

— Да, — кивнул гостеприимный хозяин. — Я знаю правильный ответ, а как думаете вы?

Лилька, тебя в этом мире интуиция еще не подводила.

— Это не кровь! — уверенно сказала я. Улыбка Вэйна стала еще шире.

— Вы проницательны. В благородном доме никогда не предложат гостю — впрочем, и не подадут на стол хозяину — стылую кровь. Если бы я желал вас угостить кровью, сейчас на середине стола к нашим услугам лежал бы он.

Вэйн показал на подростка-слугу, внесшего сотейник с чем-то горячим. Мальчишка и ухом не повел, будто речь шла не о нем. Показалось или нет, что форма стола позволяет уложить человеческое тело?

— Мы не навязываем неприятных угощений, — продолжил Вэйн. — Лилия, вы проголодались. Жду вашего отзыва о кухне моего дома.

Я и правда проголодалась так, что эпизод со слугой не испортил мне аппетит. Кухню было за что похвалить, я попробовала не меньше семи закусок и нашла хорошие слова о каждой.

— Не стоит благодарности, — сказал Вэйн. — Нам следует перейти к делу. Вам присуще мастерство и чувство вкуса, вы имеете принципы и волю настоять на своем. Это несомненные достоинства, но их иногда недостаточно. Покровительство сильного Дома, в котором ценят чужие принципы, очень важно даже для такого человека, как вы.

Показалось или нет, но слово «человек» прозвучало с некоторым подтекстом.

— Благодарю, — сказала я. — Мне необходимо некоторое время, чтобы обдумать ваше предложение.

— Его у вас достаточно, — усмехнулся Вэйн. — Впрочем, может быть, меньше, чем вы думаете.

— Почему? — не удержалась я от вопроса.

— Народ, к которому вы относитесь по очевидным признакам, живет меньше, чем народ вампиров. Впрочем, пребывание в сильном Доме продляет жизнь любого существа. Подумайте над этим.

— Подумаю, — ответила я без особого энтузиазма, вспоминая всё плохое, что говорили о вампирах мои зеленые друзья и Матео. — Благодарю за угощение, Вэйн, но мне уже пора.

Едва фургон доставил нас обратно, я поспешила в Башню стражи. Просить вампирей экипаж ехать туда напрямую показалось нетактичным.

Чтобы сократить путь, я прошла через ратушу, из которой выростала Башня. Добрый знак: на вахте меня пропустили без разговоров и даже отсалютовали рукоятью алебарды о пол. Так же легко провели к помощнику Лима.

С лицом Флесса было что-то странное, что — я сначала не поняла.

— Как вы себя чувствуете, господин помощник?

— Благодарю, неплохо. Лицевые боли меня уже не мучают. К сожалению, как вы видите, я лишился половины клыка.

Только тут я поняла, чего не хватало на знакомом лице господина Флесса. Если что-то и осталось от великолепного клыка с левой стороны, то теперь скрывалось за губой.

Глава 43

— О-го-го! — невольно высказалась я, профессиональным движением поворачивая голову вампира к свету. — Это что ж за злыдень постарался? Это как надо было ударить, чтобы сломать клык? Они же у вас примерно впятеро прочнее остальных зубов, и эмаль толстая. Прямо ненормально толстая и... Надеюсь, вас не копытом брыкнули? Сотрясения мозга нет?

— Было бы что сотрясать, — недовольно, но как-то очень по-домашнему уютно проворчал из-за своего стола начальник стражи. Он сосредоточенно перекидывал там какие-то бумажки и поглядывал в нашу сторону устало, с некоторой тревогой, но вроде бы и с легким удовлетворением.

— Можно сказать, что и копытом, — вампиру отвечать было неудобно, потому что я же полезла проверять все остальные зубы с этой стороны. Но на удивление они не пострадали. А вот рабочий верхний клык... м-да.

— Нет. Это никуда не годится, — резюмировала я минут через пять. — Для вампира клыки — символ статуса. Поэтому хотите — не хотите, а придется мне тряхнуть стариной и сделать вам коронку на него. Хм-м-м... Какой зуб предпочитаете, господин помощник начальника, золотой, из серебряного сплава или стальной? Впрочем, что я несу, какой там стальной. Золото или серебро?

— Коронку? — спросили они одновременно, практически хором.

— Что такое коронка? — уточнил уже один Лимеас, вставая из-за стола, ссаживая с плеча кошку и подходя почти вплотную. — Вырастить новый клык не сможет даже маг. Именно потому, что, как вы сказали, это не просто зубы. Это...

— Угу, там даже пористого тела внутри почти нет, и нервы... думаю, расположены не так, как у обычных... э-э... всех остальных существ, — задумчиво кивнула я, снова ковыряясь во рту вампира и с помощью стоматологического зеркала рассматривая строение обломка. — Господин начальник, встаньте с другой стороны, пожалуйста, вы загораживаете мне свет. Ага, спасибо. Так вот... Создается впечатление, что и растут они не так, как все остальные зубы. Хм... А у вампиров происходит смена молочных зубов на коренные?

— Э... — Господин Лимеас на секунду завис, а снабженный расширителем во рту вампир что-то промычал и попытался отрицательно помотать головой.

— Сидите спокойно, поняла, — остановила его я. — Так и думала... Хм, с другой стороны, это значит, что именно клыкам не грозит кариес, а еще то, что коронка будет отлично держаться. Но обтачивать это дело... во-первых, нечем, а во-вторых... поскольку у клыков особое строение, думаю, и не нужно. И канал тут пломбировать не придется, его просто нет... — всё это бормоталось уже под нос, я так увлеклась, что забыла про зрителя, а потом вспомнила и попросила: — А можете еще одну лампу и вот тут поддержать? Можете? Отлично! Хочу кое в чем убедиться... Скажите-ка... а, господин Флессан, можете закрыть рот и отдохнуть. Заодно и на несколько вопросов ответите, угу.

Вампир с таким стуком захлопнул пасть, словно у него там не зубы, а оцинкованные ворота. Подвигал шеей — видимо, затекла — и уставился на меня то ли с опаской, то ли с интересом.

— Меня всегда завораживает ваша деловитость. — Эльф с лампой улыбнулся мне из-за абажура. — Интересно и неожиданно приятно наблюдать за такой увлеченной работой. Так что у вас за вопросы? И про коронку вы не ответили.

— Сейчас всё объясню. — Я с наслаждением выпрямилась, расправила плечи и даже потянулась. Устала всё же за день нависать над пациентами. — Значит, так. Скажите-ка, господин помощник, а вообще у вампиров клыки болят? Вот тогда, когда вы ко мне на базар пришли, у вас же боль была ближе к молярам. Верно? Ага, я так и думала. А когда вас это... лягнули почти копытом, именно в зубе, в клыке, была острая боль? Слово в него раскаленный прут сунули?

— Если честно, у меня в тот момент в голове так звенело, что никакого отдельного раскаленного прута не помню, — вздохнул Флессан, невольно щупая челюсть. — Полное впечатление было, что тяжеловоз брыкнул. Ну и кулаки у этого дурного орка, ежа ему в печеньку.

— М-м-м... Ну-ка, открывайте снова рот. И не надо так страдальчески стонать... Я сейчас постучу по обломку с разной силой и в разных местах, а вы сигнализируйте, если будет больно.

— Как сигнализировать? — обреченно закатил глаза вампир. — Я же слова сказать не смогу!

— Мычите, — пояснила я, поправляя лампу в руках начальника. — Чем больнее, тем громче.

Короче говоря, я мучила бедного битого мужика еще почти час, прежде чем смогла озвучить его дальнейшие перспективы. Всё это время вампир страдальчески вздыхал, сопел и сплевывал в тазик

по моей команде, но ни разу не пикнул, как я ни обстукивала несчастный ломаный клык. Из чего можно было сделать парадоксальный вывод: нерва в этом костяном наросте не было вовсе!

Структура оказалась всё же не совсем равномерной, что обеспечивало одновременно и прочность, и некоторую упругость. Но тот орк с копытом победил все эти природные достоинства, так что вердикт был оглашен.

— Коронка — это специальный зубной протез, изготовленный в мастерской, покрывает всю видимую часть зуба и имитирует недостающий его фрагмент. Проще говоря, я сниму слепок с вашего сломанного клыка, лишь самую малость обточив его. Много сточить и не выйдет — у меня алмазного инструмента нет... Так вот. Потом с помощью этого слепка и того, который мы с вами очень своевременно сняли с целого клыка, отольем своеобразный колпачок, который наденем на обломок и закрепим при помощи специального клеящего состава. К счастью, я нашла подходящий у ювелиров. Абсолютно нейтрален к слюне... И будет у вас, господин Флессан, легендарная отличительная особенность. Не сломанный клык, а золотой!

— М-да... — после пары секунд молчания выдал эльф, ставя, наконец, лампу на стол. — Впечатляюще. И очень интересно. И необычно. И... хм. Госпожа Лилия, у меня к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Да? — Я сложила инструменты в саквояж (ну и что, что раньше в нем Мотькин папаша свое живодерство из подвала в ратушу таскал, добротный такой саквояжик, удобный. А я дама без предрассудков). — И что это за предложение?

Честно сказать, я немного напряглась. А не слишком ли я спалилась со своим прогрессорством в области ортопедии? Вдруг меня опознали? Да не-е-е... Вряд ли бы тогда начальник был так спокоен и с виду даже расслаблен. И улыбка у него вроде как без злоехидинки. Но что ж тогда за предложение у него? Сам захотел золотых зубов? А что, было дело при Советах — богатые и не очень умные граждане за-ради моды здоровые зубы под золото обтачивали...

Но эльф-то точно не дурак и не пустой модник. Ему вряд ли такое в голову придет. Чего же он хочет?

— Я приглашаю вас завтра вечером в театр.

Глава 44

Вэйн Рин Корван

Непонимание — основа страха. Не случайно Шэрин и Стремс осторожно поглядывали на меня, не решаясь задать вопрос: почему я сопровождаю слуг в дом зубной целительницы? Может, не доверяю? Но тогда мог бы поручить контроль кому угодно, например Эгси. Может, я был бы недоверчив к любому слуге и воину, отправленному в дом целительницы, а может — именно к ним. Возможно, в планах господина захватить и увезти женщину, но тогда их предупредили бы.

Вышколенные слуги измучаются сомнениями, но никогда не нарушат покой господина. Впрочем, ответа от меня они бы и не дождались. Во-первых, господин вправе игнорировать неуместные вопросы. А во-вторых, я и сам не могу сказать, почему хочу еще раз увидеть Лилию. Для чего мы должны встретиться, что ей предложу — знаю. Но это только породит новые вопросы слуг.

Она не слишком юна — вампиры видят такие вещи сразу. Но сохранила молодость, приобретя умение и опыт. Такая женщина — серьезный противник, а любой, кто не спешит покориться, является противником. Но при этом очень хороший союзник, даже друг, даже...

Мне всегда хватает сил отбросить глупые мысли. Я не имею права забыть свой неформальный статус в моем народе — холодный и беспощадный властитель тайн, защитник интересов и традиций. Есть не больше десяти кланов, из которых мне позволено взять жену. Князья моего народа поняли бы меня, если бы я завел новую наложницу, пусть и вольную горожанку. Но появления в доме женщины, которая ведет себя с Вэйном Рин Корваном как ровня, не понял бы даже раб.

Подумаю о другом. Лилия своими хождениями в Башню стражи не только испортила мою игру против Флесса. Отец хранителя городского порядка уже узнал об этих визитах — спасибо паучку из Башни. Остается дожидаться, как отреагирует старейшина эльфийского клана, узнав, что его сынок продолжает подтверждать звание отступника.

От этой мысли я улыбнулся так широко, что мои спутники взглянули с тревогой.

Госпожа Лилия, конечно, удивилась моему визиту и, конечно, почти сумела скрыть удивление.

— Проходите, господин Вэйн, вам рады всегда. Надеюсь, в моих услугах нуждаются только эти молодые вампиры, а ваши клыки в порядке?

— Так и есть, госпожа Лилия. Меня привело желание увидеть чудо без магии: вылеченный зуб. Кроме того, в вашем доме есть более удивительные вещи, чем ваше кресло.

— Какие же? — ответила хозяйка таким наивным тоном, что я не сомневался: она поняла вопрос.

— Вы сами, — улыбнулся я. — Чудеса без чудесников не бывают.

Вместо ответа Лилия поспешила приступить к работе. Не забыв перед этим подать мне бокал вина.

Не скрою, мне и вправду было интересно наблюдать за мастерицей. Как и в прошлый раз, отметил — в тканевой маске она чувствует себя столь же привычно, как воин в шлеме, и командует своими помощниками как привыкший командовать. Да, таких женщин я еще не видел.

Работа закончилась к вечеру. Под конец я заставил слуг открыть рты. Их зубы напоминали свежестроенные стены. Госпожа Лилия была столь же щедро вознаграждена, как и в прошлый раз.

— Загляните в гильдию оружейников, — велел я Шэрину и Стремсу. — Выясните, какую они дадут скидку, если заказать сразу сотню копейных наконечников.

Слуги поклонились и покинули дом, а Лилия улыбнулась.

— Господин Вэйн, в такой поздний час в гильдии могут и не дать ответа.

— Ваша проницательность не уступает вашему мастерству, — улыбнулся уже я. — Дело в том, что я намерен сегодня пригласить вас в театр, на одно очень редкое представление, и...

В дверь постучали и вошли, не дожидаясь ответа.

Лимеас из клана Остролиста

— Флесс, у тебя есть свойство, равное магическому дару, — трудолюбие. Постарайся выяснить за день все подробности уже знакомого тебе дела. Перечитай протоколы допроса, выясни, с кем общался мошенник, особенно с мастерами тонких металлических работ.

Мой помощник спорить не стал, а отправился в архив, чтобы освежить по бумагам историю своего недолгого знакомого — беглого мошенника Энфиля. Конечно, трудно представить, что такой хлипкий и трусоватый персонаж сможет стать мстительным убийцей, но наша работа — подозревать, что возможно всё.

А я отправился на Малый Совет. Заранее знал, что к надоевшему вопросу «когда будет пойман убийца» добавится новый: почему мой помощник вернулся к работе?

Но я не позволил задать ни один из вопросов.

— Господа, — сказал я сразу, — я пока еще не могу назвать имя убийцы. Но — подождите! — уже сейчас могу назвать его недавнее приключение. Он побывал на Подземном Торгу, чтобы сменить полицейские наручники на каторжные цепи, но вернулся в Город без цепей. Его сообщник по удачному побегу уже ждет нового суда и приговора — кстати, благодаря господину Флессану. Стража выполняет свой долг, и не ее вина, что иногда долг приходится выполнять дважды. Если бы Дом уважаемых гоблинов позволил страже присутствовать на каждом аукционе, мы бы избежали этих ужасных событий. Но соблюдение традиций ценнее общественного спокойствия!

Стрела попала в цель. И гномам, и оркам, и вампирам всё равно, имеет ли стража право заходить на Торг, а вот гоблины держатся за эту привилегию. Шепот перешел в ропот, даже в ругань. Особенно усердствовали гномы — недавно я намекнул их старейшинам про одного ювелира, не побрезговавшего купить камни после убийства и расколоть их. Заодно сказал: если не услышу новых упреков, то и сам не озвучу эти сведения.

Закончилось собрание более-менее доброжелательно. Было предложено вынести на Большой Совет вопрос о дополнительных правах стражи. Это вряд ли случится, но хотя бы сегодня день пройдет спокойно...

Зря надеялся. Не успел я сесть в кресло и дважды погладить Тишину, как явился всегда неуместный гость. Тишина предупредила легким шипением.

— Извини, что не могу приветствовать стоя, — хмыкнул я.

Отец, вместо того чтобы возмутиться, улыбнулся.

— Мой сын, не ждать ли мне приглашения на твою новую свадьбу?

Видимо, я дернулся от удивления, и Тишина слегка вонзила когти.

— Мне стало известно, что здесь регулярно появляется некая женщина, — продолжил визитер.

— Исключительно по делам службы, — ответил я, не замечая саркастическую улыбку отца.

— Это вряд ли сильно повлияет на твою репутацию среди нашего народа, — сказал он. — Впрочем, может быть, ты таким странным путем намекаешь, что нашел чистокровку?

— Я сообщил бы об этом сразу, — ответил я, а так как кошка соскочила с колен, встал и стал перечитывать утреннее донесение. — Отец, прости, ты пришел не в самый подходящий час.

Отец ответил, что иных слов не ожидал, и удалился. Звон часов и солнечный луч, покинувший комнату, напомнили — наступает вечер. Что сказал бы отец, узнав, что я жду окончания дня, чтобы отправиться в дом той самой женщины?

По дороге я задумался над словами главы своего клана. Артефакт меня не подводил еще ни разу. Но возможно всё. Хуже ли будет от еще одной проверки?

Странное чувство... Почему мне кажется, будто я обязан предупредить ее? Чем она отличается от тысяч других женщин, носящих три листика на руке? Непонятно. Но проверить — придется.

Чей же экипаж возле ее дома?

Я понял чей и вошел, почти не постучавшись.

— Извините, господин Вэйн, но сегодня вечером госпожа Лилия занята, — резко сказал я.

Глава 45

Лилька

Да уж, да уж... Не ожидала я, что вместе с кариесом вампиры притащат ко мне в дом еще и своего предводителя. У меня от него мурашки по спине, хотя вынуждена признать: очень интересный мужик. Что внешне, что по всем остальным параметрам. Умный, ироничный и на первый взгляд не слишком спесивый. Впрочем, мы мало знакомы, чтобы я могла судить определенно. Одно могу сказать точно: присутствие господина Вэйна заставляет меня подбратиться и быть готовой то ли к бегству, то ли к нападению, то ли... к флирту. Я уже большая девочка и умею определить, когда у мужчины ко мне есть совершенно определенный интерес.

А он явно дает понять, что не против слегка пофлиртовать, а поскольку я так и не решила, что ему на это ответить, пойду-ка верным и сто раз испытанным путем: займусь делом. Отлично выметает из головы лишние мысли и сомнения.

Мне не терпелось поковыряться в зубах пациентов, опробовать новый бур с наконечником из «гномьей стали» — эта штука царапала стекло в окне как алмаз! И стояла соответственно, я за нее еще не расплатилась... Получила заказ у мастера только сегодня утром, неожиданно тот выполнил работу раньше намеченного и прислал мальчишку. То-то радости было! В свете последних поломанных клыков такой инструмент и вправду на вес золота.

Эмаль у этих клыкастиков даже на коренных прочнее, чем у тех же орков или гномиков. Про смесок я уже не говорю. Удачно, что получится попрактиковаться с новым буром прежде, чем я доберусь до господина помощника... Ну, размахнись, рука, раззудись, плечо! Начали.

Вэйн оказался благодарным зрителем, ничем мне не мешал, а если и задавал вопросы, то по делу. Два приконвоированных к креслу вампира при нем вели себя как зайчики, выполняли все указания врача, послушно полоскали рот морозцей, плевались по команде, не пытались вытолкнуть расширители и терпеливо вздыхали, пока я высверливала кариес. Только заметно побледнели, когда я набрала концентрированную вытяжку обезболивающей травы в шприц, чтобы ввести ее в открытый канал зуба и убить нерв. Ну да, страшновато смотрелось, но, кроме как тонкой иглой, мне туда лекарство ничем было не доставить.

Мужики тряслись, косились диковатыми глазами то на меня, то на шприц в моей руке, то на своего предводителя. Последний отвечал им таким взглядом, что бедные кровососы только обреченно вцеплялись в подлокотники зубоврачебно-палаческого кресла и старались дышать через раз.

Мои труды были прерваны неожиданным интермеццо. В дверь постучали. Я краем глаза проследила за Игги, поспешившим открыться. А потом всмотрелась уже внимательней.

На пороге появился Сейм — помощник городского палача, не преуспевший в рейдерстве с домом Матео. На этот раз он явился в сопровождении двух рыночных гоблинов, готовых при солнечном свете грузить товар за медяк, а в темноте сделать что-то менее законное за сребреник. Гости явно приняли для куража, поэтому пошатывались, опираясь на крепкие дубины.

— Инструментики-то вам ни к чему, нам забрать придется, — выдал Сейм с порога заготовленную фразу. Правда, с каждым словом его храбрость сдувалась. Он вряд ли ожидал увидеть кресло, приспособленное для какой-то неизвестной ему пытки, происходившей в данный момент. И тем более не ожидал встретить самого влиятельного вампира Города.

— Извините, господин Сейм, — сказала я, обернувшись к гостю и слегка пощелкав клещами, — инструменты уже заняты.

Возникшую паузу прервал Игги. Он возопил:

— Ах ты мошенник! Клялся мне двух эльфов привести, а привел непонятно что! Думаешь, господин Вэйн Рин Корван и госпожа Лилия согласятся взять их для опытов?! Ты за них двоих и пяти грошей не получишь!

Если Сейм и хотел что-то сказать, то слова застряли у него в глотке. Что касается гоблинов, они трезвели с каждой секундой.

— Мальчишки, — обратилась я к ним, продолжая нежно щелкать клещами, — вам повезло, что мы сейчас заняты. — Если вы обязуетесь унести вот это, — показала на Сейма, — и выкинуть не ближе, чем за триста шагов от дома, я обещаю забыть ваш несвоевременный визит.

Сейм наконец-то попытался что-то мекнуть. Но один из гоблинов приложил его дубиной по затылку и схватил за плечи, второй — за ноги. Уходили они быстро и не шатаясь.

— У вас остроумные слуги, — с легким смехом произнес Вэйн.

— Мне достаточно, что они верные, — улыбнулась я и вернулась к работе, не посчитав нужным объяснять вампиру, что Игги не слуга. Х-хе, на свой собственный зуб спорю, что больше мы про Сейма долго не услышим.

Бедолаги-вампиры страдали не зря. Цементный фотозастывающий состав, купленный у ювелиров, отлично подошел для пломбирования. Причем сначала я, влив морозцу, лишь слегка закрепила цемент подсветкой, получилась временная пломба. Для верности пусть походят с морозцей в канале пять дней, а потом уже и постоянную пломбу сварганим. Уф-ф-ф...

Вампиры ужасно обрадовались, когда я сказала, что на сегодня все, и скисли, когда объяснила про пять дней. Но в целом, похоже, они ожидали худшего. А я-то им анестезию обеспечила еще на этапе сверления. Хорошо получилось, с этим уровнем инструментов — вообще отлично, могу собой гордиться. Но хочу, наконец, нормальную бормашинку! Про сверхскоростные уже и не вспоминаю, но хоть педальную! А то два зуба, пять часов работы — и я взмокла как мышь. Пожалуй, и мозоли светят.

Сейчас бы лечь в горячую ванну с морской солью, налить себе горячего шоколада в большую кружку, взять какой-нибудь сентиментальный роман и сладко поплакать над бедами героини... Ой. Ой-ой... Ну, здравствуй, красный день календаря!

Еле живая от усталости и этого открытия, я сейчас хотела только одного: чтобы все убрались и оставили меня в покое. Но когда мои хотелки имели значение?

Сначала Вэйн, выпихнув своих подопечных за дверь, вдруг распустил павлиний хвост и начал заход издалека на предмет «приятно провести вечер», а потом и эльф объявился.

И пока эти двое мерили друг друга взглядами единорогов, столкнувшихся на узкой тропке, я мысленно взвыла — вот дура! Сама ведь согласилась вчера пойти с Лимеасом в театр! А подумать головой? Не могла догадаться, что после работы буду выжатой как лимон? А дни посчитать и предусмотреть выходной на необходимый срок? Чер-р-рт.

— Простите, господа, я вынуждена остановить ваш спор. — На самом деле они не спорили, молча грозно тарачились. — Я действительно обещала провести этот вечер с господином Лимеасом, надеюсь, вы меня извините. — И быстрая улыбка вампиру. — Но сейчас я вынуждена попросить полчаса на то, чтобы привести себя в порядок. Очень устала и хочу переодеться.

«И нурофену выпить... две капсулы!!! А-а-а-а, ну что за невезуха! Первый день — и театр... Уф-ф-ф».

— Что ж, учту на будущее, что надо быть порасторопнее, — улыбнулся мне в ответ главвамп. — И постараюсь первым сделать вам предложение... Приятно провести вечер. А сейчас не смею больше задерживать вас, прекрасная госпожа. Но надеюсь, что мы сегодня еще встретимся. — Тут он быстро насмешливо взглянул на каменно-спокойного эльфа. — Раз уж я тоже собирался пригласить вас в театр, то у меня там забронирована ложа, и я надеюсь, что не стану вам помехой, если мы случайно встретимся в антракте.

— Думаю, не станете. — Я была сама любезность (побыстрей бы убрался!). Тянущая боль внизу живота четко сигнализировала, что если я не приму капсулу нурофена срочно-срочно, то потом мне мало не покажется. Снимать уже разыгравшийся спазм гораздо дольше и сложнее, чем поймать и упредить на старте.

— Тогда позвольте откланяться, — вежливо кивнул Вэйн, сначала мне, а потом и Лимеасу. — До скорой встречи.

Уф-ф-ф...

— Вы позволите мне привести себя в порядок? — Я посмотрела на начальника стражи, мысленно проклиная его, его театр, свою неорганизованность и весь этот мир. Так неудачно... В любое другое время я бы с удовольствием... а теперь проблема на ровном месте. Но поскольку это моя проблема, отражаться на других она не должна. — Буду готова через тридцать минут. Надеюсь, мы не опоздаем?

— Нет, госпожа Лилия, я предвидел, что вам понадобится время на сборы, — наконец-то слегка оттаял мороженный эльф. — Я подожду здесь, если не возражаете.

— Бабушка, подай господину начальнику стражи вина и твоих пирожков, пожалуйста! — еще успела крикнуть я в сторону кухни, убегая со всех ног к себе в комнату за нурофеном. И сполоснуться в лохани успею, пусть холодной водой. Как хорошо, что в этом мире придумали

прокладки! Пусть и такие, что вряд ли кто-нибудь воспользовался бы ими в моем мире. И что бабушка Му мне их купила, поворчав, что можно обойтись соломой! Соломой... Ы-ы-ы-ы. Нет уж. Иначе любезному эльфу пришлось бы идти в театр вдвоем с не менее любезным вампиром.

Глава 46

Лимеас из клана Остролиста

Начальник стражи остается самим собой даже в гостях. Когда пожилая зеленая огородница с поклоном подала мне поднос с пирожками и бокалом вина, а малец из ее племени — тазик для омовения рук, я не ограничился короткой благодарностью. Почтенной огороднице из уважения к ее летам было позволено присесть, а малец остался стоять, и обоим пришлось отвечать на вопросы. Вежливые вопросы искренне любопытствующего гостя. А так как гость — начальник стражи, то ответам желательно быть правдивыми или хотя бы правдоподобными.

О своем прошлом зеленые собеседники говорили туманно и обтекаемо.

— Ох, господин начальник, осталась-та я без крова, зато с малым, — вздыхала старушка, показывая на замершего паренька. — Скитались-та мы по огородам чужим, да на них только и можно скопить мозоли ладонные да ломоту поясничную. Смилостивились боги — прибились мы к премудрой лекарке.

— Ну да, вот так вот, значит, и было, — бубнил малец, показывая всем видом, что готов удрать поскорее и подальше.

Я слушал и умело скрывал улыбку. Вряд ли на этих милых существ кто-нибудь тратил в прошлом Вечный ошейник. Но даже обычный, дешевый Хозяйский знак, пусть и снятый на Торгу перед продажей, оставляет след. Можно без особых усилий выяснить, что в их прошлом было что-то интересней скитаний по огородам. Хватило бы осмотра магом низшего порядка.

Но зачем? На лапах непритязательных огородников — по два листика. Сейчас это добропорядочные горожане. Их биографии не отягощены более серьезным злодейством, чем неотработанный аванс на огороде или стянутый пирожок с лотка — последнее по части мальчика. Как ни трудно было вытрясти из гоблинов сведения, но тут я разобрался. В конце концов, эта парочка до Торга работала в Городе, по косвенным описаниям я их опознал. И убедился в двух вещах: у них за душой побег с Торга, и госпожу Лилию они могли встретить только там. Но листики эту историю покрыли. Тут я принципиален. Поймали — горе беглецу, не поймали до первого листика — горе хозяину. Что поделать, эльфы ценят свободу.

А вот прошлое Лилии меня интересовало куда больше. Прибегнул к отдельному допросу. Малый был отослан в подвал за холодным вином. В его отсутствие я спросил старушку, как она познакомилась с госпожой целительницей.

— Случаем, господин начальник. Нам, беднякам, таких добрых случаев один на жизнь и выпадает-та. Лекарка травы искала для своих врачеваний, мы ей подсобили, теперь расставаться не след.

Малый, вернувшийся с запотевшей бутылкой, версию дополнил, но не разрушил.

— Госпожа Лилия явно не из наших краев, раз в простых травках не понимает. Мы ее нашли, она и оставила нас для услуг.

Мелькнул и тотчас был присоединен к разговору хозяин дома — Матео. Конечно же, он знал о прошлом Лилии меньше всех. Зашла купить инструменты, заодно арендовала дом.

Юноша осторожничал, подбирая слова. Я понимал почему: вдруг начальник стражи подаст в суд — или занимайся семейным ремеслом, или продай инструменты с креслом по указанной цене.

Боялся он зря. Я старался обходиться без услуг его отца. Как работать помощникам — их дело, лишь бы в рамках закона. А я лучше получу головную боль, порывшись в сознании подследственного, чем буду слушать его стоны и вопли. Обычно менее информативные, чем считают сторонники пыточных методов.

Возможно, это и стало причиной ранней смерти старикана. Я — четвертый начальник стражи на его веку, но первый, кто ни разу не зашел в застенки. Бедняга решил, что потерял квалификацию, да еще и с сыном проблемы. А огорчаться в его возрасте небезопасно.

С Матео я говорил приветливо. Парень характером напоминал лук — сгибается, но не ломается. Настоял на своем, не пошел путем отца, и хорошо. Донос, недавно поступивший в Башню стражи, о том, что наследник палача отдал инструменты непонятно кому, сгорел в жаровне.

Сейчас я потягивал холодное вино и разглядывал инструментарий, изменивший свое назначение, а заодно и бывшее палаческое кресло — его я узнал сразу. Если самый опасный вампир Города заходил к Лилии лечить зубы, то его можно поздравить. Он первый из Рин Корванов, оказавшихся в палаческом кресле. А то, что добровольно, делает историю особо забавной. Как бы донести ее до

остальных вампирских семей?

Я прихлопнул недостойную мысль как муху, жужжащую возле лица. Воину из клана Остролиста мстить, распространяя пикантные слухи? Может, в бою мне еще и отравить стрелы в колчане?

Откуда же прилетела эта муха? Я понял, что, пока беседовал со слугами, боролся с нарастающей обидой. Ее сглаживало лишь одно: по-настоящему обижен был господин Вэйн. Я пришел и сорвал его планы.

Но как эти планы возникли? С какой стати он вообще рассчитывал, будто Лилия с ним куда-то может пойти? Какие у него права на ее время, если это не время лечения зуба?

Вино чуть-чуть плеснулось в бокале. Похоже, я вздрогнул. Никуда не годится! Это орк в тяжких раздумьях может разнести меблированную комнату и не заметить. Эльфу так переживать недопустимо.

Матео всё еще стоял рядом, хотя разговор окончен. Надо намекнуть ему, что может идти. Или задать вопрос.

— Матео, визит господина, с которым я столкнулся в дверях...

С опозданием я понял, как выглядит мой вопрос. Самая обычная ревность, от которой в тавернах выхватывают ножи и поднимают табуреты. Еще убивают жен.

Но эльф никогда не делает полшага.

— ...он пришел воспользоваться мастерством госпожи Лилии?

Я знал, что мои щеки не покраснели. Куда девать огонь внутреннего стыда?

— Да, господин начальник стражи, — ответил Матео спокойным, почти официальным тоном, как неоднократно отвечал его отец.

Тон был уж очень сух. Вдобавок я нарушил одно из правил следствия — вопрос не должен включать ответ.

Я уже провожу следствие? И могу ли довериться его результату?

Стыд перерос в раздражение. Я сердился и на себя, и на Лилию. Я снова и снова убеждал себя, что она ничем не обязана мне, но тут же вспоминал эпизод на базаре с Флессаном. Благодаря мне, а не какому-то хитрому вампиру, она получила статус и право говорить на равных с сильными Города. Между тем никому не ведомо ее происхождение...

Проверю-ка я ее еще раз, в театре. Это моя сила и моя власть. А перстень пусть не на пальце, но при мне. Проверка крови не займет больше минуты.

От этой мысли даже стало легче, и я отхлебнул уже чуть нагретшегося вина. Не забывайте, это я маг, а она — всего лишь мастерица!

Скрипнула дверь, до меня донесся аромат изящно подобранных благовоний.

— Господин Лимеас, я готова, — сказала «всего лишь мастерица».

Глава 47

Лилька

«В некоторых странах в период предменструального синдрома и в первый критический день женщина может совершить убийство и ее не привлекут к ответственности». Я девочка дотошная, изучила матчасть и выяснила, что это лишь более мягкий приговор. Всё равно иногда вспоминаю.

Не, никого сегодня убивать не буду. И завтра. И в следующий раз. Просто такое у меня резервное самооправдание, если сделаю что-нибудь убийственное.

Пока всё под контролем. Умылась, переоделась, собралась и даже смогла выйти к эльфу с лучезарной улыбкой. Хорошо, что три дня назад мы с Игги снова заглянули в подвальчик Хапиры, потому что бабушка Му изворчалась: у хорошей-та лекарки и одежда должна быть приличная! Так что мы купили два поношенных платья, из которых проворная старушка за вечер сшила мне одно, но очень красивое и вполне подходящее. Даже для театра. А по случаю теплой погоды мои сандалии, аккуратно прошитые серебряными строчками по полоскам кожи (тоже бабуля постаралась), смотрелись вполне уместно.

Мы ехали в экипаже Лима по вечерним улицам. Чтобы не ощущать себя Стахановым в Большом театре, я решила заранее выяснить у чуть насупленного эльфа, что за зрелище нам предстоит и краткий сюжет действия. Из скупых ответов Лима я поняла, что спектакль называется «Проклятие».

Я категорически потребовала подробностей. Душе, а тем более телу, и так не радостно, а впереди еще мрачнюк на сцене. Моему спутнику пришлось расщедриться на слова, впрочем, быть спойлером он отказался.

— Уже скоро вы всё увидите сами. Кстати, вы знаете, — продолжил Лим, — что такое Проклятие?

Я, разумеется, сказала, что не знаю, в который раз подумав, что мостовая нуждается в ремонте. А то чуть язык не прикусила на очередном ухабе.

Про Проклятие я помнила по первому дню пребывания в этом мире. Но если Лим готов напомнить, почему бы и нет. Так он и сделал. А под конец рассказа усмехнулся:

— Существует забавная сказка, скорее даже шутка: мол, если маг из великого дома по-настоящему полюбит женщину-чистокровку, а она столь же искренне влюбится в него, то проклятие падет. Но так как в этом мире женщин чистых кровей не осталось — их забирают из другого мира, — такая любовь невозможна.

— Почему? — спросила я тоном невинной простушки, хотя практически знала ответ.

— Чистокровки попадают в наш мир через Подземный Торг... — начал Лим.

...Ох, Лилька, доиграешься! Всё равно, я его прервала и попросила объяснить кратко, что же это такое? Нет, я, конечно, слышала про Торг, но ведь начальник стражи должен знать гораздо больше. Лиму пришлось рассказать то, что я и так знала.

— Теперь вы понимаете, почему женщины выходят с Торга такими напуганными? Чистокровка еще до того, как увидит будущего мужа, знает, что он господин, а она — купленный товар. В этом случае возможна верность. Но не любовь.

«Хороша верность!» — подумала я и продолжила интервью.

— Неужели в домах эльфов может появиться жена-рабыня? — спросила я удивленно-невинным голосом.

— Нет, — ответил Лим после паузы. — Настоящий чистокровный эльф никогда не возьмет женщину силой. Он даже не назовет ее женой, если она по доброй воле не назовет его мужем. Такая женщина будет долго жить в его доме как гостья, но рано или поздно уйдет за порог навсегда.

— И куда отправится невостребованная жена? — спросила я с тем же интересом.

— Туда, откуда она явилась, на Торг, — ответил Лим после гораздо более долгой паузы.

Меня наполнил гнев. Хорошая стратегия: злой насильник, добрый насильник! Или сразу попадешь в лапы какому-нибудь орку, который тебя измочалит, если немедленно не признаешь его господином. Или к благородному эльфу, который тебя пальцем не тронет. Но если ты не назовешь его самым дорогим и желанным мужчиной, будешь продана тому же орку!

Еще немного — и я от злости правда кого-нибудь убью!

— Да, это проклятие у вас надолго, — сказала я.

Оставался еще один вопрос. Ну не могла не задать!

— Господин Лимеас, а если бы в вашем доме оказалась купленная чистокровка, которой не хватило бы... как вы сказали, «доброй воли». Вы отправили бы ее на Торг?

— Я никогда не стал бы играть в такую игру, — ответил эльф, на этот раз без промедления. — Недаром меня называют Отступником. Мы приехали.

Театр меня приятно удивил. Я ожидала увидеть какой-то средневековый ярмарочный балаган с недавно сколоченными подмостками и кулисами из дерюги. Однако здание оказалось каменным и громадным. Как я поняла, несмотря на темноту, это был один из древних людских храмов, вроде того, на чью крышу мы приземлились в первый день знакомства с Городом.

Лим сказал, что так и есть. Только такие несерьезные существа, как артисты, не боятся его использовать — мало ли какое проклятие оставили люди? Поэтому, хотя театр пышно украшен, ходить надо осторожно. Ковер на стене может прикрывать дыру, а что за ней — древняя лестница или просто провал, никому не ведомо. Я вспомнила безбашенную юность в 90-х и рейв-пати на заброшенных заводах и складах. Как жива тогда, дура, осталась?

Парадный вход был ярко освещен уже привычными мне светляками-ползунами. Играло что-то клавишное, ступени были усыпаны цветами, издававшими аромат. Вместо билетеров стояли городские стражники в парадных латах, пышно одетые зрители называли им свои места и проходили.

— По традиции этот спектакль ставится не чаще двух раз в год, — пояснил Лим. — Иногда говорят: это произошло после осеннего «Проклятия», а это — после весеннего. Госпожа Лилия, нам налево, по дорожке из пурпурных цветков. Это вход для особо почетных гостей.

Всё здорово! Одна проблема — нас ждет не партер, а ложи, если не балкон. Даешь любой грязный балаган, лишь бы не пилить сто ступенек вверх, с перспективой потом пилить еще сто, но вниз.

Всё оказалось продумано. Гоблин в какой-то сверкающей чалме открыл нам маленькую дверцу, мы встали на что-то качающееся. Не успела удивиться, как раздался скрежет и нас потащило вверх. Секунд через десять такой же гоблин поклонился, призывая выйти из этого плетеного протолифта.

— У всех великих домов свои особые ложи, — пояснил Лим, — но существует отдельная, для командования городской стражи.

Ложа оказалась многоярусной. Меня не очень интересовало, нашлись ли сослуживцы Лима, столь же любящие искусство, как и начальник. Мы расположились наверху. Обзор был великолепен, а когда началось действие, сразу стало понятно, что и акустика в зале не хуже, чем в «Ла Скала» или на новой сцене Мариинки. К тому же фантиками никто не шуршал и мобилами в лицо не светил. Даже почти никто не опоздал. Только на нижний ярус нашей ложи явился кто-то со знакомым голосом — я узнала Флесса. Кроме него еще кто-то шептался, но так тихо, что не расслышать.

Сам спектакль сначала разочаровал. Где-то я слышала выражение «ходульные персонажи», а в этот вечер их увидела. Это были прежние угнетатели-люди, в представлении жителей Города. Они передвигались на ходулях, в плащах непонятного цвета. При этом гнусавили, что создали эльфов, вампиров, гномов, далее по списку, а теперь их уничтожат. Наименее ходульная героиня уговаривала этого не делать, так как была тайно влюблена в прекрасного гнома. И в итоге отеклась от сородичей.

— В каждом представлении этот персонаж меняется, — шепнул Лим. — Прошлый раз она любила прекрасного орка, а позапрошлый — вампира.

Во второй картине было много боевых маршей и боевых действий. Не обошлось без магии: всё гремело, сверкало, разве что не залетало в ложи. В перерывах между битвами прекрасная человечка предложила прекрасному гному бросить свой народ и все восставшие народы, чтобы убежать и вместе строить счастливую жизнь. Но он отказался и был проклят возлюбленной.

История на этом явно не заканчивалась, мне хотелось продолжения. Однако искусство временно оказалось на втором плане.

— Скоро антракт? — шепнула я.

— Да, — ответил Лим. — Но если вам надо выйти, я провожу вас прямо сейчас.

Когда мы выходили из ложи, мне показалось, будто он надевает на палец кольцо. Но мои мысли были не об этом. И даже не о знакомом вампире, мелькнувшем среди высоких подсвечников и бархата в элитном фойе.

Я спросила слугу, где комната дамских омовений, и устремилась туда. У моего платья довольно пышная и многослойная юбка, но, если не посетить уголок уюта в срочном порядке, даже это меня не спасет. Ы-ы-ы, какой злыдень придумал женскую физиологию!

Глава 48

Разобравшись с собственной гигиеной и мысленно вознося хвалу местным сантехникам и уборщицам за такой практически идеальный сортир со всеми удобствами и даже с биде, я выбралась из кабинки и пошла к роскошному зеркалу в золотой раме — помыть руки, ибо как раз под ним располагалась такая же золоченая раковина.

Нет, и правда не ожидала такого уровня цивилизации. Прямо натурально современная сантехника, водопровод и канализация в полном объеме, а оформление — как в каком-нибудь пафосном ресторане кавказской кухни. Много зеркал, позолоты и изразцовых плиток. Но не это главное — у меня теперь одна мысль: как бы устроить такие удобства в собственном доме! Кто бы знал, как я задолбалась мыться в лохани и пользоваться ночным горшком...

Хорошо, что я ускакала из зрительного зала немного раньше, чем тут принято, потому что обычно в антракте женский туалет переполнен нарядными дамами и их щебетом, а здесь тишина и кроме меня только... Так. А это что еще такое?!

Сначала мне показалось, что в роскошном «предбаннике» дамского убежища кто-то... кхм... устроил романтическое свидание. Очень уж страстно, на первый взгляд, неизвестный мужчина весьма привлекательной наружности и с явно эльфийским следом на ушах обнимал хрупкую даму в элегантно, хотя и не самом богатом наряде, увиденном в этот вечер. Я заметила их в зеркало и сначала просто хмыкнула, пожав плечами. Бог его знает, почему эта парочка решила встретиться именно здесь, может быть, снаружи даму поджидает выводок свирепых братьев с кинжалами в зубах или мрачный ревнивый муж преклонных годов. В любом случае это не мое дело, кроме неловкости, ничем не кончится.

Я хотела было уже отвернуться, когда вдруг в глаза бросилось кое-что странное. Я застыла, даже не моргая. Показалось? Или...

Черт! Это не свидание! Это... этот скот зажал в угол девушку, точнее женщину, и прижал нож к ее горлу, а другой рукой схватил за волосы девочку лет семи на вид, совершенно парализованную ужасом, и держит на расстоянии вытянутой руки, не давая той приблизиться к матери.

Я отпрянула от зеркала — гад с ножом начал оборачиваться и мог увидеть мои округлившиеся глаза в отражении. Сама я была за углом, в безопасности, но эти несчастные... И главное, полнейшая тишина. Ни звука. Женщина молчит, ребенок даже не пискнет. Либо от страха голос отнялся у обеих, либо этот скот запретил орать под угрозой смерти. Как, зараза, в дурацких фильмах про маньяков: будешь плакать — убью мамочку, пикнешь — зарежу дочку.

Осторожно выглянув, я в подробностях разглядела клинок в руках супостата — здоровенный такой. Ой, бли-и-ин... И что делать? Выскочить и позвать на помощь я не могу, потому что выход в холл как раз там, в «предбаннике», чуть левее злодеюки с ножом. Мимо никак не прокрасться, даже не пробежать с воплем — вдруг поганец успеет пырнуть кого-то из несчастных? Театр, называется, грабители орудуют чуть ли не напротив элитной ложи!

Или не грабитель? Что-то еще страшнее грабежа... Похищение? Мечь? Может, это бывший муж решил свести счеты с бросившей его женой? И ребенка заодно прикончить — бывает и такое. А, какая разница! Делать-то что?

Я снова осторожно выглянула из-за угла. Сволочуга что-то шептал на ухо бледной как смерть женщине, время от времени дергая за волосы девочку. Старшая пленница, кажется, уже в полубомороке от ужаса, а вот малышка беззвучно плачет и... Я поняла, что она смотрит прямо на меня. Огромными темными глазищами, в которых паника сменяется надеждой. Рот ребенка начал открываться, и я поняла: еще секунда — и она заревет. Или позовет меня на помощь. Или... А-а-а-а, всё одинаково погано может кончиться!

Стремительно отпрянув обратно за угол, я отчаянно закусил губу, пытаюсь срочно собраться с мыслями, у меня всего несколько секунд на это дело. Да елки! А что я могу сделать, я же не спецназ! Я не умею... Так, в сумочке что? Бабуля сшила мне мешочек на тесемке, даже с бисерной оторочкой, за театральным аксессуаром сошло, но сейчас хоть плачь — лучше бы это была авоська с трехлитровыми банками. Полными компота из яблок! Огрела бы гада по башке с разбега, да и дело с концом. А этой миллипиздрической штуковиной на шнурке грабителя можно только рассмешить. Так... Так!

Рука нащупала между носовым платком и пачкой запасных прокладок маникюрные ножнички — привет из прежнего мира. Я всегда ношу их с собой, и эту привычку даже приключения в другом мире не сломали.

Времени на раздумья не оставалось — поганец, похоже, закончил выдвигать требования и настойчиво подталкивал взрослую жертву в сторону двери. Я быстро прикинула — дамская комната

находилась в боковом коридоре, шагах в двадцати от основного. Здесь в туалете очень светло, а вот там, в проходе, свет приглушен. Пока я сюда спешила по своим мегасрочным делам, заметила в полумраке несколько то ли ниш, то ли проходов, закрытых только бархатными шторами и коврами. То есть, вытащив жертву из предбанника, уволочет ее злодей через эти отнорки в более тихое место и неизвестно что сделает. Некстати вспомнились слова Лима, что здание это очень старое, очень большое, хотя часть его приспособлена под театр, но далеко не вся, есть места, куда по сто лет никто не заглядывает.

Ну нет! Мне хотя и страшно до жути, и колени друг об друга стучат, так трясутся, но делать-то что-то надо. Раз... два... Три-и-и-и-и!

— И-и-и-и-и-и! — с отчаянным боевым визгом я бросилась на супостата и вонзила маникюрные ножнички ему прямо в обтянутый штанами зад. Ударить в спину не решилась — мое хлипкое оружие могло сломаться. Не поняла, правда, далеко ли проникли лезвия в тело или лишь пробили плотную ткань, вроде наших джинсов.

— Бегите! — крикнула я во весь голос. — Да бегите же!

Злыдень заорал, то ли от боли, то ли неожиданности. Дернулся, уронил нож, отпустил и девочку, и женщину и развернулся ко мне... вместе со своим кулаком. Слева в висок, искры из глаз — и темнота. Ну епть...

Когда звенящая мгла стала отпускат, а в глазах прояснилось, я поняла, что лучше бы звенело и темнело дальше. Прямо надо мной нависла злодейская рожа, причем даже тонкие эльфячьи черты не делали ее менее страшной и противной. Особенно в сочетании с ножом, которым означенный гадюк вертел теперь перед моим носом.

— Вот тварь! — шипел он. — Падаль... Из-за тебя упустил жену и выродку кровососа! Ну я тебя...

Всё, что я смогла, — это из последних сил брыкнуть его обеими ногами куда попало. Но, увы, я промахнулась. А подонок вдруг взгляделся в меня и присвистнул:

— Ах ты! Ну ничего себе! Ладно, так даже лучше.

И снова треснул меня по голове, лишая сознания.

Глава 49

Лимеас из клана Остролиста

Да, она не чистокровка. Вторая проверка дала те же результаты. Перстень молчал. Значит, все мои выводы, сделанные на основе расследования, верны.

Я далек от общепринятой мысли, что наш Город — единственное место средоточия цивилизации в этом мире. Мы всего лишь осколок, но осколок, сумевший сохранить магию. Все остальные известные и неизвестные народы ее потеряли в незапамятные времена. И традиционно считаются разрозненными дикарями, живущими непонятно где, непонятно как.

А между тем даже наш материк не исследован полностью. Те карты, что сохранились в архивах со времен людей, теперь бесполезны, ибо даже ландшафт с тех пор изменился. Наши торговые караваны ходят от моря до моря, с запада на восток, и эти места изучены. А вот на севере, за горным хребтом Аодалы, и на юге, за Великой пустыней, — почти неизвестные земли.

А еще есть острова. И по легендам — два других материка. Да, у нас считается, что раз у жителей тех мест нет магии (общее магическое поле мира отслеживается очень тщательно в каждом из кланов), значит, там нет и какой-либо пристойной цивилизации.

Вот только караваны работорговцев давненько забираются куда дальше официально изученных земель. И привозят оттуда не только привычных нам диких огородников и прочих смесков, но и весьма необычных существ. Самое главное — ни один гоблин ни за какие сокровища не расскажет, откуда они привели пленников и как давно. И каким образом вообще заполучили этот «товар».

Наши снобы привыкли покупать нужное и не особо интересуются происхождением красивых наложниц с оливковой кожей и эльфийскими глазами или огромных серокожих гигантов, которых крайне выгодно использовать там, где нужна большая сила. Да и другие экзотические рабы тоже пользуются спросом.

Я точно знаю, что на последних торгах были выставлены такие редкие диковинки, привезенные из дальнего похода. Гоблины отказались предоставить сведения об этом, но я, как всегда, смогу получить информацию сам. И уверен, что госпожа Лилия — одна из тех, кого похитили очень далеко. Из явно вполне развитого места, может быть даже города, не меньшего, чем наш. Ее умения и знания прекрасно укладываются в общую картину, как и смешанная кровь. Без магии не было смысла следить за чистотой брачных уз.

Что меня волнует — это тот уровень развития, до которого соплеменники лекарки дошли без такой подпорки, как волшебство. Это, во-первых, интересно, а во-вторых, может быть в перспективе опасно. Я намерен в конце концов разговорить госпожу Лилию и узнать всё о ее народе. Но не сейчас и даже не завтра. Всему свое время.

Особо звучный взрыв со сцены напомнил о наступлении антракта. Я быстро глянул в сторону второй ложи, закрепленной за ратушей и Башней стражи. Она располагалась чуть более неудобно, и в ней обычно занимали места те, кто пониже рангом. Сегодня она не пустовала. Флесс явился в театр с семьей, и в обычный день они все сидели бы рядом со мной, но не сегодня. Хотя это не помешает нам обсудить дела. В частности, что он узнал о судьбе Энфиля — второго беглеца с Торга.

Мы вышли из ложи почти одновременно. Флесс был тоже один. Я вопросительно поднял бровь, и он со вздохом кивнул в сторону бокового коридора. А, понятно. Тогда к делу.

— Что ты можешь сказать?

— То, что сегодня оркестр играл чуть громче, чем в прошлый раз. О служебных делах, — Флесс понизил голос, — лучше пока не говорить.

Он прав! У позолоченного гобелена, скрывавшего трещины или пролом стены, стоял самый неприятный из Рин Корванов.

— Еще раз добрый вечер, — улыбнулся вампир, приближаясь, и скосил взгляд на мой палец с перстнем. — Вы ищете чистокровку даже здесь? Среди зрительниц или актрис?

Ответить на выпад я не успел. Послышались крик и плач. Из бокового коридора к нам бежала женщина с маленькой девочкой. В женщине я узнал жену Флесса Аини, а в ребенке — его дочь, Нинну. Кричала и плакала женщина, ребенок молчал.

— Злодей напал... Он... грозил мне ножом... угрожал ей... Она спасла... Ударил ее... Потом...

Злодей, нож, угрозы... Если зрители узнают о том, что по театру бродит вооруженный безумец, последствия непредсказуемы. Еще несколько секунд — и главная драма этого вечера произойдет не

на сцене, а в узких коридорах и на лестницах — толпа в панике страшнее пожара.

Флесс уже повернулся к жене. Я резко сказал ему:

— Никого не пускай в коридор! Театр оцепить, никого не выпускать!

За это и ценю Флессана. Ровно одну секунду он был настоящим мужем и любящим отцом. Но когда убедился, что жена и дочка не ранены, тотчас снова стал помощником начальника стражи. Подозвал двух стражников, дежуривших на этаже, велел никого не пускать в коридор, откуда прибежали жертвы злодея. Велел лейтенанту, вышедшему из ложи, взять театр в кольцо.

А я повернулся к его супруге Аини. Сегодня у меня на руках не один перстень и не один артефакт. Но кольцо чистой крови сейчас не нужно, а вот ментальное заклинание пригодится как никогда. Надеюсь, женщине не будет больно, зато моя голова может взорваться через минуту, если Аини будет сопротивляться. Я должен успеть — успокоить ее взглядом и всего лишь слегка подтолкнуть мысленно.

Всё в порядке. Ничего страшного. Твое тело расслаблено и отвечает на мои беззвучные вопросы. Рассказывает, что произошло — какое счастье, что произошло совсем недавно, — не упуская ни одной детали. Воспоминание свежее, как след оленя, топот которого ты слышал.

— Нинна захотела выйти из ложи до антракта, — заговорила Аини голосом ожившей статуи. — Мы вошли в комнату омовений. Когда направились к выходу, он ворвался и напал. Шипел: «Вот и вы. Убить твоего мужа — малая цена моих страданий. Увидит ваши волосы с запиской — умрет тысячу тысяч раз до своей смерти. Если не дурак — купит ваши жизни очень дорого. Цену назову я. Только пикнете — тебя зарежу, ей сломаю шею».

Флесс слышал, но продолжал командовать. Голова пока не болела.

— Тут она выскочила. Отвлекла его. И нам кричала, чтобы убегали. Он ее оглушил. Я схватила Нинну за руку, мы побежали.

Аини замолчала.

— Злой дядя сначала страшно ругался, а потом посмотрел на тетю и сказал: «Надо же. Ну, так даже лучше», — пролепетала Нинна и заплакала.

На одно мгновение я закрыл глаза. Напряжение, не успевшее взорвать мою голову, спало. Извини, Флесс, что я только что допросил твою жену как злодейку. Но она ничего не ощутила, ей даже будет спокойней.

Глава 50

Флесс уже вызвал служителя, и тот объявлял, что следует пользоваться другой умывальней. Нашел жену одного из офицеров, готовую войти в злосчастную уборную. Я понимал — Флессан скорей уволится, чем заставит пойти туда Аини. А иначе нельзя. Если достопочтенная горожанка столкнется в умывальне со стражником, это недопустимый скандал.

...Воин-эльф способен за секунду выпустить две стрелы. Сейчас я мог бы, пожалуй, выпустить пять. Время стало тягучим. Половиной сознания я был начальником стражи, долг которого — безопасность и порядок в Городе. Другой половиной...

Я не сомневался, кто был спасительницей Аини и Нинны. Я должен спешить к ней на помощь. И я уже спешил — преодолев коридор в несколько прыжков. В нем никого не было.

Сейчас отважная Анса войдет в умывальню, за ней муж. А я осмотрю полутемный коридор. В нише слева — никого. В эту можно не заглядывать...

— Господин начальник, — донесся голос Ансы, — умывальня пуста, кабинки тоже.

— Оцепить театр, — сквозь зубы скомандовал я подтянувшемуся десятнику из стражи. — Все входы и выходы, чтобы мышь не проскользнула. Он всё еще здесь, и...

— И вы его упустили, — констатировал у меня за спиной голос Рин Корвана.

Я сжал зубы и не обернулся. Всё, что не может сейчас помочь делу, — долой. Есть у вампира желание злорадствовать — пусть, пока не мешает.

Думай, Лимеас, думай. Куда подонок мог унести свою добычу? Он явно всё просчитал, явившись в театр не просто так, а за семьей моего заместителя. Он знал, с какой стороны амфитеатра ложа, где они будут сидеть, а стало быть, в какую из уборных отправятся, если маленькой девочке станет трудно вытерпеть до антракта. Это предсказуемо. Но чтобы всё так подготовить, надо очень хорошо знать сам театр.

— Флесс! Вспоминай. Ты вел его дело, ты был в архиве и перечитывал допросные листы. Какое отношение этот полуэльф имеет к театру?

Флессан задумался только на секунду, а потом резко сжал кулаки.

— На одном из первых допросов вскользь упоминалось, что мать пойманного мошенника когда-то служила в театре то ли актрисой, то ли костюмершей, то ли содержанкой от сцены, пока не спилась и ее не выгнали на улицу. Этот подонок жаловался, что трудное детство поставило его на преступный путь.

— Великолепно! — За моей спиной послышались редкие аплодисменты. Рин Корван никуда не собирался уходить и с неким извращенным удовольствием следил за происходящим. — Вы знали преступника по имени, знали, что он в этой человеческой развалине ориентируется как рыба в воде, если облазил ее еще в детстве, и притащили сюда один свою семью, а другой — заинтересовавшую его женщину? Превосходно!

Дать бы в морду, но делу не поможет. Обиднее всего, что вампир прав. Но сейчас в сторону и его самого, и его подколки. Я найду Лилию, иначе я не начальник стражи.

Уже обернувшись к выскочившим из-за угла стражникам, я вдруг услышал грохот в глубине коридора и, не рассуждая, кинулся в ту сторону. Поворот, еще, старые занавеси забивают пылью горло. Откуда звук? Вот из этой ниши, куда, судя по окаменевшей от грязи ткани, сто лет уже никто не заглядывал. Патруль стражников прошелся тут дважды и ничего не заметил!

На полу сорванный ковер. Он прикрывал обычную дыру...

Нет, заброшенную лестницу.

Я влетел в темный проем. Эльфам в подземелье факел не нужен. По крайней мере, на три шага.

И успел остановиться на пятой ступеньке. Пролет, уводящий вниз, рухнул.

Или после того, как злодей пронес свою жертву в одно из подземелий древнего храма. Или провалился под ними.

Перстень всё еще на моем пальце. Только что с его помощью я допросил человека. Теперь мне предстоит допросить камни.

Для этого нужен свет. Стражник уже протянул мне отрубленный осветительный канат. Сам благоразумно остался наверху: повисшая в пустоте ступенька двоих не выдержит.

Я прижался спиной к стене, стараясь уменьшить давление на ненадежное подножие. Опустил канат в пропасть. На глубине в двадцать локтей возникла каменная гряда. То, что сверху никого нет, видно сразу. Но мой взгляд должен проникнуть глубже — каменные обломки никогда не падают впритык.

Боги моего рода и всего мира, дайте мне силы на три вопроса. Помогите услышать три ответа.

«Есть ли под камнями что-то живое?»

Перстень чуть сдавил палец. Я плотно закрыл глаза и четко услышал:

«Нет».

Второй вопрос страшнее. Но он будет задан.

«Если ли под камнями мертвое, недавно бывшее живым?»

Светляки ползли по канату, с ними по стенам ползли огоньки. Канат качался, огоньки тянули меня вниз, на камни.

«Нет».

Стало легко, даже радостно. Нашлись силы задать третий вопрос:

«Было ли внизу живое, ушедшее отсюда?»

Я ощутил внезапную страшную легкость. Будто я засохший лепесток цветка, который сейчас закружится и опустится в пропасть. Лишь на краю сознания колыхалась мысль: я не закружусь, я рухну камнем на камни. Всё равно, еще секунда — и мне не хватит сил не сделать шаг вперед...

«Да».

Мгновенно вернулось прежнее сознание. Я не листок, не глаз, проникающий сквозь каменные щели. Я стою на ступени, которая поскрипывает.

Сначала снять перстень. Ему не следует слишком долго быть на пальце, иначе он однажды станет обычным колечком. Постоянное место — в мешочке.

Потом я закрепил канат на обломке перил и поднялся в коридор.

Немедленно приказал снять оцепление вокруг театра. Второе действие в самом разгаре, большинство зрителей так и не узнали, что некоторое время были под арестом. Три патруля должны ходить вдоль стен и следить, не вылезет ли кто-то из замаскированного подземного хода. На эту меру я особо не надеялся. Мне доводилось обходить театр по периметру, и я запомнил, что подвальных окошек нет. Мерзавец или бродит по подвалам, или...

Из храма могут вести подземные ходы. Во всем городе их десятки. Некоторые подземелья используют гномы. Некоторые — гоблины. Но есть и бесхозные пещеры. Пожалуй, таких больше.

В позапрошлом году я предлагал на Большом Совете исследовать подземелья и закрепить за хозяевами, а остальные — засыпать или хотя бы блокировать стальными воротами. Никто спорить по существу не стал. Только эльфы сказали, что нам пещеры не нужны, гномы и гоблины — что у них есть свои, орки пообещали оторвать голову любой твари, которая вылезет наружу, вампиры, как всегда, улыбнулись. Потом старина Хвыщ сказал, что на его памяти этот вопрос поднимался трижды — и реакция одинаковая.

Я — хранитель городского порядка, но не диктатор. Поэтому продолжаю хранить его наверху, до конца не зная, что происходит под ногами.

Теперь придется узнать.

Глава 51

Лилька

— Ничего-ничего, заплатят не кровью, так золотом, — бормотала темнота над моей головой, качаясь и довольно чувствительно колотя меня по чему попало. По ощущениям — кирпичными стенами... А! Это ж ирод проклятуший перекинул меня через плечо, как мешок с мукой, и тащит! Вниз головой. Неведомо куда. Небрежно тащит, гад ушастый, не стесняясь приложить об окружающую действительность.

Эта самая действительность мне тоже не нравится — какой-то грязный полутемный коридор в лохмотьях вековой паутины. Очень не хотелось бы получить за шиворот строителя этих серых пыльных занавесок, а сволочуга эльфийская раз за разом подметает мной самые паучачьи места. Да епть!!! Флюс тебе в печень! Еще и головой о стенку стукнул.

— Ты, урод! — не выдержала и прохрипела я. — Такими темпами ты меня убьешь раньше, чем выкуп получишь!

— Молчи, утроба! — рыкнул полуэльф и так встряхнул меня, укладывая на собственном остром плече, что я чуть желудок ему под ноги не выронила. Обозлилась страшно — и так мутит, этот криминальный ушан мне наверняка сотрясение мозга своим кулаком в висок организовал, так еще и трясет! Но раз тащит, а не убил на месте — значит, я всё же нужна ему живой. Непонятно пока зачем, но это не повод позволять остроухому садисту надо мной измываться.

Всё так же вися вниз головой на плече трясущего в темноту эльфа, я примерилась, подтянулась руками за его пояс и со всей силы укусила его за обтянутый штанами зад! Аж как крокодила впилась, сладострастно двигая челюстями в такт его рывкам и воплям. Вот! Ори громче, сволочуга преступная! Я зря, что ли, в театр с начальником стражи пошла? Наверняка уже организовал поиски и погоню. Надеюсь... нет, верю! А стало быть, шум побега должен навести спасателей на наш след.

Долго радоваться, правда, не получилось, укушенный похититель пару раз подпрыгнул, а потом сбросил меня с плеча, да со всего маху — на камни. Вот... редиска, нехороший человек! Хорошо, я сгруппироваться успела, училась когда-то на роликах кататься. С роликами не вышло, зато сейчас пригодилось — я ушиблась боком, прокусила до крови губу, рассадил локти и колени, зато голова и спина, а также кости в руках-ногах целы остались. И зуб ни один не выбила... пока.

Злобный эльфогад тихо подвывал, вертелся на месте, пытаюсь оценить нанесенный моим крокодилством ущерб, осторожно щупал свои тылы и матерно ругался, поминая органы размножения разных рас и мое непосредственное знакомство с каждым из них. У! Даже через штаны до крови цапнула, ай да я, ай да челюсть мощная моя. Ура стоматологии! И клочок ткани выдрала, когда летела наземь, не разжимая зубов.

Вот он, шипя и продолжая материться, кое-как пристроил выдранный кусок штанов к ране и оглянулся на меня, злобно ощерившись. Щас бить будет. Без боя не дамся!

— Только сунься, ушастый, я тебе и спереди всё под корень отгрызу, даже если ты мне башку оторвешь в процессе, — не менее злобно сказала я, группируясь для нового броска. Раз пошла такая пьянка, долой цивилизацию, буду драться, как дикий зверь.

— Дура! — рывкнул полуэльф, а потом взял и набросил на меня... вроде бы плащ. Зар-раза, как на дикую кусачую кошку! И отбить я не успела, спеленал, ирод, и обратно на плечо взвалил.

— Будешь дергаться — зарежу! — В бок ткнулось что-то острое и очень холодное. — Не посмотрю на то, что чистокровка!

Я аж язык прикусила от такого заявления. Не, нож под ребра и сам по себе не способствует разговорчивости и брыкливости, но ОТКУДА ОН ЗНАЕТ?!

И главное, что собирается с этим знанием делать? Вот же... сходила в театр! А ведь думала ж еще, что это плохая идея, устала, попа ноет, организма решила в женскую физиологию поиграть, может, отпроситься у начальника и остаться в кроватке? Нет же, решила быть порядочной. Тьфу... Если его эльфячество Лимеас Отступник не спасет меня из проклятущих паучачьих подземелий, последним зубом клянусь, останусь в этом мире в качестве привидения и буду являться ему каждую ночь!

Так. Так, Лиля, без паники. Без паники, Лиля! Если этот хмырь опознал в тебе чистокровку, то тебя точно не убьет. Так, порежет немножко. Ты слишком дорого стоишь, Лиля. Эх... Надо вспомнить всё, что я читала и смотрела в своем мире про террористов и их заложников. Стокгольмский синдром... расчеловечивание жертвы... а, надо назвать злодею свое имя и вообще постараться

вступить с ним в контакт, показать, что ты его не осуждаешь и это внешние факторы виноваты в его действиях.

Да-да, я его ни разу вслух не осудила, я ему просто чуть ползадницы не отгрызла. Ну, бывает... ой!

— Сиди тих-х-хо! — Злыдень довольно аккуратно, надо отдать ему должное, стряхнул меня на очередной обломок камня и даже поправил на мне собственный плащ. К стеночке прислонил. Ну, я, понятное дело, выждала пару секунд и осторожно завертела головой, стараясь высунуться из тканевых складок на манер кукушки из часов. То ли руки-ноги онемели, то ли плащ он этот свой так плотно намотал, да и в любом случае активно дергаться опасно. А вот шеей крутить и носом тряпку отодвигать... ага. Ну, ничего нового.

Такой же полутемный коридор (интересно, откуда серый, слабый, но свет?), те же лохмы паутины, та же безнадега. Только мы из широкого «рукава» подземелий вылезли куда-то в боковой отнорок, узкий и еще более грязный.

Похоже, стена, отделявшая маленький коридор от большого, только что разобрана. И вот сейчас злодейский остроух вытащил откуда-то ведро с грязно-коричневой жижей, лопаточку, похожую на мастерок, и начал... Вот гад! Начал закладывать проем, присыпая его с той стороны старой пылью! То есть даже свежей кладки не будет видно, если не присматриваться! Ах ты!

Я лихорадочно размышляла. Искать меня будут — я в это верю. Но вот найдут ли? Злодеюка проклятушая вон какая предусмотрительная попалась. И как мне подать спасателям сигнал, что искать меня надо не дальше по подземельям, а за этой конкретной стеной?

Была б я прозорливая и запасливая — взяла б из дома пирожок и кидала всю дорогу крошки на камни, как мальчик-с-пальчик. Показалось, недавно ушастый злыдень сам сыпал под ноги то ли маковые зерна, то ли черный песок. Но вряд ли чтобы облегчить процесс поисков, скорее наоборот.

А мне чего бы такое оставить там, снаружи, незаметно для похитителя, что указало бы верный путь эльфийскому начальнику?

Между кирпичей просунуть... незаметно... тряпку какую-нибудь... О! Пока злодеище меня о камни швырял, мстя за покусанный зад, он мне одну оборку на платье почти оторвал, висит на ниточке, жалкая и перемазанная. Даже особо шевелиться не надо, чтобы ее эдак ыть! И потом эть! Пока каменщик этот остроухий отвернулся за новым кирпичом и порцией раствора, мы между слоями ее, хвостом наружу, и глиной этой коричневой тут примажем, чтоб не видно было.

Ну, Лимеас Отступник, теперь на тебя и твои острые глаза вся моя надежда! Оборка сиреневая с голубым, даже в тусклом свете с той стороны заметна будет... Давай же, не подведи!

- А что это ты делаешь, коза?! - раздалось вдруг над моей головой. - А ну!

Глава 52

Вэйн Рин Корван

Жизнь состоит из больших и маленьких радостей. Только что я остроумно и по делу уел пустоголового эльфийского служаку. Действительно, не обеспечить порядок на главном городском зрелище... Тут проще броситься на свой меч, чем найти оправдание.

Но радость не должна быть бесполезной. Даже радость мелкого злорадства. Мы пьем кровь не только потому, что это вкусно, чужая кровь еще и необходима организму вампира. Поэтому небольшие колючки, которые я сумел засадить под кожу начальника стражи, принесли некоторые небесполезные наблюдения.

Во-первых, Лим действительно расстроен. Он не обратил внимания на мои подколки, а продолжил расспрашивать моего полубрата-полукровку о биографии полукровки своего племени. Вряд ли опечален ожидаемым общественным возмущением — Город так негодует на бестолкового начальника стражи, что бояться тому уже нечего. Собственно, город негодует почти с момента его назначения, но скovyрнуть упертого эльфа с занимаемой должности так никому и не удалось.

Нет, его расстроило другое. Вампиры чувят всё, что связано с чужой кровью. Я ощутил, как напряглись его сосуды, как ускорился кровоток и стал давить на их стенки. От простой служебной оплошности такого не бывает.

Во-вторых, он поспешил сделать то, что обычно поручают страже, — помчался на звук рухнувших камней. Это не простое рвение, это...

...Ответ только один — ему дорога чистокровка. Причем не как утроба для производства эльфят, этот болван еще не понял, что она — чистая кровь из другого мира.

Значит, он влюблен? Как минимум — увлечен. Или нет? Всё же влюбился? Важное и полезное наблюдение. Знать слабость врага, а каждый эльфийский князь — враг моего Дома, очень важно. И кстати, я не зря так интересуюсь этой дамой, что-то в ней есть. Наша игра началась, и я никогда не прекращаю ее, пока не наиграюсь.

И есть одна проблема. Почти неделю мерзавец Энфиль не скрывался в театре, а был недобровольным гостем моего замка. Если его возьмут живым — Лимеас может постараться, — последуют очень неприятные показания. Конечно, это мелочь — слово каторжника против моего... И всё же. Мой статус в Доме определен моими успехами. Я всегда умел выполнять работу чисто. Про таких, как я, говорят: он пьет кровь в белом камзоле. До этой истории камзол оставался белым, но сейчас на нем появится пятно.

Слугам, которым было поручено устранить полуэльфа, не позавидуешь. Разговор с ними впереди.

А сейчас я должен первым найти мерзавца. Чтобы после встречи допросить его мог только некромант. Впрочем, это искусство эльфам не присуще.

Я должен быть первым... еще и для того, чтобы лично оторвать мерзавцу голову, потому что он покусился на то, что я уже считаю своим. Эта женщина мне интересна, и более того — я еще не изучил ее, не наигрался в новую игрушку и не решил, что делать с ней дальше. Никто не смеет мешать моим планам. Ни эльфы, ни полуэльфы-преступники. Первого я пока не могу достать, а второму лично перекушу горло. Мне неприятна мысль, что он посмел своими грязными лапами коснуться Лилии. Потому что...

...потому что она моя. Игрушка. И точка!

Мой конкурент суетится, к нему идет директор театра.

Власть официальных приказов против моего таланта? Сыграем, господин Лим.

Я спустился ярусом ниже. Антракт уже завершился, поэтому каждый встреченный мною мог быть лишь служителем.

— Эй, малый, — окликнул я пробежавшего гоблина-официанта, показывая ему сребреник. — Ты сможешь привести служителя, который лучше всех знает подвал театра?

Гоблин поймал монету...

— И еще три, если быстрее, чем в пять минут, — добавил я.

По моим подсчетам не прошло и трех минут, как посланец вернулся. Он почти тащил пожилого гнома, явно разбуженного.

Я кинул гоблину горсточку серебра, отчего гном проснулся окончательно.

— Почтенный, — сказал я, когда мы отошли на несколько шагов, — тебе известны основные ходы под театром?

Конечно же, говорил я не просто так. Из моего правого кулака вылетели несколько золотых монеток и скрылись в левом кулаке.

— Да, уважаемый господин, — ответил гном, чьи глаза последовали за монетками. — Я готов показать вам старинную схему и... и проводить.

Последние слова были не случайны — золотой ручеек опять перелетел из кулака в кулак.

Мы прошли коротким коридорчиком в каморку, где я непроизвольно зажал нос.

— Сейчас, сейчас, почтенный господин...

Гном поднял облако пыли, перевернул груды бумаг и развернул передо мной схему, примитивную, но понятную.

— Господин, мне знаком чертежник, который снимет с нее копию. Господин...

Я отвлекся на две-три секунды. Могло показаться — задремал. Теперь схема возникнет перед глазами, как только я захочу.

— Обойдусь без копии. Мне нужно войти как можно быстрее и незаметнее. Сейчас.

— Но, господин, я был уверен, что провожу вас позже, когда театр закроется и настанет время суток, которое так любит ваше племя. А сейчас мои обязанности...

— Почтенный, — сказал я с нарастающим нажимом, — вас не должно интересовать, что любит мое племя. Разве не ты сказал, что «готов проводить»? Разве ты назвал время? Или ты готов решать, когда мне удобней?

Последние слова были сказаны так, что гном втерся в стену. Он стал бодрее и трезвее, чем в своем невинном детстве.

— Господин, я понимаю вас. Я готов поспешить.

...Перед входом в подвал, через незаметную дверь, он всё же получил один золотой. И совет забыть о встрече, если он не хочет потерять то, что нельзя купить ни за какое золото.

С древних времен стены коридоров подземного храма были обсажены светомхом, наполненным магией людей. Очень сильной магией — за столетия свет потускнел, но мне его хватало с избытком.

Я не сомневался, что проник в подземелье раньше начальника стражи. Теперь оставалось обнаружить цель раньше, чем это сделает он.

«Господин Лим, получите вашу даму. Она немного перенервничала из-за столь продолжительного расставания с вами. Если вам нужен труп злодея, столь долго державшего Город в страхе, вы обретете его за поворотом».

Я уже несколько раз прокрутил в голове будущий диалог. Оставалось его воплотить. И насладиться тем, как спасенная Лилия оценит вклад каждого из нас.

Живую кровь чует каждый вампир. Маг-чистокровка, такой как я, чует ее в любом лабиринте. Жаль, что кроме меня в клане есть всего один такой же силы, и то подросток. Но зато нет конкуренции.

Азарт преследования захватил меня. Все же мои способности дадут фору любому эльфу, даже профессиональному стражу. При условии, что между добычей и охотником нет сплошной каменной преграды, чутье приведет меня к Лилии. Судя по схеме, преград впереди не было.

Правда, меня смущал широкий извилистый коридор, уходящий из храма. Составитель схемы знал о его существовании, но, похоже, не знал, куда он ведет.

Было бы хорошо не узнать это и мне. Мерзавец обременен живым грузом и, скорее всего, не ожидает столь быстрой погони, поэтому медленно тащится к внешней пещере.

Надо напрячь ноздри чуть сильнее. Теперь я чувствую не просто живую кровь, а две разные крови.

Они далеко и удаляются. Как я и предполагал, очень медленно. Но если плестись коридором, как какой-нибудь безмаг, они уйдут из-под храма. Нужные встречи я откладывать не привык, а именно эта мне очень нужна.

Поэтому я устремился по пещере с по-прежнему усиленным нюхом и чувствуя с каждым шагом, как две крови медленно приближаются. При желании я мог бы представить перед глазами два живых сосуда, один из которых движется, а другой является грузом. Но я это знаю и так.

Мой нос чуял всё, и не все запахи древнего подземелья были приятны. То, что оно наполовину гробница, я понял сразу. Но в нем, в давние времена, умирали и без погребения.

Потом произошло событие, заставившее меня ускориться. Не так уж и далеко, скорее надо мной, появилось много разной живой крови. Группа существ вошла через центральный вход, не такой уж далекий от жертвы. Кто возглавляет существ, догадаться несложно.

Еще одно колено можно пробежать, не боясь быть услышанным. Главное — приостановиться перед поворотом, чтобы из гончего пса превратиться в змею, готовую к броску...

Что за приятный... нет, удушливый запах? Напоминает казнь в лепестках сотен тысяч цветов. И я не могу прекратить дышать — цель близка, она остановилась. А проклятый конкурент всё ближе.

Еще два шага вперед, еще один. Может, лучше сесть, даже лечь и ползти. Меня давит этот запах...

И самое странное и ужасное — цель куда-то исчезла. Но ноздри мне не отказали, я ощущаю преследователей. Надо ослабить нюх. Тогда уйдет удушье...

Что за кровь стремительно несется ко мне? Оно на четырех лапах. И я уже вижу глаза... Подземное чудовище, убившее злодея и Лилию? И хватит ли сил выхватить клинок?

Глава 53

Лилия

— А что это ты делаешь, коза?! — Ушастый засранец навис надо мной, как скала над одуванчиком.
— А ну!

— Что делаю, что делаю! — сварливо отозвалась я, выдергивая кусок подола из-под откатившегося из общей кучи кирпича. — Юбку берегу! Козел ты крашенный, какого черта меня в грязь усадил, места почище не нашел?

— Почему крашенный? — слегка озадачился козел, а потом спохватился и обозлился: — А перину тебе не подстелить, кошка драная? Что, надеешься, найдут тебя твои ухажеры? Забудь, даже вампирюга за каменной кладкой кровь не почует, хоть он три раза маг крови, а про эльфийского выкидыша я и не говорю. А кровосос еще и по носу получит, скотина, за то, что обманул меня. Вороний прах нюх отбивает любому кровохлебу! — Хмырь с ушами бесцеремонно выпутал меня из своего плаща, схватил за руку и поволок куда-то дальше по полутемному коридору.

— Вот радости-то! — ехидно отозвалась я на ходу. — Ты дурак или прикидываешься? Чего, правда думаешь, что мне так нужно, чтобы меня нашли и продали под ошейник?

Эльф-преступник замер, обернулся и вытаращился на меня круглыми глазами. Потом опомнился:

— То-то ты перед ними хвостом крутила, по театрам шлялась!

— Жить захочешь, еще и не так раскорячишься. — Я пожала плечами. — Пока никто, кроме тебя, умного такого, во мне чистокровку не опознал.

— Придуривайся больше! — не поверил полуэльф, снова увлекая меня в мрачные глубины дурацкого подземелья. Эх, всё дальше от свежей кладки и надежды на спасение. Но сдаваться я не собиралась.

— Ошейник на мне видишь? — Я оттянула ворот платья и продемонстрировала шею. — Не видишь? Ну вот и помалкивай. Каждый день по грани ходить, чтоб тебя не опознали, это не жук чихнул.

— А чего ж ты в городе сидела?

— А где еще? По полям с голой задницей долго не набегаеться. — Я пожала плечами, расчетливо глядя на злыдня и незаметно — по сторонам. Блин, безнадега точка ру. Не запомню я этого лабиринта, тут каждый поворот по-своему мхом оброс, и вместе с тем все они одинаковые. — Ты тоже чего-то в пампасы не рвешься, вернулся к родным трущобам и кабакам, а не в лесах засел.

— Чтоб за стенами города выжить, мешка ума не надо, — хмыкнул тот. — А вот для того, чтобы жить хорошо, нужно слишком многое.

— Вот именно. — Я фыркнула. — Но ты хоть по подвалам шастать можешь, а мне что делать, я слабая женщина.

— Ни хрена себе слабая женщина, чуть меня не покалечила! — снова озлился ушастый похититель, невольно потянувшись рукой к дважды травмированной мною заднице. Ну да, сначала я его туда ножницами пырнула, потом зубами впилась от души. Тьфу, до сих пор во рту привкус не очень чистых мужских портков и крови.

— А ты что хотел, чтоб я тебя туда целовала, что ли? — Поскольку мы нырнули в очередной лаз, пару раз повернули и выскочили в маленькую пещерку с ручейком, где гад отпустил мою руку и принялся умываться, я сначала села на камушек и только потом огрызнулась, подтягивая коленки к груди и обнимая их руками. — Выскочил с ножом, на людей кидаеться, кто тебя знает, может, ты маньяк или каннибал, к примеру. Я, знаешь ли, еще жить хочу.

— Канни... кто?!

— Тот, кто лю... разумных соплеменников жрет, — любезно пояснила я. — Откуда я знаю, может, ты на заготовку пропитания вышел, чтобы, значит, суп было из кого варить.

Несмотря на всю свою преступную натуру, полуэльф слегка позеленел и гневно на меня вытаращился.

— Дура!

— Сам такой. Ладно... — Я поерзала и вынуждена была констатировать, что платье снизу промокло еще тогда, когда я сидела на куче глины у заложеного кирпичами хода. — Если ты не собираешься

меня жрать, то что мы будем делать дальше?

— Мы?! — Умывшийся преступник был похож на мокрого ушастого петуха, но мне чего-то не хотелось смеяться.

— Ну, раз я всё равно уже тут, то мне интересно, что со мной будет дальше, — резонно заметила я и уставилась на полуэльфа заинтересованно. — Мне, знаешь ли, всё равно не хочется в ошейник и рожать десятками, даже не имея мозгов слово сказать. Была б еще возможность для себя детей-магов родить, тогда другое дело, а так...

Ох, только бы прокатило! Ну же, ну! Наталкиваю этого остолопа на нужную мысль, наталкиваю, а он всё никак не сообразит. Тупой? Не похож вроде. И главное, амбиции непомерные у него прямо поперек смазливой физиономии большими буквами нарисованы. Сообразит уже, нет, на что я ему намекаю? Не могу ж я прямым текстом сказать. Мужики, они что в нашем мире, что в любом другом должны чувствовать себя завоевателями, победителями и инициаторами. Самыми умными то бишь. Которым никто никогда не указывает.

— Эх, небось при ребенке-маге я б и без этого поганого города выжила. Убрались бы подальше, основали свое поселение, дикарей на магию привлекли...

— Кхм! — разродился наконец душегубец. И посмотрел на меня совсем другими глазами. — Кхм...

Тьфу, тугодум. Да я уже сто раз догадалась, о чем он думал всю дорогу, и просчитала события. Он меня упер, скотина, не только чтобы начальнику стражи досадить или там Вэйну (интересно, что он с последним не поделил?), но и с расчетом продать подороже как чистокровку. А оно мне надо? Всё прахом пойдет, работа, свобода, да и семейство мое...

Сердце тут же больно сжалось, напомнив о самом страшном — о дочери, оставшейся в другом мире. Я запрещала себе о ней думать, но иногда боль прорывалась. А теперь вот новая напасть: я буду беспокоиться еще и о тех, с кем судьба свела уже здесь. Бабушка Му, Игги, Мотя. Пропадут же без меня...

Нет, нельзя, чтобы полуэльф стал меня продавать, раскрывая секрет моего происхождения. Надо сделать так, чтобы он решил оставить меня себе и сам хранил эту тайну пуще глаза.

— Кхм... — Да тьфу на него с его кашлем, сколько можно думать? На вид вроде не такой тупой. — Кхм... Значит, говоришь, утереть нос этим заносчивым скотам, что вообразили себя единственными властителями мира? Создать свой город... родить сильных детей-магов, с их помощью захватить земли у диких, а тех принудить к покорности... Что-то в этом есть.

Фига какой Гитлер доморощенный оказался! Аж раскосые эльфийские глазенки загорелись нездоровым светом. И на меня внима-а-ательно так смотрит, оценивающе. Как на корову. Сколько ведер молока и телят можно выдоить? Да и хрен с ним, главное — ему в черепушку еще одну важную мысль запустить.

— Ну, мне-то самой всяко приятнее по собственному желанию для мужа детей рожать и потом править, чем бессловесной куклой в ошейнике сдохнуть.

— А то, — осклабился полуэльф. — Потому и дергаться перестала?

— Угадал, красавчик. — Ага, теперь ты меня не убьешь, не покалечишь и кому попало про мою чистокровность не ляпнешь. А там еще поглядим... кто кому рожать будет. Где, блин, этот начальник стражи?! Меня вообще кто-нибудь уже спасет или нет?!

И тут наш выразительный диалог с похитителем был прерван. Мы оба резко обернулись в сторону прохода в пещеру и замерли.

Глава 54

Лимеас из клана Остролиста

С погоней произошла короткая задержка. Сначала в Башню был отправлен вестовой с моим платком. Платок заменил послание — тот, кто его получит, поймет, что я требую его как можно скорее, и прибудет вместе с гонцом. Путь туда и обратно должен был занять двадцать минут.

В ожидании я опять поговорил с Флессаном о судьбе негодяя после его несчастного детства.

Оказалось, что эльф-полукровка стал лейтенантом ополчения нашего Дома.

В ополчение полукровок берут редко, но Энфиль был мастером осадных сооружений. Прошел курс «смерть без оружия» для штурмового боя на стенах. Потом смошенничал на окладах помощников, был без скандала изгнан из Дома.

Курс «смерть без оружия». Вот откуда у негодяя умение ломать шеи. А его знание мастерка и лопаты может сыграть под землей злую шутку. И не одну.

— Почему он так зол на тебя? — спросил я Флесса.

— Я выследил негодяя и сам арестовал. У него на руке три листика, но мне хотелось его поскорее допросить. Палач всего лишь поставил на стол свой саквояж и вынул каждый инструмент, с описанием предназначения. Бедняга поторопился признаться, и тогда я сказал, что суда, санкционировавшего пытку, еще не было. Немудрено, что он разозлился.

Подошел вызванный писец. Я немедленно продиктовал:

«Флессан Рин Гирш, помощник начальника стражи Города, восстанавливается во всех правах и исполняет должность начальника стражи до того, как действующий начальник — Лимеас из клана Остролиста — не приступит к своим обязанностям».

Поставил подпись, передал Флессу:

— Распишись и вступи в командование.

— Господин Лимеас... — тихо сказал Флесс, показывая на всё еще дрожавших жену и дочь, — я сам схвачу негодяя. Не беспокойтесь, никто в Городе больше меня не заинтересован, чтобы он был взят живым. Тогда мое доброе имя...

— Флесс, — ответил я еще тише, — с Аини и Нинной всё в порядке. Но у него в руках госпожа Лилия. Поэтому остаться должен ты, а я...

Я запнулся. Флессан пристально глядел на меня.

Я — начальник стражи. Мой долг — заботиться о спокойствии всего Города, а не одной горожанки. Рвануться по горячему следу был мой долг. Но он же повелевал при первой возможности передать погоню подчиненным.

Почему же решение уже принято? Это не долг.

Неужели я влип так, как, был уверен, больше в жизни уже не влипну?

— ...а я позабочусь о женщине, которую пригласил в театр и не обеспечил ее безопасность. Пока я не вернулся, командующий — ты.

Флесс кивнул и поставил подпись.

Почти одновременно появился директор театра со схемой в руках. И посланец из Башни с огромной корзиной. Из нее выскочила Тишина.

Не каждая кошка этой породы согласна стать ищейкой. Но если она верна хозяину, то заменит любого пса. И, что особо важно, пролезет туда, куда нет доступа ни одному псу.

Оставалось объяснить, кого мы ищем.

Мы вошли в дамскую умывальню. Тишина замерла на пороге. И вдруг протяжно, тревожно замяукала.

Я вспомнил, как она была на руках госпожи Лилии. Как они подружились. Теперь в нашей погоне будет участник, заинтересованный не меньше, чем я.

Главный вход в подземелье был широким, но почти сразу начал делиться на коридоры. Мы двинулись в тот, что по моим расчетам должен был привести к основанию упавшей лестницы.

Расчет был верен. Уже скоро Тишина остановилась, тревожно мяукнула и рванулась вперед. Я поспешил следом, обгоняя поисковый отряд.

Что за противный запах впереди? Вдохнув чуть поглубже, я определил его — Вороний прах. Он неплохо действует на собак, но особенно хорошо на вампиров, увлекшихся вынюхиванием чужой крови.

Почему же злодей предпочел именно это средство? Видимо, решил, что погоню возглавит Флесс. Ни меня, ни Тишину он не предполагал.

Еще несколько шагов — и я увидел картину, одновременно непонятную и смешную. У стены лежал самый опасный вампир Города. На его груди стояла Тишина и вылизывала ему лицо. Увидела меня, соскочила и подбежала, чуть не пританцовывая. Похоже этот аромат её нешуточно развеселил.

— Поздравляю, господин Вэйн Рин Корван! Вы умудрились не встать на моем пути, а лечь на моей дороге... Пожалуй, это самая остроумная ваша шутка за сегодняшний вечер, — с усмешкой сказал я.

Кровосос глубоко вздохнул, открыл глаза и встал, немедленно отряхнувшись. Пожалуй, к его плащу не пристала ни одна пылинка.

— Господин Вэйн, — продолжил я, — мое присутствие здесь легко объяснимо: я намерен поймать негодяя, опасного для Города. Но что привело под землю вас? Вам столь необходима загадочная врачевательница, похищенная негодяем?

...И что я сделаю, услышав в ответ: «Да, я пришел сюда за этой женщиной»? Он же сам пригласил ее в театр, при мне. И почему меня так пугает этот ответ? Что вообще происходит со мной?

— Господин Лимеас, — наконец ответил Вэйн, — если вы намерены разыграть сцену ревности, это следовало сделать на пятьсот локтей выше, на сцене театра. Считайте, что я проник сюда, чтобы выполнить работу, которая оказалась непосильной для вас наверху.

— Благодарю за помощь, — сухо сказал я. — Как показало недавнее происшествие, здесь для вас небезопасно. Вас проводят наверх.

— Не валяйте дурака, Лимеас, — ответил вампир хрипло и резко, — мы теряем время. Это хитрый противник, и неизвестно, какие еще сюрпризы он преподнесет. Моя помощь может оказаться не лишней.

— Тогда окажите, — заметил я. — Унюхайте кровь, если ваши ноздри не заклинило от хорошей дозы Вороньего праха.

— Я чувствую кровь — вашу, вашего отряда и четвероногой твари, — заметил Вэйн после короткого молчания. — Но я не чувствую крови госпожи Лилии и похитителя. Не торопитесь злорадствовать, подумайте, что это может значить!

Да мне не так важно отыгаться за обиду, как найти Лилию. Я знаю особенности каждого из народов. Если вампир не чует кровь, перед ним встала преграда.

— Осмотрите стену, — приказал я. И тут же услышал громкое:

— Мяйу-у-у!

Тишина стояла возле стены и держала в зубах кусочек Лилиного платья.

Через минуту кладка была взломана, открыв коридор. Туда мы и устремились. Уже скоро он расширился до большой подземной дороги.

— Я чую их кровь, — донесся голос Вэйна.

— Это уже не важно. Тишина опять взяла след, — ответил я.

— А темнота отдала ветер? Извините, это кличка вашей поисковой твари? К чему тратить время на споры? — сказал вампир и унесся вперед, почти догнав Тишину.

Я рванулся следом. Почему-то мне совсем не хотелось, чтобы он первым достиг злодея. Потому что это опасно для Лилии. Эльф может подкрасться незаметно и обезвредить врага раньше, чем тот

нанесет ущерб жертве. А вампир вспугнет негодяя.

Я догнал Вэйна двумя прыжками...

И немедленно сделал еще один, услышав нарастающий грохот за спиной.

Вовремя. Там, где я был секунду назад, выросла груда камней. За этой преградой мой отряд. Перед ней — Вэйн, Тишина и я.

Глава 55

Лилька

— Ср...ые гоблины! — выругался полуэльф, вскакивая на ноги и бесцеремонно хватая меня за руку.
— Эти идиоты всё же полезли в подземелье! Ловушка сработала!

Я внутренне возликовала — значит, спасательная экспедиция состоялась! А то в самой глубине души, куда я сама себе последние три часа не разрешала заглядывать, копился страх: а вдруг меня никто особо и не ищет? Ну кто я им? Подумаешь, лекарка базарная.

Но нет! Слава начальнику стражи, если злыдень почуял погоню, значит, еще не всё потеряно. Надо только затормозить, а то он несется галопом и меня за собой тащит ровно с такой же скоростью. А мне туда не надо. Мне наоборот — в обратную сторону.

Даже стараться особенно не пришлось, чтобы на очередном скачке качественно споткнуться и ласточкой пролететь за улепетывающим засранцем по подземному коридору. Ну ушиблась, да. Производственная травма. Зато достовернее некуда.

— Не могу больше бежать! Что я тебе, лошадь?

— Вот дура! — взъярился полуэльф, и несколько секунд я не дышала — у него в глазах такое промелькнуло, что я чуть было не плюнула на расшибленную коленку и не дала стрекача куда попало, лишь бы подальше. Этот злыдень всерьез раздумывал, тащить ли меня дальше ради собственной жадности и великих амбиций или бросить... Нет, не бросить, а убить из соображений «так не доставайся же ты никому!».

— Нет, ты слишком дорого стоишь! — решил он наконец и снова, как два часа назад, бесцеремонно схватил меня и перебросил через плечо. Да тыфу! Вот откуда в таком довольно щуплом и не очень высоком полуэльфе столько силищи? Укусить еще можно, но бороться совершенно бесполезно — всё равно что трехлетний малыш стал бы драться на кулаках с чемпионом по боксу.

Ладно, есть надежда на то, что с грузом злодеяка всё равно медленнее бежит, чем без груза. Вот только, перестав задыхаться от быстрого бега и с грехом пополам устроившись на эльфе так, чтобы он мне плечом желудок не выдавливал, я вдруг вспомнила, что именно его насторожило.

Какой-то негромкий, но смутно тревожный звук, а еще чуть заметное колебание воздуха, словно где-то далеко захлопнулась огромная дверь или... или обвалился свод! Черт! Черт! Точно! И земля под ногами дрогнула!

Надеюсь, это не спасательную экспедицию завалило, иначе кранты мне. Рожать наследников ушастому гитлеру у меня таки ни малейшего желания. И прирезать его во сне вряд ли получится...

— Ср...ые гоблины! — шепотом взвыл вдруг мой носильщик и принялся ругаться совсем уже непотребно. Что случилось? Вроде как скакал по подземельям, так и скачет... А! Лопухами своими эльфийскими что-то расслышал, что мне моими человеческими не уловить? Похоже.

— Сиди тут! — Злыдень бесцеремонно стряхнул меня в какой-то темный закут, набросив сверху плащ. — Начнешь орать — свод может обрушиться в любом месте, поняла? Мы ушли в самые старые катакомбы, тут всё на гномьих соплях держится, а еще старые людовские ловушки. Если хочешь жить — молчи как мертвая!

«Чтоб ты провалился, козел ушастый!» — от души пожелала я, вжимаясь в камни. Но вслух ничего не сказала, только кивнула, кутаясь в плащ, который он на меня набросил. Ни фига не ради заботы, а потому, что тот ему мешал.

Проделав всё это, гад полуэльфийский, злобно бормоча что-то сквозь зубы, принялся метаться по пещерке, до которой мы добежали, и что-то странное делать. Присмотревшись, я поняла, что гад готовится к бою, но делает это уж больно замысловато-необычным способом. Хотя... в целом более-менее понятно, для чего он готовит все эти веревочные растяжки, сосуды с чем-то остро-вонючим и явно горючим, а также странно светящиеся камни на прищепках.

Паразит явно шаманит неприятный сюрприз преследователям. И самое обидное, что я никак не могу ему помешать. Заорать и предупредить? А если свод и правда обрушится? Причем даже не над спасателями, а прямо у меня над головой?

Думай, Лилька, думай. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих, иначе есть риск, что безутешные преследователи спасут твой труп. А ему от этого уже ни холодно ни жарко будет... Так. Так!

Вот если стырить один светящийся камушек... незаметно, пока полуэльф отвернулся. Он его голыми

руками трогал, даже без перчаток, значит, эта штука не жжется и не кусается. Только непонятно тогда, для чего она вообще нужна?

Быстро спрятав добычу под подол, я снова притворилась испуганной ланью, когда похититель на меня оглянулся. Похлопала ресницами в ответ на его нервно-злобную ухмылку.

— Ничего, девка, мы еще посмотрим, кто кого. Кровохлеб-то сам в гости полез, экое везение. У меня к нему личный счетец, вот и разберемся, чего он стоит без сотни слуг и помощников с кнутами да решетками. А начальник стражи — ну так за него мне весь фартовый народ спасибо скажет, уж больно въедливый да принципиальный, сволочь. Мы еще выпьем за упокой этих двоих, девка, а потом...

Что потом, этот трибун народный не договорил. Потому что вдруг подпрыгнул, буквально чуть ли не растворился в воздухе вместе со своими приспособами, и мне пришлось самым натуральным образом напрячь все свои мозги и способности, чтобы уследить за его движениями. Ах ты ж гад-то какой! Тренированный!

М-да, похоже, трюк с ножницами мне удалось провернуть только один раз и исключительно потому, что поганый полуэльфийский спецназ вообще не ожидал нападения в женском туалете.

— Энфиль! — услышала я спокойный голос начальника стражи, гулко отдававшийся по подземельям. — Выходи лучше сам и отдай нам женщину. Иначе пожалеешь.

— Шаз-з-з, бегу и падаю, — себе под нос прошипел злыдень, засевший где-то под самым сводом пещеры. Явно в засаде затаился, глист ушастый. И вслух добавил: — Иди и сам возьми, если такой умный. Или не знаешь, какой проход из пяти выбрать? А? Что, свиту твою позавалило, один с кровососом по подземельям шариться? Эй ты, кастрат клыкастый! Иди сюда, если не трусишь, поговорим! Или так и будешь за спиной у эльфа прятаться?

— Что же ты сам навстречу не вышел, если такой храбрый? — По темному коридору мягким медом потек еще один голос, тоже вполне знакомый. Ого! То есть господин Вэйн тоже бросился меня спасать? Ничего себе!

— Потому что не дурак. Я один раз тебе уже поверил, помнишь? Начальнику не хочешь рассказать, как послал меня с железной челюстью баб убивать, чтобы его помощника подставить, а? — злорадно выдал преступник. — Эй, эльф! Хорошего спутника ты себе нашел, того и гляди в спину ударит! Ну? Так и будете там тереться, пока вас породой не завалит? — продолжал насмехаться он. — А впрочем, туда вам и дорога!

И тут он что-то сделал... со всеми своими ловушками разом. Кажется, гаденыш ждал, пока его враги дойдут до какого-то нужного ему места, и дождался. Я даже не поняла, только почувствовала дрожание воздуха.

— Назад! Осторожно!!! — плюнула на всё и заорала во весь голос, надеясь, что всё же успеваю предупредить своих спасителей. — Назад!

А сама, понадеявшись на русский авось, и татарский кубысь, и черт знает какое везение, и вообще непонятно на что, со всей силы запустила стыренным светящимся камнем в засевшего на стене полуэльфа.

Глава 56

Светящийся камень оказался чем-то вроде свето-шумовой гранаты. Он врезался в злодея, затаившегося на потолке, как полуэльф-паук, отскочил и шарахнул салютом-фейерверком. Ушки мои бедные заложило, глазки ослепило. Но чуть-чуть. И так как вспышка оказалась затяжной, секунды на три — наверное, с магической добавкой, — я разглядела и пещеру, и замысел гада, и всё происходящее.

Он поставил не просто растяжки, а целую сеть на пути моих спасателей, его врагов. Веревки, петли. Чтоб упали, запутались. И тут на них сверху несколько сосудов с текуче-горючей субстанцией, чтобы два шашлычка или кебабчика покатались в конвульсиях. Холодное блюдо по имени мечь иногда полагается подогреть.

Только злыдень не предвидел двух вещей. Во-первых, моего громкого и светящегося подарка. А во-вторых, в дополнение к его арсеналу чмошного Джеймса Бонда сработало то, о чем он недавно меня предупреждал: одна из старых «людовских ловушек».

Может, виной ударная волна, может, он колданул чего неправильно. Но с потолка, достаточно высокого, метра в три, хлынул песок. Наверное, по замыслу древнего автора проекта одним разом должны были свалиться две тонны. Однако время не щадит даже злые механизмы, поэтому песок сыпался не во всю прорезь. Зато с каждым мгновением всё больше и больше. Отверстие для сброса расширилось, будто открывали молнию в сумке. Причем открывали в мою сторону.

Мой совет «назад!» оказался невыполним. Сзади уже выросла дюна. Поэтому эльф и вампир рванулись вперед, навстречу злодею.

— Сеть внизу!!! — заорала я, не жалея сил.

Услышали! Лимеас подпрыгнул, перегруппировался в воздухе и обошел ногами петли. Его спутник повторил маневр.

Ушастый урод повернулся ко мне. Никогда еще не видала рожу с такой злобой, на ней было лютое разочарование — почему я не убил ее вовремя? Явно злыдень решил исправить упущение, потому как паучьим образом по стене скользнул в мою сторону.

— Стоять! Тронешь ее — разорву на части!!! — взревел Лим, без всякой эльфийской красоты, напролом, через ловушки, кидаясь ко мне. Ох ты!

Злодей впечатлился, похоже, притормозил, выхватил откуда-то еще такой же светящийся камень и швырнул почему-то не в эльфа, а в бегущего следом вампира. Клыков оскаленных испугался? Вспышка, гром — и галантный кровосос повалился, угодив ногой в петлю. Прямо туда, где, по замыслу поганца-похитителя, должен был запылать костер-ловушка.

Я еще подумала, что гриль-смерть Вэйну всё же не грозит. Песчаный ливень затоплял площадки с горючим, а я еще с прежнего мира знаю — песок при пожаре надежней воды. Спасибо вспышке, опять подсветившей пещеру.

Злодей же мгновенно схватил новый гремучий шар, нацелился в Лима, быстро, но сосредоточенно лавировавшего среди паутины растяжек.

— Не-е-ет! — заорала я, понимая, что ничего сделать не смогу.

К счастью, в этом мире был еще кое-кто. Из песчаного бархана вылетела тень и вцепилась в руку негодяя. Тот выронил шар, спрыгнул, отшвырнул Тишину — да, это кошка Лима — на ближайшую стену. Выхватил кинжал и рванул опять ко мне с самой свирепой рожей. А-а-а, блин, мне и отбиваться же нечем!

Только господин начальник стражи не собирался бодаться с преступником, как бычок на мосту. И позволить ему добраться до меня он тоже, судя по всему, очень не хотел. Настолько, что, забыв об осторожности, рванул прямо по петлям ловушек с такой скоростью, что размазался в воздухе, каким-то эльфийским чудом проскальзывая между коварных силков. Полуэльф забыл обо мне, развернулся, взвыл и сам прыгнул на врага, выставив свой здоровенный нож. Этаких два боевых кузнечика!

Только Лимеас сталкиваться с ним не собирался. Успел остановиться, присесть, распрямиться навстречу негодяю и бросить через себя назад, прямо на вампира, барахтавшегося в струях песка.

Бросил, встал, шагнул к стене, к любимой кошке. Нагнулся, поднял ее...

И резко бросил мне в руки. Причем с такой силой, что меня вместе с кошкой унесло к противоположной стене.

В ту же секунду «молния» раскрылась до конца. Выдав под конец особо крупную разовую порцию песка, мгновенно накрывшую Лима и даже то место, где я секунду назад стояла.

Вся эта катавасия со светляче-гремичими эффектами, с прыжками и дракой длилась секунд пять-семь. Может, десять. Гром стих, от света осталась пара горючих сосудов, которые не столько светили, сколько чадили, но все же освещали подземную Сахару в два метра высотой чуть ярче мха на стенах. А я стояла с кошкой на руках на краю этой пустыни.

— Мя-айу! — громко и печально сказала Тишина.

Ветврач из меня никакой. Но я все же сообразила, что кошка отделалась лишь кратковременным шоком и даже не потратила на инцидент ни одну из своих девяти кошачьих жизней.

Так и есть! Тишина еще раз мякнула, вывернулась и выскользнула из моих рук. И устремилась к краю дюны, начала стремительно откапывать, не забывая мяукать.

Спасибочки, что указала место! Я поспешила к ней присоединиться. Может, отважный герой успел сделать ладонями лодочку или домик и не наглотался песка? Надо торопиться, дышать ему нечем, а сколько жизней у эльфов, лучше на практике не проверять.

Я отбрасывала песок, подгоняла саму себя. А в голове звучал боевой рев эльфа: «Тронешь ее — разорву». И как он выбил меня из-под лавины песка, а сам не успел... Черт!

Неужели мне раз в жизни попался один настоящий мужик, пусть и эльф, и того завалило?! Да что ж за зараза, что за жизнь?!

На несколько секунд я впала в оцепенение, тело словно замерзло, не двинуть ни рукой, ни ногой. Только мысли табунами в голове.

Я вообще не думала, что господин начальник способен так орать. В этом крике был не только боевой гнев. Еще и реальный страх, что злодей озверевает и убьет меня у него на глазах.

И нет, это не злость собственника, испугавшегося потерять нечто ценное. Это гораздо глубже, гораздо серьезнее. Я сама не знаю, как это поняла, но оно прямо видно было... И Виталик вряд ли бы так ревел в минуту опасности для меня. И уж точно не стал бы спасать ценой собственной жизни...

Значит... Неужели в этом страшном, хотя и красивом по-своему мире был тот, для кого я не мастерица-лекарка, не утроба для производства магинят, не загадка. Был... да чтоб его!!!

Ну нет, господин эльф и вы, кто там еще есть, боги, черти, ловушки и дурацкий песок! Так просто я вам эту ценность не отдам!!!

Мысли в моей голове пронеслись ласточками, а я уже копала, как бешеная землеройка, выстреливая целые струи песка из-под ладоней. К черту кожу на пальцах, к черту маникюр... Ладно, пусть, ногти — отрастут. Я копала и орала-ругалась вслух, не тише, чем Лимеас во время своей самоубийственной атаки.

Рядом трудилась Тишина. Я вспомнила житие Марии Египетской, как умершую святую в пустыне закопал лев. Но кошачьи лапы не львиные, хотя песок летел от них, как от небольшой землеройной машины. И неустанное печальное мяуканье.

Я понимаю тебя, моя сестренка Тишина. Ты, такая странная, лысая кошка, наверное, в этом мире больше никому не нужна, кроме Лимеаса. Он взял тебя в дом, или, что важнее, на службу, защищал. Тебе с ним было хорошо, надежно. И у тебя скорее отвалятся лапы, как у меня скоро отвалятся руки, но ты будешь копать. Потому что он — твоя надежда.

И не только твоя. Я что, плачу?

Глава 57

Внезапно печальный кошачий мьяв сменился пронзительно-победным. Еще два копка — и я тоже нащупала камзол начальника.

Спокойно, Лилька, мы люди, мы должны думать. Проще всего откопать ноги. Потом вспомнить простенькую сказку. Нет ни Жучки, ни внучки, зато есть кошка, которая копает рядом со мной, и есть начальственная эльфийская репка. С ушами. Надеюсь, живая... Давай, давай, Тишина, подкапывай. А я, схватив его за обе ноги, откинусь, использую собственный вес.

Взяли-и-и! Ух! Взяли-и-и! Ых! Взяли-и-и! Ех-ху-у-у-у!

Уф! И сама не упала, и вытащила.

Кошка мгновенно метнулась к лицу хозяина. Да, реакция осталась при нем — успел защитить дыхательные пути. Если бы нет, не знаю, как вытряхивала бы песок у него изо рта. Теперь уложить правильно, развести руки — милый, не сопротивляйся, это твоя Лилька!

Что?! Какой на фиг «милый», какая «твоя»?

Ладно, все чувства временно отключаем. Над «настоящим мужиком» надо потрудиться, чтобы он не стал настоящим трупом. Сейчас в этом месте единственная реанимационная бригада — это я, Лилечка. А единственное оборудование — мои руки, губы и легкие.

Опыт у меня не только институтский. Однажды вместе с Катёнком (только не думать о ней сейчас!) я оказалась на пляже, на берегу милого озера с прекрасным песчаным пляжем, теплой июльской водой и только одним недостатком — обрывистым дном. Мальчишка лет четырех соскользнул в водную яму и был извлечен уже бездыханным. То, что мне хватило решимости взяться за реанимацию, — полдела. Я успела заодно заставить мамочку мгновенно подписать согласие на оказание медицинской помощи, в произвольной форме. Вместо бумажки мамаша использовала квитанцию о ремонте пылесоса, а ручку Катёнок взяла у соседней семьи, разгадывавшей кроссворды.

Конечно, согласие я разглядела потом, а сначала видела лишь синее лицо малыша. Ничего, вылила из него литра два воды, откачала.

Надеюсь, господин Лимеас — менее проблемный случай. В него столько песка просто не влезет.

Искусственное дыхание рекомендуется делать через марлю или носовой платок. Носовой платочек остался в туалете, где я его выронила во время драки с татем, а прокладка в моей импровизированной театральной сумочке на такую роль не годилась никак.

Значит, поцелуйчики-обнимашки!

Сначала я отрегулировала собственное дыхание. Успокоилась. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох...

Начинаем!

Левой рукой за нижнюю челюсть, правой — за темя. И вдуваем в рот.

Или эти эльфы так ароматны по своей природе. Или какое-то качественное притирание после бритья. Но очень приятно.

Еще! Еще! Тишина, лизать хозяина в щеку можно, но толкать меня не надо! Поняла? Кошка-умница!

Еще! Еще!

Что-то изменилось. Краем глаза вижу, как щеки Лима розовеют. И не от кошачьего языка.

Вдох! А выдох уже не нужен. Господин начальник стражи выдохнул сам.

Что-то теплое и щекотное скользнуло по моей щеке. Отставить! Дура, вот только реветь сейчас не вздумай!

Но я еще раз инстинктивно склонилась к Лиму. И поцеловала его в губы. А он ответил затяжным поцелуем. Настоящим, страстным и нежным...

Его ладонь оказалась в моей ладони. Несмотря на песок, прилипший к коже, я ощутила тепло.

— Мяйу!

Мы удивленно уставились на Тишину. Что это было? Ревность? Или призыв заняться дальше спасательными работами? Скорее второе. Тишина устремилась к соседнему барханчику.

— Благодарю вас, госпожа Лилия, — чуть хрипло сказал Лим. — Давайте выясним, жив ли негодяй, из-за которого мы оказались здесь, и мой навязчивый спутник.

Кстати, да. К «навязчивому спутнику» я немного привязалась за эти дни, и перспектива того, что он станет пещерной мумией, не радует меня никак.

Тишина тем временем действовала по уже проверенной технологии — освободила-откопала две пары ног, одну в грубых потертых кожаных сапогах, а под ними — еще одну, в изящных туфлях.

У меня не было времени рассказывать Лиму сказку «Репка», но мы мгновенно поняли друг друга. Чтобы освободить обладателя туфель, сперва надо вырвать из песочного плена хозяина сапог. Жаль, эльф после несостоявшегося погребения был всё еще слаб — его заметно пошатывало, и цвет лица мне не нравился. Но Лимеас стиснул зубы и участвовал в раскопках почти на равных со мной.

«Тянем-потянем»... Вытянули!

— Для вас он уже не опасен, — сказал Лим, взглянув на восковое лицо моего мучителя. — Для Города — тоже. Похоже, мерзавец отдал жизнь другому, хоть и без всякого согласия.

Ну и что он имеет в виду? Я, блин, с болящими, пропесоченными руками должна гадать загадки! Впрочем, болтовня не мешала Лиму продолжить спасательную операцию, тем более она была значительно проще. Господин Вэйн уютно устроился в песчаной нише, укрываясь своим противником, как одеялом. И всё равно на вид был труп трупом — не дышал. Но сердце еще билось, и пульс слабо-слабо, но прощупывался.

— Госпожа Лилия, — с неповторимой интонацией сказал начальник стражи, — я буду благодарен, если вы поможете вернуть к жизни этого гражданина Города.

Я вздохнула и кивнула, мысленно готовясь к очередному подвигу во имя искусственного дыхания. Приглядевшись к лицу Вэйна, я заметила, что его губы в крови. Последствия рукопашной?

— Нет. — Лим угадал мой незаданный вопрос. — Господин Вэйн попросил господина Энфиля поделиться жизненной силой, и тот не смог отказаться. В другой ситуации я бы заметил, что вместе с кровью он изрядно почерпнул злодейских привычек, но в данном случае это излишне. Такие привычки у него с рождения.

А! Поняла. То есть Вэйн не только укрывался злодеюшкой от песка, он его еще и покусал. В смысле, выпил. Всухую, судя по всему... Наверное, это помогало как-то продержаться без воздуха.

Пока я соображала, Лим стремительно провел рукой по спине лежавшего на боку мертвого злодея, открыл какой-то плоский ранец-рюкзак и достал предмет, напоминавший удлиненную механическую давилку для чеснока. С зубами! То есть с клыками... Ой. Это же искусственная вампирья челюсть. А не ей ли?..

— Флессан будет рад этому прибору, — вскользь заметил начальник стражи.

Ладно их, с интригами и разборками. Сам вампир выглядит чуть более оптимистично, чем простодохлый труп мертвого тела, но помощь ему не мешает всё равно.

На этот раз я делала дыхание в нос — не песком же потом отмывать со своих губ чужую кровь, оставленную чужими губами.

Вдох! Выдох! Вдох!

Вампир очнулся сам, гораздо быстрее, чем Лимеас, и немедленно меня поцеловал. Самым нахальным образом извернулся и поймал мои губы...

Глава 58

Э-э-э... ну что сказать. Целуется полумертвый клыкастый гад офигительно. Даже клыки не мешают. И вкуса крови на его губах я не почувствовала, то ли впитал, то ли облизнулся. Скорее что-то было... м-м-м... на ириску похожее. Чуть сладковатый привкус с нотками топленого молока. Будто его губы превратили кровь в гематоген. Кто бы мог подумать. Точнее, я сама за мгновение до поцелуя твердо верила, что щас как дам по роже! Или немного стошню... потому что вражину высосал, губы не помыл, зубы не почистил, а туда же! Но нет.

— Кхм! — громко и недовольно сказали над моей головой. Я моргнула и резко отстранилась от нахального кровососа, констатировав:

— Раз хулиганит, значит, живой, — и от души залепила ему по физиономии раскрытой ладонью. И еще раз с другой стороны — для симметрии. Не сильно, зато звонко и жгуче. Чисто в терапевтических целях, можно сказать, быстрее очухается. А потом мстительно добавила, глядя на вампирюку сверху вниз: — Зубы надо чистить после еды. Это я вам как лекарь говорю. А потом уже с поцелуями к приличным дамам лезть.

— В следующий раз, прекрасная Лилия, так и сделаю! — пообещал гад и подмигнул. Оплеухи он величественно проигнорировал, стервец.

Мне показалось или я слышала, как Лим скрипнул зубами? Н-ну-у-у... хм. Вот не скажу, что мне это неприятно. Вокруг один сплошной тоннель в заднице, песок в волосах, в трусах, и вообще везде треш, угар и содомия (это когда обстоятельства тебя нетрадиционно имеют), а меня два шикарных мужика помогают и ревнуют друг к другу, как подростки. Чем не повод для оптимизма?

— Я рад, господин Вэйн, что вы здоровы, — заметил между тем Лим не без сарказма. — Не скрою, я был бы рад еще больше, если бы вы в эту минуту здравствовали наверху. Произошло то, что всегда происходит, когда дилетанты влезают в работу полиции.

— Дилетанты вмешиваются лишь тогда, когда профессионалы не справляются, — не остался в долгу вампир. Он был явно слаб, но тем не менее лежать не захотел, приподнялся сначала на локтях, а потом и вовсе умудрился сесть. И не просто так, а в углубление в песке — как в свое родовое кресло.

И вид у него сделался царственный, словно не его мы только что откопали и отряхнули. Впрочем, отряхнулся нахал сам, да так качественно, что на его камзоле, кажется, песчинки не осталось.

— Да, профессионалам очень помогает, когда законопослушные граждане Города вступают в сговор с преступниками и покрывают их, преследуя свои собственные интересы. — Лимеас демонстративно задумчиво пощелкал искусственной челюстью из железа. И улыбнулся так... эдак... Ну, короче, я подумала, что вампир на самом деле пацан рядом с ним по степени ядовитости.

Впрочем, кровосос сделал вид, что он не понял намека. Хотя на самом деле усек четко: будет выступать, ему этот сговор припомнят. И доказательства найдутся. И свидетельница — я же всё слышала.

Лимеас убедился, что его мысль дошла, и продолжил:

— Негодяй, бросивший тень подозрения на весь ваш род, умер, вместо того чтобы предстать перед Большим Советом и рассказать о своей славной вампирьей челюсти. Так что будем считать этот инцидент исчерпанным. При определенных условиях, конечно.

Господин Вэйн вздохнул, сбросил еще пару совсем незаметных пылинок и лишь тогда сказал не без ехидства:

— Приятно иметь дело с настоящим профессионалом, который даже в такую непростую минуту размышляет о своем служебном долге. Но осознает ли уважаемый блюститель порядка, в какую серьезную неприятность попали мы втроем?

— Вчетвером, — машинально уточнила я, показав на кошку. — И нечего делать такое лицо. Если бы не эта умная киса, мы бы вас еще долго не откопали.

— Госпожа Лилия права. — Лим устало привалился к заросшей мхом стене. — Этот песок... не просто песок. Вэйн, ты понял?

— Что? Ах ты! То-то я себя так отвратительно чувствую! — Кажется, до вампира еще что-то дошло. И это «дошло» было такое нехорошее, что разом сбило официоз и спесь. — Иссушающий магию! Мой резерв пуст, как... как... как дырявый кошель последнего нищего! Это при том, что я выпил целого полуэльфа, чтоб его!

— И чем дольше ты на этом песке сидишь, тем эта дыра больше, — кивнул Лим и, сам еще покачиваясь от слабости, сделал шаг к вампиру, протянув ему руку. — Вставай. Нам понадобится вся наша сила и весь наш ум, чтобы выбраться отсюда живыми. Как ни противно это признавать, но твои мозги тоже пригодятся.

Я не стала вмешиваться в эти мальчишеские разборки, подхватила на руки не сопротивляющуюся Тишину и зарылась лицом в ее теплый бок. Кошка понятливо замурлыкала, а потом вообще извернулась, положила лапы мне на плечи и принялась вылизывать лицо жестким, как наждак, языком.

Это помогло лучше всякого успокоительного. Я даже подумала, может, и спутникам моим такой экспресс-массаж не помешает, а то новость об отсутствии магии на них подействовала не самым лучшим образом. Нет, они не скисли и не опустили руки, но я чувствовала, как предательская слабость подкашивает и того и другого.

Значит, что? Значит, Лилька, надо мужиков подбодрить. Кошку — Лиму, хозяйина она с большим удовольствием «вылечит», вампиру улыбнуться, труп преступника... фу, забросать бы песком, но сначала — мародерство. Ибо он мне должен гораздо больше, чем сапоги, пояс со множеством отделений, кошелек, нож и рюкзак! Куртку тоже сниму, потому что в платишке холодно, вообще-то. Я бы и прокушенными штанами разжилась, но тут уже побрезговала.

Так, а что еще можно с этого сушеного трупа взять? Вот рука не дрогнет, даже страха перед мертвецом нет. Да и откуда? Он мне живой так нагадил, что теперь одно удовольствие понимать, что больше навредить не сумеет. Так... так. Он же заранее похищение планировал? Готовился, сволочь, ловушки припас, там, на входе, заранее что-то установил. И четко знал, куда идет. А в этот отнорок он вообще целенаправленно пер, шпынь ненадобный. Это говорит о чем? Пра-а-авильно, Лилька! О том, что разумно будет пещерку обыскать, авось чего полезное найдется.

Мужики у теплой моховой стенки притихли, наблюдая за моей деловитой суетой. Мародерство и грабеж трупа ни один не прокомментировал, и осуждения на их лицах я не заметила. Наоборот, они, скорее всего, с удовольствием бы присоединились, если бы могли встать.

Тишина спрыгнула с колен хозяйина и подошла ко мне, с интересом понюхала рюкзак злодея и мяукнула, вопросительно сверкнув желто-зелеными глазищами.

— Ага, — согласилась я. — Сейчас поищем. Зуб даю, где-то у него тут схрон. Поможешь?

— Мяу. — Тишина медленно пошла вдоль стены, явственно принюхиваясь. А потом подпрыгнула на месте, как делает кошка, почуявшая под полом мышь, и начала проворно драть когтями мох на настенных камнях.

— Ах ты моя умница, хорошая киса! — умилилась я, в тусклом свете разглядев среди разбрасываемых мелких камешков потемневшие доски. — Живем, господа! Здесь у него целый склад!

Господа и правда оживились и даже попытались встать, но быстро поняли, что не с их силенками сейчас на такие подвиги рваться. Вампир вообще был еле-еле душа в теле, несмотря на выпитую кровь. Ему оставалось только лежать в направлении цели. А вот господин начальник стражи довольно шустро начал к ней ползти.

И вдруг дернулся, замер на секунду, взглядываясь в полутьму ставшими просто огромными глазами, и как рявкнул:

— Назад!!! Лилия, назад! Тишина!

Глава 59

Меня как током ударило — точно же!!! А что, если ворог оставил в схроне ловушку наподобие той, что мы уже видели?!

Я остановилась. Тишина, непривычная к такой команде, повторила еще несколько когтительных движений. Из стены вывалилась большущая доска или деревянный щит. Тишина проявила реакцию: прыгнула из точки падения на хозяина. Что же касается доски, она рухнула и разлетелась на мелкие обломки, открыв большую нишу. Что-то вроде служебного входа в метро в перегоне между станциями.

Господин Лимеас обнял прильнувшую к нему кошку. Опять не ожидала такой сентиментальности от холодного эльфа.

Соваться в черную пустоту было не особенно правильно. Но придется — умная кисость вряд ли стала бы так стремиться в помещение, лишенное полезной начинки.

Вот что мы сделаем!

Неподалеку от злодея лежал невостребованный камушек-взрывамушек. Я запомнила, что от него есть долгий световой эффект, а взрывной волны не ощутила. Рискнем.

— Мальчики, счас погремлю, — предупредила я и шархнула шариком о каменный пол перед входом.

Внутри осветилась небольшая каменная кладовка, а в ней пара мешков с чем-то и высокий сосуд. Но мое внимание привлек в первую очередь огромный стальной шип или клинок сразу за порогом. Для неосторожной ноги, сделавшей широкий шаг. Когда в ближайшей перспективе никакой квалифицированной медпомощи — травма с претензией на смертельность.

— Бедный ты чмошник, — сказала я труп. — Хотел после смерти напакостить, и это не получилось. Уж совсем не твой день, извини.

Потом я сунулась в кладовку, не без труда вытащила мешки и сосуд, литров на семь. Сосуд — из какого-то тонкого металла, что делало его тяжелым, зато небьющимся. Основным достоинством мешков были лямки.

— Он жил здесь, а не в театре, — раздался хриловатый голос Лима. Я обернулась, чтобы поругать эльфа за излишнюю активность — пусть отдышится, перед тем как изображать неубиваемого героя. Впрочем, он явился в каморку не зря — притащил один из сосудов с горючей смесью, что приготовил злодей. Песок Лим из него выгреб, а горючка на доньшке немного осталась. Вот ее он и поджег с помощью осколка камушка-взрывамушка. Это он к месту поставил догорающий огневой сосуд рядом со стальным клыком.

Потом отвинтил пробку гигантской фляжки. Понюхал, подумал. Чуть отхлебнул сам. Плеснул себе на ладонь, позвал Тишину. Потом дал мне.

Вода, конечно, не «Серебряный родник», но приятней, чем смерть от жажды.

— Укрепляющее зелье добавил, — пояснил эльф, глядя, как я после питья удивленно раскрыла глаза. — Более чем к месту и ко времени.

Я радостно кивнула и покосилась на вампира.

— Ему можно не пить сутки, — усмехнулся Лим, тоже глянув на Вэйна. Вампир, пользуясь тем, что мы отвлеклись и не надо доказывать свою крутость, дремал, прислонясь к моховой стене. Даже мини-взрыв его не разбудил, надо же, как вымотался, бедолага. Полуэльф ему не в коня корм.

— Мы будем ждать помощи? — почему-то шепотом спросила я.

— Нет, — ответил Лим. — Мои люди не смогут быстро разобрать даже первую преграду — каменный обвал. В лучшем случае придет бригада гномов-мастеров, но это тоже время. А когда смогут пройти дальше, надолго застрянут перед песком. Мы не будем ждать. Этот гаденыш шел не просто вглубь, а целенаправленно, значит, есть выход. И он там уже один раз прошел, так что Тишина сможет указать дорогу по запаху. А потом, глядишь, и к нашему спутнику нюх вернется. Отдохнем, чтобы нести тяжести, и двинемся в путь.

Я не возражала. Вот уж чего хотелось меньше всего, так это куковать тут несколько суток напролет, в компании дохлого убийцы.

Вот, блин, как опасно мечтать в детстве! Помечтала, забыла, и вдруг твои мечты сбылись в самый неподходящий момент.

Когда-то я хотела, как Бекки Тэтчер, заблудиться в глубокой пещере с каким-нибудь Томом Соьером. И чтобы за нами погнался злодей, но мы от него убежали бы. И еще хорошо бы в пещере найти клад. И выбраться, конечно.

Мечта сбылась. Я в пещере, злодей уже был, со мной сразу два мальчика, которые хотя эльф и вампир, но постоянно друг друга троллят. Да, немаловажная деталь: мы заблудились. У мальчиков всё под контролем. Якобы. Как только захотим выйти, мы немедленно выйдем. Вот только не выходим.

В путь мы двинулись не раньше, чем выпались. Для моего организма несколько часов сна оказались лучшим лекарством, как и для спутников. Особенно учитывая, что Лим не постеснялся стащить с вампира куртку, снял свою и устроил мне почти царское ложе.

Проснувшийся Лимеас первым делом произвел ревизию трофеев. Кроме воды с зельем нашлось некоторое количество несладких печенок вроде галет, сушеных овощей и вяленого мяса, несколько кусков ткани вроде пончо и кувшинчик с каким-то крепким супервитамином ликером. Это оказался тот же состав, что был в мизерных количествах добавлен в воду. Но нам нужно было много сил, так что Лимеас решил не экономить и выдать всем сразу концентрат. Я сделала небольшой глоток и решила, что после большого можно даже колотить киркой о камни, если была бы кирка.

Мальчики попеременно тащили самую тяжелую поклажу — сосуд с водой. Мне достался самый легкий мешок с провизией. Сразу вспомнила сказку про хитрого носильщика, который выбрал в походе огромную корзину с хлебом и не прогадал: с каждым привалом груз уменьшался.

С мешком, наполненным какой-то местной сушеной морковкой, было примерно так же. Он легчал, и это не радовало. Да и вода во фляге булькала не очень охотно. Похоже, мальчиков скоро ждало удовольствие нести пустой сосуд.

Самое неприятное — похоже, очередной извилистый коридор завел нас туда, где не было никакой спелеологической живности. А что поделать, ведь Тишина упорно вела нас именно по этому пути. Лим пару раз шутил, что, если наш спутник наловит летучих мышей или Тишина ему в этом поможет, нам останется больше воды. Но мышки тут не водились, ни летучие, ни скребучие.

Первое время — не сказать же «первый день» — эльф и вампир спорили, о своих Домах, об истории их непростых взаимоотношений, да и вообще, чей народ круче. Потом сообразили, что от споров, особенно в полутьме, когда от собеседника до собеседника три шага, высыхает гортань. Теперь мы брели молча.

К счастью, не в темноте. Я выяснила, что светится не просто мох, а небольшие белые прожилки. Лимеас набрал их, намотал на палку, и мы получили холодный белый факел.

Все-таки с Лимом удавалось поговорить, благодаря Тишине. Когда мы останавливались на сон — непонятно, ночной, дневной, утренний, вечерний, — она какое-то время спустя будила хозяина, а он — меня.

— У тебя еще не восстановилась магия? — шепотом спросила я.

— Начинает, — ответил Лим нехотя, как любой мужчина, которому приходится признаться в слабости. — Пока она слабее, чем одна белая ниточка нашего светильника. Я вижу в темноте, но Тишина видит дальше меня. Кстати, когда пробудится наш друг, можно спросить, чует ли он кровь.

Проснувшийся Вэйн сделал глоток укреплялки, сосредоточился и сказал:

— Чувствую кровь. Очень далеко, не возьмусь определить расстояние. Непривычная, странная, холодная кровь, и ее очень много.

Не скажу, чтобы новость меня обрадовала. Что за холодная кровь ждет нас впереди? Моя школьная пятерка по биологии была честной, я понимала, что какой-то особо голодный хищный тираннозавр не смог бы выжить в толще земли. Не камнями же питался?

Впрочем, если в школе я бы сказала, что буду гулять в пещере с вампиром, чующим кровь на расстоянии, дело кончилось бы даже не двойкой, а визитом к психиатру.

Поэтому к усталости и жажде добавился бодрящий страх.

Глава 60

Позже усталость всё же победила. Очередной этап пути пришелся на широкую пещеру, заваленную каменными глыбами. Казалось, некоторые встречные баррикады будут до потолка. Но мы прошли участок, из последних сил расчистили площадку, где можно было с трудом улечься, и уснули, почти не поев и не попив. Немудрено, запасы практически подошли к концу. Дурацкие катакомбы! Кто бы мог подумать, что подвалы в храме соединяются с эдаким древним ужасом? Чокнутый эльф, похоже, тут жил годами! Иначе почему Тишина вела нас все глубже и глубже?

Правда, пару раз мы заходили в тупик, обнаруживая очередной обвал. Видимо, самый короткий путь на поверхность оказался теперь недоступен, и кошка упорно искала другой.

На этот раз мы так вымотались, что упали почти где стояли. Засыпая, Вэйн пробормотал, что непонятная кровь стала ближе.

Мне в очередной раз приснился тот же кошмар. Катёнок ищет меня. Реконструирует мой путь. Заходит в тот самый подвал.

Да, я слышала, что портал закрылся. Но во сне он открывался опять, моя дочка подходила к существу, закрытому маской, спрашивала. И шла в ту самую комнату...

Что это?! Мамочка!!!

Пробуждение было столь же кошмарным, как и сон. К моему лицу прикоснулось нечто огромное, тяжелое, холодное. И я мгновенно поняла — это не язык Тишины!

Так, Лилька, спокойствие. Тебя еще не съели. Или ты такая невкусная, или это существо сытое. Вариант, что Оно уже съело всех, включая Тишину, мы не рассматриваем, как слишком грустный. Самые страшные сюжеты уже прокручены в голове, значит, пора открыть глаза и увидеть, что же это такое на самом деле.

«Что это такое, холодное, большое» оказалось огромной тяжелой рыбой вроде карпа, еще трепыхавшейся в тусклом свете. Ее хвост раз за разом смачно шлепал меня по лицу, а в двух шагах от этой живой картины сидела Тишина и смотрела на меня взглядом добытчицы-победительницы. И она имела на это право!

— Спасибо, милая, — сказала я. Осторожно сняла рыбу с себя — килограмма два, минимум. И почти никакого тинного запаха.

Кстати... Где рыба — там вода... Ну Тишина, ну спасительница! Дай я тебя обниму!

Спасительница повела себя правильно. Позволила себя обнять, мурлыкнула, лизнулась. После чего уткнулась из моих объятий, как русалка из рук незадачливого рыбака, и отправилась будить хозяина.

Лим спал совсем рядом. Он проснулся мгновенно, быстро огляделся и, оценив открывшиеся обстоятельства, погладил кошку, а потом тихо сказал:

— Ты нашла нам воду? Какое ты сокровище! Давай сделаем сюрприз для Лильки.

Жаль! А я хотела сама преподнести сюрприз. Просыпайся, мил... ладно, дружок, по крайней мере две проблемы решены.

— Не только воду, — шепотом уточнила я, поднимая за хвост огромного карпа. — Господин Лимеас, если вы найдете лимон, перец и сухари для панировки, а главное — огонь и дрова, нас ждет замечательный обед. Впрочем... даже если не найдете, думаю, с голодухи сырая рыба сойдет за роскошный обед!

Эльф около минуты переваривал информацию. Потом еще раз погладил кошку и попросил ее:

— Проводи нас к воде.

— Мы будем будить нашего друга-кровососа? — спросила я. И, еще не услышав ответ, поняла, что очень не хотела бы этого. Впрочем, не знаю, может быть, нам это бы и не удалось. Вэйн переносил отсутствие магии тяжелее Лимеаса, он очень медленно восстанавливался. И не только «энергетически», но и физически. Ему крайне тяжело давались многокилометровые переходы по подземелью, хотя он всё время шел наравне с нами и ни разу не пожаловался. Зато сейчас спал как убитый, его, такого, по идее, чуткого, даже рыба добыча Тишины не разбудила. А наши разговоры шепотом — тем более.

Лим посмотрел на осунувшегося кровососа и покачал головой.

— Сходим втроем. Судя по весу рыбы, вода близко. Да, Тишина? Умничка.

Кошка сказала «мяйу!», Лим захватил один из пустых мешков, оставшихся нам в наследство от злодея, и мы пошли.

Пещера сузилась, сделала крутой поворот, потом еще один, а потом послышался плеск. Не будь этого затайливого выверта в породе, мы слышали бы звуки воды еще на нашей стоянке. А кое-кто, может быть, и учуял.

Несколько шагов — и коридор привел нас в огромный зал. Здесь было гораздо светлее, чем в тех подземных ходах, которыми мы ползли который день. Прямо заповедник жуков-светляков. Сама же я назвала открывшееся пространство спа-комплексом. С невидимой высоты падала целая река, разбивалась об утес и разделялась на несколько протоков. Один подпитывал небольшое подземное озеро, в котором темным серебром толкались уже знакомые карпы.

— Вот та самая «странная холодная кровь», которую учуял господин Вэйн, — сказал Лим. Подошел к одной из струй, падавших сверху, умыл лицо и только тогда напился.

Я последовала примеру эльфа. Вода неожиданно оказалась и чистой, и теплой. И с привкусом минералки. Да, вон и мельчайшие едва заметные пузырьки на камнях.

— Госпожа Лилия, если вы намерены искупаться, я обещаю отойти, — донесся немного смущенный голос Лима.

Весьма любезно со стороны его эльфейшества. А вода — манила.

Ого! Душ и ванна одновременно. Не воспользоваться этим — грех. Тем более, кхм... неблагоприятные обстоятельства в моем организме уже кончились, но какая нормальная гигиена может быть под землей в походных условиях? Правильно, фиговая. Я всю дорогу радовалась, что вампиру нюх качественно отшибло, а то как представляю, что он там чувствует... бр-р-р. Нет уж, я не привыкла к такой тесной дружбе организмами. А зато тепе-е-е-ерь! Теперь оторвусь за себя и за... еще раз за себя.

Я быстренько сбегала к месту нашей ночевки, убедилась, что кровосос продолжает мирно дрыхнуть, прихватила сумочку с тем, что осталось от моих запасов, и еще один пустой мешок. Если его распороть и постирать, а потом как следует отжать и просушить на теплом камне, будет хоть какая-то замена полотенцу.

Со всем этим скарбом я вернулась к озеру и быстро нашла небольшой пруд, примыкавший к утесу. Разделась, запомнила место — сталактит со следами незалеченного кариеса. И осторожно вошла в небольшую подземную ванну. Вода была по колено.

Эх, раз тут шампунь не предусмотрен, так же как и мыло, то хоть песочек бы был! А фигу, только камушки. Крупные такие. Гладкие. Всё равно приятно. Рыбки если в этом водоеме и водились, то мною не интересовались.

Надо чуть пройти, чтобы поглубже. Дно — ровное, без ракушек и тем более обычных пляжных отходов. О, так глубже. Еще пару шагов...

Всё-таки поскользнулась, упала и сразу оказалась на глубине в категории «по горло». Еще неприятно — тут какое-то течение. Куда уходят воды подземной реки, узнать было бы интересно, но не проверять же на себе!

Я ухватилась за удобный камень, не очень скользкий. Теперь или оторваться от него и назад, с риском поскользнуться. Или лезть наверх... или на помощь позвать. Ну вот уж нет уж, я сама!

Впрочем, меня никто не спрашивал, как я отношусь к женской самостоятельности и независимости. Рядом раздался плеск, и из воды вынырнул встревоженный эльф.

— Дай руку, — сказал он.

Я спорить не стала и через несколько секунд была отбуксирована на подземное мелководье. Кстати, освещенное целым выводком светляков. М-да, а я неглиже. Впрочем, Лим тоже был голый, так что полный паритет.

Что дальше? Поучение, банальности?

— Теперь я понял, куда уходит половина воды из Южной реки, — сказал он.

Замечательная информация! Особенно когда мы оба голые и рядом.

— Выйти наверх будет нетрудно, — продолжил он.

И тут я, сама не знаю почему, рассмеялась. И потянулась к нему, поцеловала.

Потом ощутила его сильные руки и продолжительный поцелуй. И вдруг в пещере стало уютней, чем в самом лучшем отеле...

И... и всё остальное тоже оказалось замечательно!

Мы задремали, я проснулась первой от ощущения, что кто-то смотрит на меня из темноты. Тишина тревожно мякнула.

Глава 61

Сначала я подумала, что проснулся Вэйн и застал нас с Лимом в... кхм... компрометирующей ситуации. Сначала дернулась вскочить, прикрыться, а потом подумала: какого черта? Давно ведь было понятно, к чему всё идет, даже самому тормозному кровососу. А то, что вампир сам имел на меня некоторые виды... ну что поделать... Придется примириться с мыслью, что я — субъект, а не объект. Выбирать-то мне, и я свой выбор сделала.

Все эти думы промелькнули в голове за какую-то долю секунды, а потом я почти сразу осознала, что Вэйна даже близко нет. И Лимеас крепко спит, уткнувшись носом мне в плечо и подложив руку мне под голову так, чтобы было мягче и удобнее. Даже во сне заботится.

На душе стало тепло и приятно. Не знаю, какой-то неземной любви я по-прежнему не чувствовала, просто мне рядом с ним было хорошо, уютно, спокойно и тепло. И хотелось обнять, погладить, прикоснуться. Позаботиться, в свою очередь...

— Они того не стоят, — сказал вдруг у меня над головой резкий женский голос.

Я села так быстро, что Лим чуть не откатился в сторону, едва успела подхватить его голову, чтобы не ударился о камни. И застыла — прямо напротив нашего лежбища на округлом гладком обломке мрамора сидела девушка. Обычная такая, светловолосая, с серыми прозрачными глазами на миловидном абсолютно человеческом лице.

Я не сразу поняла, что у нее не только глаза прозрачные, она вся слегка просвечивает. Как будто качественная голограмма или... привидение. Оппа!

— Они того не стоят, — повторила девушка, глядя прямо на меня. — Ни эльф, ни вампир. И вообще, ни один мужчина. Они не заслуживают нашей заботы и любви. Нашего тепла, нашей самоотверженности и жертвенности. Они умеют только пользоваться всем этим, а потом, когда прискучит или найдется жертва позабавнее — без сожаления выбросят, как старую перчатку.

— А все привидения такие пафосные? — спросила я, поймав паузу в ее трагическом монологе. — Тебя кто-то обидел?

— Обидел?! — Девушка аж задохнулась, хотя и непонятно было чем — она же вообще не дышала. — Меня предали и заставили предать!

— Сочувствую. — Я вздохнула и снова покосилась на спящего Лимеаса, не проснувшегося от этого эмоционального выброса. Теперь мне казалось, что его сон напоминал общий наркоз.

— Угадала. — Девушка немного успокоилась, села на камушке ровнее и склонила голову к плечу. Толстая русая коса скользнула по груди и свернулась кольцом у нее на коленях. — Он не проснется, пока я не разрешу. Точнее, это не он спит. Это ты.

— А, так ты мне снишься? — поняла я, но почему-то почувствовала еще большую тревогу.

— Это не совсем сон. Я ждала тебя больше тысячи лет, и теперь, когда ты пришла в сердце погибшего мира, я сделала так, чтобы мы могли поговорить и нам никто не помешал.

— Слушай... — Во мне родилось одно страшное подозрение. — А ты... Знаешь, я смотрела спектакль. Так вот у героини была подозрительно толстая и длинная бутафорская коса. Она прямо в глаза бросалась, вот как у тебя сейчас. Это не ты?

— Пф-ф-ф! — фыркнуло привидение. — Конечно, нет. Эти предатели превратили мою историю в глупый фарс и развлекаются, кривляясь на потеху потомков подлых бунтовщиков.

Я живо припомнила содержание пьесы и уставилась на собеседницу с настороженным интересом. Не вытерпела и спросила:

— А в кого ты была влюблена на самом деле? Ой, прости... бестактный вопрос. Просто у них там каждый год...

— Я знаю! — фыркнула легендарная личность, точнее то, что от нее осталось. — Глупые выдумки. И теперь не имеет значения, кем из созданных он был. Только то, что я его любила и готова была на всё ради этой любви. А он воспользовался мною, чтобы уничтожить владычество людей. Подонок, которому власть и месть оказались важнее любви.

— М-м-м... — Поскольку я не знала, что сказать, но как-то простимулировать привидение на откровенность было нужно, я прибегла к излюбленной тактике обращения с говорливым собеседником: вовремя вставленное в его монолог мычание, угуканье и сочувственные вздохи считывались как глубочайшее внимание и сочувствие, заставляя мою визави лить информацию еще

более широким, непрерывным потоком.

История была проста и банальна. Люди-маги создали себе игрушки и слуг. Вампиров, эльфов, гномов, гоблинов и орков. У всех были свои функции, но в такие подробности привидение не вдавалось. И все, то есть все люди, жили счастливо, как в древнегреческой утопии, когда даже у последнего землепашца было по три раба. А потом...

Ну, естественно, рабам надоело. Они решили устроить бунт. А поскольку люди хотели иметь умных слуг, то и переворот волшебные расы прокрутили вполне умно и успешно. Используя любовь одной наивной человеческой девчонки — моей собеседницы.

— Вампир он был, — призналась она мне в конце. — Красивый, сволочь, как... как... Твой этот, что там спит, в подметки не годится. В любви мне клялся, а я и поверила, дура. Сама отдала ему в руки ключи от главного храма, где был камень, управляющий ошейниками. Я там на практике оказалась... А потом, когда всё кончилось, этот поганый кровосос посмеялся надо мной и заявил, что только настоящая идиотка могла поверить в его любовь. Что он всегда ненавидел людей, потому что мы подлые порабитители. А я дура, раз смогла предать свой народ.

Привидение словно истончилось, засияло собственным светом, в котором черты ее лица стали более острыми и хищными.

— Он сказал, что это моя вина. Он... смеялся. И все они смеялись! Убивали людей и ржали, купаясь в крови! Вспарывали жи...

Ой, всё! Вот только кошмарных подробностей мне не хватало. С этой бедной чокнутой девчонки станется «показать» мне всё в картинках. Не-не-не!

— Ужас какой! — Я сделала большие скорбные глаза и потянулась, чтобы погладить разошедшееся привидение по руке. Вряд ли это бы получилось — я даже не дотянулась. Но сам жест... подействовал.

— Я им отомстила. — Свет призрака снова стал бледнее и спокойнее, а лицо перестало быть похожим на маску из ужасика. — Отомстила! Но не до конца. Они нашли лазейку! Но теперь, с твоей помощью... моя месть, наконец, свершится в полном объеме!

— Э-э-э... Знаешь, из меня так себе массовый убийца. — Я на всякий случай перестала играть в добрую тетюшку и попятилась.

— А я не собираюсь никого убивать, — сладко улыбнулась полупрозрачная девушка. — Не-е-ет, у меня совсем другие планы. И спорю на бессмертие, тебе они тоже понравятся!

Глава 62

...В прежней жизни я однажды услышала выражение «генетический раб». Услышала по радио, сразу переключилась. Я не биолог-генетик, но понимаю — чушь дремучая. Рабство половым путем не передается.

Но это в моем мире. В здешнем, магическом, всем человеко-похожим существам в незапамятные времена в момент создания была встроена матрица подчинения. Хитрые рабы смогли дезактивировать и обычные ошейники, и невидимые. Бунт грянул внезапно, людские маги просто не смогли собрать конклав и запустить систему подчинения коварных невольников.

— Все сильные маги погибли, а я успела проклясть победителей и сбежала сюда, в Пещеру силы. У меня не было магических артефактов, но здесь я за сотни и тысячи лет сама стала волшебным артефактом, самым сильным в этом мире. Такого в нем не бывало никогда, — заявила Привиденька с отчетливым удовольствием.

— Что ты можешь сделать? — спросила я.

— Я — ничего, — печально заметил призрак. — Но ты, человек из плоти, можешь воспользоваться моей силой и восстановить справедливость — подчинить себе этих ничтожных существ.

— Зачем? — немного растерянно спросила я.

— Ну подумай сама! Это же так здорово, — нетерпеливо ответила Привиденька, показывая на Лима. — Он не сможет предать, не сможет бросить, не сможет обидеть. Всегда будет рядом и станет исполнять любые твои желания! Никакой ревности, никаких вопросов, безусловная любовь и преданность! А захочешь — и у тебя будет не только эльф, но и вампир, и даже не один. И все будут тебя обожать, ты будешь для них богиней! Один рядом с тобой, остальные поедают его завистливым взглядом. И тысячи тысяч простых рабов! Ты прикажешь каждому из них: прыгни туда, — Привиденька указала на невидимую воронку, куда уходила подземная река, — и он радостно исполнит приказ.

Ничего себе, Лилька, перспективки! Между прочим, и месяца не прошло, как в другом подземелье на тебя саму чуть не надели рабский ошейник! Теперь же ты сама станешь царицей на этой земле, а может, и владычицей морской по совместительству!

«Просыпайтесь, господин Лим. Давайте-ка для начала, для проверки, стукнитесь головой о камень. Слегка — мне нужны здоровые рабы. А теперь прыгните в тот пруд и не возвращайтесь без рыбы в зубах. Быс-тро!»

Поиграть в такую игру было бы интересно. Но ведь это не игра. Такое владычество, как и рабство, оно навсегда. Затянет — не выплывешь.

Неподалеку тревожно мяукнула Тишина. А как она отнесется к тому, что ее друг станет чьим-то рабом? Ведь она — свободная тварь. Или мне и к ней применить какую-нибудь магию владычества? Ну-ка, прыгни на меня, без когтей. Мурлыкай и не уходи, пока мне не надоест! Быр-р-р!

— Я жду ответа, — раздался нетерпеливый голос Привиденьки.

М-да, не так давно отделалась от маньяка во плоти, а сейчас перед тобой — маньяк призрачный. Говорим ему всё, кроме «нет». Это — успеется.

— Как я должна воспользоваться артефактом, в смысле тобой?

— Очень просто, — ответила жертва любви минувших дней. — Коснуться меня и сказать: «Я согласна». Ты обретаешь силу, подчиняешь потомков гнусных мятежников и, когда месть завершена, даришь мне дар.

— Какой? — спросила я, слегка холодея. Может быть, моя собеседница захочет воплотиться, искушавшись в крови детенышей всех пяти народов сразу? Таких, как Игги, например.

— Отпускаешь меня, — тихо сказала Привиденька. — Жить, утратив плоть, — это мучение. Я исчезну и, надеюсь, успею сказать тебе спасибо. Но ты не сможешь меня отпустить, не взяв перед этим мою силу.

Уф-ф, ее планы не кровожадны, а вполне естественны — отомстить и раствориться. Да еще я буду рулить процессом и смогу остановить его, когда захочу.

Но у меня есть привычка. Как у некоторых пациентов — не просто сесть в стоматологическое кресло: доктор, лечите! А еще и поспрашивать про карту лечения — что удалят, где высверлят, когда идти в следующий раз. Если платная — сколько всё стоит.

— С чего мы начнем нашу месть? — спросила я.

— Чтобы очистить водоем, надо перекрыть воду, — сказала Привиденька. — Ты должна закрыть проход в мир, из которого поступают чистокровки. Твой мир, — уточнила она.

Ух ты, угадала мою мечту! А погоди-ка...

— А мне хватит силы побывать за дверью, перед тем как ее закрыть? — поспешно спросила я.

— Хитрая какая, — усмехнулась Привиденька. — Захочешь там остаться, да? Нет, так не сработает. Тот, кто один раз пересек границу мира под воздействием силы, уже не сможет вернуться обратно в своем теле.

— А гоблины тогда как шастают?!

— А они не шастают. Туда за добычей по жребию уходят смертники. Когда их миссия закончена, они либо выпивают яд, от которого тело рассыпается в прах, либо самые хитрозадые сбегают и приспосабливаются жить среди людей. Не с пустыми же карманами они туда прыгают.

Я только вздохнула. А Привиденька продолжила:

— И к тому же тело твое здесь, а проход аж в гоблинских горах. И вообще, в твоем мире сила тебя очень скоро покинет. И ты останешься в нем царицей без короны, помнящей, кем могла стать, но не захотела. Ты там вообще будешь призраком, только бессильным. Тело-то, еще раз говорю, останется здесь. Кстати, чем тебе интересен тот прежний мир? Может, ты была в нем придворной дамой? Дочерью полководца, женой самого знаменитого богача?

Сказано было не без насмешки. Я вспомнила спектакль, вспомнила, что героиня — дочь какого-то могущественного мага. Тут тебе и школа злословия, и школа презрения, усугубленная тысячью лет призрачной жизни.

— Мне нужно увидеть людей, которые для меня важны, — просто ответила я.

— Если тебе это так нужно, ты сможешь их увидеть. Но запомни: самое лучшее, что ты можешь сделать для твоих дорогих людей, — закрыть переход.

Всемогущество оказалось очень простым, даже скучным. К тому же — бестелесным. Конечно, по своему любопытно. Показалось, что от меня остались два летучих глаза. Эти глаза увидели каменную толщу, но не стены пещеры, а стену, отделявшую этот мир от моего. Однако в стене было множество дверей. Закрытых для гоблинов-поработителей, зато для меня — открытых.

Разумеется, я выбрала недавнюю дверь. И мгновение спустя оказалась в знакомом подвале, только без мебели, медицинских плакатов и прочих аксессуаров лжеклиники. Покинула гнусное помещение, на окне которого с внешней стороны висел плакат «Аренда» с номером телефона. Просто подумала, где мне надо быть. И одним прыжком очутилась в собственной квартире.

В комнате горел свет. Моя дочка, мой Катёнок — дома. Как я была бы рада обнять, прижаться к ней. Увы, мне дано только видеть и слышать.

Глава 63

Катёнок похудела. Под глазами появились темные круги. Еще бы, мама без вести пропавшая.

Доча говорила по телефону. Никогда не подслушивала, но один-то раз в жизни можно.

— Мариночка, насчет Пашки ты ошиблась. Мне очень с ним повезло. Искал маму со мной все это время, землю рыл буквально. Десять запросов составил, я не смогла бы. А что он слегка заика — это выправим. Сейчас жду с работы. В хирургии его смена в десять заканчивается.

Паша... Вспомнила — да, есть такой невзрачный мальчик с золотыми руками. Ходил за дочерью тенью с ее десятого класса, когда они на какой-то туристической тусовке познакомились. Я тогда присмотрелась и сказала Катёнку: это не мужчина-праздник. Это мужчина-будень. Самый лучший вариант. И даже, как выяснилось, мужчина проблемных дней. Жаль, что мне пришлось исчезнуть, чтобы Катёнок это поняла.

На коленях дочки — планшет. Что мы гуглим? Свадебное платье, недорого и красиво. Эх, мне не погулять.

И не поговорить с дочкой. И в голову ей не влезть.

Зато можно влезть в планшет. Ух ты, как просто.

Большие буквы поверх экрана. «Катёнок, не беспокойся. С мамой всё в порядке. Лилька».

Надпись на экране, поверх всех открытых приложений, помигала и застыла. Мне хотелось, чтобы Катёнок точно поняла — это не глюк программы, не чья-то дурацкая шутка, это всё по-настоящему.

Конечно, я немного поторопилась. Потому что дочь вскрикнула и уронила планшет. Я обругала себя последней душой, глядя, как она прижала пальцы к дрожащим губам и смотрит на гаджет как на случайно заползшую в комнату гадюку. Бедная моя девочка... ну как мне тебя успокоить? Как не напугать еще сильнее?!

Катёнок тем временем наклонилась и подобрала планшет. Экран неудачно ударился об угол стола, когда она его уронила, и пошел трещинами по темному фону навсегда погасшего экрана. Какую машинку... Только вот белая табличка с надписью никуда не исчезла.

— Ма-а-а? — тихо и жалобно переспросила Катя. — Мам? Ты...

«Я ненадолго, Катёнок, только предупредить, что со мной всё в порядке. — Не знала, что призраки могут плакать, но из моих невидимых глаз сейчас градом катились слезы, и я их чувствовала. — Катёночек, ты умничка и моя самая любимая девочка. Ты всё сможешь и будешь счастлива, я знаю!»

— Мам, но как? Куда... где ты?!

«Помнишь, мы книжки читали про другие миры? Вот меня и занесло. Всё как в сказке, и даже эльф есть. — Буквы торопливо скакали по экрану, а я отчаянно старалась успокоить своего ребенка. — У меня всё-всё хорошо, правда. Я только очень скучаю... но вернуться не могу — это невозможно. Зато я смогла попрощаться и рассказать тебе!»

— Мам... — Катёнок опять заплакала.

«Не реви. — Даже строчки на разбитом экране выглядели строго. — Тебе нельзя, ты беременна. — Не знаю как, но я сейчас ясно видела в районе ее едва наметившегося животика теплое свечение и понимала, что оно означает. — Ты у меня сильная и умница, и вообще самая лучшая. Всегда помни об этом. И мужчину ты себе выбрала правильного, молодчинка. Я точно знаю, этот не предаст. Да, и еще: на даче за дровами в правом углу под полом стеклянная банка, там двадцать пять тысяч евро на черный день. Выкопай. Это моей внучке на рождение. Документы на квартиру бабушки нашла? Умница».

— Мам... я тебя люблю... мам...

«Я тебя тоже, маленькая. Очень-очень. И верю, что когда-нибудь мы обязательно встретимся. А сейчас мне пора. Обещай, что прекратишь поиски и займешься своей жизнью. Обещаешь? Всё равно тот проход, через который я провалилась, закрылся навсегда». — Тут я немного слукавила. Еще не закрылся, но уж я об этом позабочусь.

— Мамочка...

«До свидания, Катёночек. Будь счастлива. У меня тут немножко магии завелось, так вот. У тебя всё

будет хорошо! Помни об этом!»

Я сделала над собой какое-то сверхневероятное усилие и шагнула к дочери, на мгновение ощутив свое тело — пусть призрачное, но и настоящее тоже. Поцеловала зареванную Катю в лоб, встретила с ней глазами, улыбнулась и...

Мир завертелся-закрутился в воронку, я почувствовала, что меня тянет куда-то со страшной силой, прямо сквозь стены дома, вдоль ярко освещенных дорог с бегущими в разные стороны людьми и машинами, через парк, вдоль канала, туда, к неприметному подвалу в одном из спальных районов. И дальше, дальше, сквозь толщу каменных стен, мелькание непонятных образов, каких-то полос, картинок, людей, существ, историй...

Я возвращалась в мир, в чужой мир, уже ставший для меня своим. С каждым мигом ко мне возвращалась сила. И возвращалась тревога.

Ведь у дочки та же самая группа крови. Да, опасность минимальна. Как один незакрытый люк из тысячи.

Но я не буду спокойна ни в одном из миров.

Надо успеть. Свести все проходы между двумя мирами к одному коридору. По которому я лечу через открытую дверь.

Продолжаю визуализацию. У двери — ручка. Пусть она шатается на разболтанных винтах. Схватить ручку в полете, выдернуть, захлопнуть единственную дверь. И вцементировать в стену!

Здесь больше нет двери! А бесполезная ручка растаяла в моей руке.

— Уф-ф-ф! — сказала тело, в которое я вернулась. После чего потребовало воды, и я ловила ртом струи водопадика почти минуту.

— Ну ты даешь! — В полутьме пещеры Привиденька развела руками и вытаращила на меня круглые глаза. — Настоящее благословение! Как ты смогла?! Ведь в том мире нет магии!

— Я же мать, — вытерев слезы, улыбнулась я. — А это сильнее всякой магии.

— Ну да, ну да... Теперь у этой девчонки всё будет как по волшебству — лучше всех. Ну, никаких драгоценных камней с неба, конечно, но в обычной жизни просто отлично всё. И здоровье на зависть, и ребенок тоже здоровый, спокойный и умный, и муж станет любить и баловать... Захочет чего-то добиться — все обстоятельства станут складываться так, что усилия даром не пропадут. Эх... мне бы так в свое время, — с легкой завистью сказала Привиденька, глядя на меня немного обиженно. — Но даже в нашем мире магии материнское благословение было очень-очень... м-м-м... редким даром. Не каждая мать так могла, и совсем не каждая хотела всё отдать ради ребенка. Моя вот... А! — Она махнула рукой и надула губы. — Даже вспоминать не хочу!

— Ну и правильно, зачем о таком помнить, — покладисто кивнула я, внутренне расцветая от одной мысли, что с моей девочкой всё будет хорошо. Катёночек, всё, что я могла, я сделала, теперь ты сама... Ладно. Не стоит отвлекаться. У меня еще важное дело осталось, да и потом тоже всё будет ой как не просто... с этой мстью.

— Надо бы проверить, насколько хорошо закрылись проходы, — попыталась я отвлечь призрачную девушку от нехороших мыслей. А то у нее настроение испортится, и мало ли к чему это приведет.

— Нету больше никаких проходов, — улыбнулась Привиденька. — Закрылись! Срослись! Вот гоблины сейчас по пещерам мечутся — паника-паника! Ужасно смешно! — Она вдруг подпрыгнула на камне, взлетела под потолок пещеры и перекувыркнулась в воздухе. — Так им и надо! Так им и надо!

— Ну закрылось, и ладно. — Я вздохнула. Гоблинам сочувствовать у меня что-то не получалось, но...

— Теперь пора исполнить вторую часть проклятия! — Тут ее лицо снова заострилось и стало неприятно-хищным. — Давай! Разбуди этих... и пусть они снова станут рабами, как им и положено!

Глава 64

— Чьими рабами? — спросила я.

— Твоими и возрожденных людей, — пояснила Привиденька. — Сила позволит тебе обновлять собственное тело. Ты не станешь моложе, чем сейчас, но сможешь не стареть. Тебе придется потрудиться — годами, десятилетиями, веками осматривать колыбели и оставлять чистокровных людских младенцев. Они будут расти свободными, в отличие от новорожденных тварей: их удел — рабский ошейник с детства. Когда дети вырастут, ты станешь королевой свободного народа и сможешь править столько, сколько захочешь. Веками скитаться призраком по безлюдным пещерам — это очень скучно. А вот быть всевластной правительницей, когда у тебя есть тело, наверное, интересно. Жаль...

Привиденька вздохнула так печально, что мне захотелось прижать к себе призрачную бедняжку, погладить, утешить, как Катёнка. Она должна завидовать мне, получившей силу и сохранившей тело. Вроде бедной девчонки, глядящей из-за кустов на счастливицу Ассоль, поднявшуюся на борт и целующуюся с красавцем-капитаном.

Согласна, тут есть чему позавидовать. Живешь, правишь. Подошла к зеркалу, увидела подобие морщинки, велела ей убраться без «крибли-крабля-бумс». Не надо краситься... Кстати, и есть можно что хочешь, сколько хочешь. И всё равно ты красавица. Да еще и постоянно меняются мужчины. Надоел тот же Лимеас — сплвила его в какой-нибудь эльфийский лес и нашла другого эльфа. Или другого вампира.

Будь я в возрасте Ассоль, ну, или Привиденьки — она ведь умерла очень молодой и ни капли не повзрослела за века призрачного существования, — такая перспективка меня могла бы увлечь. Но к своему почти сорокату я немножко нагуляла ума и понимала: эта радость надоеет быстрее, чем кажется. Менять мужчин, менять бриллианты, менять яхты... что там еще. И самой не меняться. Да тут сама себе покажешься ведьмой, когда в очередной раз взглянешь в зеркало.

Да, кстати... Ведь у моего всемогущества есть еще и обязательная программа. Отделять людских детенышей от «генетических рабов» и проверять, надежно ли закреплены невидимые ошейники.

Блин, это не «разрушительница оков», это «надевательница оков».

— И что же делать с теми младенцами, с которыми не совсем понятно — человечки они или рабы? — осторожно спросила я призрачную собеседницу.

— Тот, кто не успел узнать жизнь, не успел приобрести страх смерти, — беспечно заметила Привиденька. — Надеюсь, те, кому положен ошейник, позавидуют их быстрой и легкой участи.

О-го-го-шеньки! От изумления я даже вспомнила, как детоубийство будет по-научному — инфантицид. По вечерам примерять новые платья с новыми подвесками, а по утрам заниматься селекциями, склонившись к чужой колыбельке! Нет уж!

— Мы начинаем? — спросила Привиденька с легким нетерпением. — Ты должна помнить: ты не просто взяла мою силу, но для того, чтобы исполнить мою волю. И если ты откажешься, магия покинет и тебя, и весь этот мир навсегда. Они останутся без всего того волшебства, что украли у людей, и в конце концов выродятся... в тех же обычных смертных, только без магии! Будут дикарями, ха-ха!

— Послушай, — начала я неторопливо, заранее зная, что Привиденька меня не поймет. — Ты знаешь, что я, говоря по-вашему, чистокровка из другого мира? Так вот, не так давно я сама чуть не оказалась на помосте работорговцев и чуть не была продана как товар. Я помогла другим рабам сбежать от хозяев, и они помогли мне. Потому что и для меня, и для них свобода была важнее всего...

Не слишком ли пафосно? В призрачных глазах Привиденьки мелькнуло искреннее недоумение, потом — презрительное разочарование. Но я представила, как повзрослевший Игги найдет свою половинку, та родит ребенка, а затем в дом припрется некто, чтобы решить — сделать ли нового жителя рабом, объявить свободным, если доминируют человеческие признаки, или выбросить, как мусор.

Да и сам забавный Игги, и ворчливая бабушка Му, и добрый недотепа Матео — все эти свободные существа станут рабами? Нет!

— В этом мире у меня появились друзья. Не только те, кто спят в пещере. И вот что я тебе скажу... Они бы посчитали давнюю месть ваших слуг справедливой. Потому что создавать разумных существ как рабов — свинство. И обижаться, когда за него прилетит ответка, глупо. Я не хочу быть ни свиньей, ни дурой. Поэтому извини. Я не сделаю того, что ты от меня хочешь.

Бывают ли призраки-хамелеоны? Судя по тому, что я увидела, — да. Привиденька на миг стала зеленой, потом желтой. Помня правило светофора, я предположила, что сейчас несчастная покраснеет. Она так и сделала, но успела перед этим побывать синей и черной.

Потом обрела прежнюю прозрачность и дар речи.

— Так у тебя здесь появились друзья? Ты начала новую жизнь? — спокойно сказала она, глядя на меня призрачным взглядом. — Как странно. Как интересно. Чем же ты так дорожишь в своей прежней жизни?

Я приготовилась к язвительным упрекам. Но предвидение — не мой конек.

Взгляд призрака стал еще пристальней...

...Темная пещера. Я запрокинута головой вниз, ударяюсь о камни. Но боли нет. Только страх и тоска, что же со мной сотворит мстительный душегубец?

...Ночная улица. Я бреду по ней в компании Игги и бабушки Му. Ничего не знаю, кроме того, что городская стража кого-то ищет, мой дом неведомо где, а вокруг лишь тоска и страх.

Это что? Призрачная зараза решила прокрутить мое прошлое? Показать самые интересные моменты прежней жизни, которыми я должна дорожить?

Дверь реанимации. За ней моя мама. Ее я больше не увижу.

— Никого не велено пускать! Разве непонятно?! — почти рычит санитарка, похожая на боевую самку орка.

...Я умоляла, плакала, предлагала деньги, но меня так и не пустили.

Другая больничная палата. Вот здесь мне быть разрешено. Загипсованная Катёнка. Навернулась со скейта, перелом правой ноги и двух ребер. Всё срастётся, всё будет в порядке, но тогда я этого еще не знаю. Мне не дано знание, сейчас мне дан тогдашний страх.

Голосовое сообщение от Сани. Дорогая, прости... Особенно за то, что в такое непростое время... Любовь времени не выбирает... Это настоящая любовь, я искал ее всю жизнь... Тебе сейчас трудно, прости... Буду присылать деньги.

Прислал только один раз. А потом какие алименты с безвременно безработного?

— Эй, русалки, вам не скучно?

Дикий пляж рядом с лагерем. Я и Анька решили искупаться в самоволке. А трое прыщавых местных решили прогуляться и взять силой то, что им не дают. Мы отобьемся и убежим. Но я сейчас этого не знаю. Зато тот липкий страх...

— Мяйу-у-у!

Или Тишина почувала неладное, или ей надоело одиночество, но она с разбега прыгнула на колени сидящей статуи, загнанной в самые печальные воспоминания. А так как прыгнула издали, то прикогилась, чтобы не свалиться.

Естественно, я очнулась.

— Брысь, — холодно произнес призрак. Тишина недовольно мяукнула.

И тут я разозлилась. Шантажировать? Прессовать?

— Нет, это ты брысь! — резко сказала я, а потом по какому-то наитию добавила: — Я тебя отпускаю! Вместе с твоей силой!

Меньше всего я ожидала, что эти слова вызовут такой эффект.

Глава 65

Вэйн Рин Корван

Слышал когда-то простенькую мудрость: чем слаще сон, тем кислее пробуждение. А еще слышал, что каждую мудрость однажды придется испытать на себе.

Именно так сейчас и произошло. Мой сон был сладок и интересен. Я ощущал, что неподалеку присутствует волшебная сила. Мне вспоминались легенды, в том числе о призраке подземных озер, но сон не позволял их уточнить. Для этого следовало проснуться, а просыпаться не хотелось. Волшебная сила казалось близкой, доступной, как плод на ветке, до которого можно дотянуться, едва пожелаешь. А значит, зачем торопиться? Сон сладок, времени много, Вэйн Рин Корван всегда получает то, что пожелает.

Короче говоря, просыпаться после такого сладкого сна оттого, что на тебя падает потолок, — это перебор. Грохот, клекот какой-то, пыль столбом, земля трясется — подскочишь тут, как в одно место ужаленный! Едва успел увернуться от какой-то особо увесистой глыбы, чуть не разможжившей мне голову!

Камнепад прекратился далеко не сразу, и только тогда я обнаружил, что моих спутников рядом не было. Куда делись? Их не завалило, это точно, значит...

Я машинально принюхался и вдруг понял, что вместе с толикой магии ко мне вернулась еще какая-то часть моего чутья. Так, значит, пойти по следу я могу и... Еще до того, как я нашел этих двоих, что-то произошло с глазами. В подземелье пробился дневной свет! «При свете откапывать проще, если, конечно, я захочу их откапывать», — мелькнула мысль.

Еще несколько прыжков — и я оказался у цели. С первого взгляда стало понятно — никого откапывать не придется, но картина меня не обрадовала.

Часть свода рухнула, образовав над головой дыру величиной с небольшую городскую площадь. Основная масса обломков свалилась в подземное озеро, но и берегам досталось. А у воды стоял самый гнусный эльф города и держал на руках госпожу Лилию. То, что Лимеас и чистокровка были абсолютно нагими, говорило о многом.

У этой картины был еще один зритель и участник. Безобразная, но, отдадим должное, умная и сильная бестия направлялась к паре. В зубах у кошки было платье.

— Господин Лимеас, похоже, ваша питомица нашла себе новую хозяйку, — заметил я как можно саркастичней. — А вот вы нашли не самое подходящее время и место для репетиции альтернативного финала пьесы «Проклятие».

Мое появление произвело ожидаемый эффект. Лилия очнулась (кажется, она была без сознания еще минуту назад), выскользнула из объятий эльфа и секунду спустя была в платье.

— Господин Вэйн, — ответил мой враг с особо яростной холодностью, — подростковая страсть к подглядыванию, в сочетании с детской болтливостью, не красит солидного мужа. Похоже, в вашем Доме учат только побеждать любой ценой, но не учат, как вести себя при проигрыше.

Ярость на миг затопила меня, но я справился с ней, прикинув шансы в прямой схватке. Мы безоружны оба, однако со мной клыки и я одет, что дает уверенность. Впрочем, рядом с эльфом россыпь надежных булжников. И на его стороне опасный хищник...

— Мальчики, — раздался слабый, но бодрый голос госпожи Лилии, — вы будете ссориться на этом уютном берегу или мы попытаемся его покинуть?

— Мне предпочтителен второй вариант, — ответил Лимеас, добавив, что лично он ни с кем не ссорился, и проигнорировал мою саркастическую ухмылку.

— Тогда давайте поторопимся, — заметила чистокровка.

Конечно, перед тем, как поторопиться, я умылся в водопаде. За это время бестия начальника стражи отыскала относительно пологую тропинку, годную и для четырех лап, и двух ног. Потом я и Лим, не сказав ни слова друг другу, разрезали ненужные больше мешки и сплели страховочные веревки. Вряд ли прошел час, как мы совершили не очень долгое и трудное восхождение. К тому же на последнем этапе нам помогла группа окрестных поселян-огородников, пожаловавших на место непонятого провала, то ли ради интереса, то ли ради поживы. Кто-то даже прибыл на повозке. Господин Лимеас, отдаю ему должное, мгновенно навел порядок: запретил приближаться к провалу, потому что своды были очень ненадежными, выставил стражей из числа самих поселян

(глупые землепашцы раздулись от гордости и зыркали на своих же любопытных соплеменников с грозной решительностью), убедил первого попавшегося возницу с телегой, что его долг — везти нас в Город, тем более что до него было меньше часа езды.

В дороге я обдумывал недавние события. Да, пробуждение — хуже быть не может. На свежем воздухе, вдалеке от давящих стен пещеры, в щелях которых был всё тот же проклятый иссушающий песок, ко мне полностью вернулась магия, и я окончательно понял, что застал в солнечном свете лишь последний акт известного древнего действия. Точнее, взаимодействия.

Шустрый эльф увел у меня эту женщину буквально из-под носа. М-да. Отступить, смириться? Нет! Во-первых, не мой обычай. Во-вторых, именно сейчас Лилия показалась мне особенно желанной. Да, она не колдунья. Но в ее крови просто играла магия, как волнуется после шторма вода. Я должен узнать, что случилось, пока я спал: сон о бродившей неподалеку силе не был случаен.

Но и без этого я не мог забыть недавний поцелуй. И да, ее ответ — крепкий, почти не женский удар. Подружиться с такой удивительной женщиной, покорить ее — возможно, самое главное и самое трудное дело во всей жизни. И если она разочаруется в глупом и слабом эльфе, если останется наедине с этим миром, тогда она моя!

Я не мечтатель. Я сам создам это «если».

Как я и ожидал, в воротах Лим велел остановить повозку, чтобы обсудить с начальником караула недавние события. Я тоже не терял времени — послал мысленный приказ ближайшему слуге явиться к южным воротам. А сам сделал вид, что утомился, и присел на скамейку под деревом, но так, чтобы видеть оставшуюся возле телеги парочку. Прохиндей-слуга появился через три минуты и, следуя ментальному приказу, подошел через кусты, так, чтобы мои спутники его не видели. Я прервал его вопросы, вытащил из его заспинного мешка кусок коры запомни-дерева и надиктовал небольшое послание, изменив заклинанием голос. Узнав, по какому адресу его следует доставить, слуга удивился так же, как и когда впервые увидел меня.

— Ты не ошибся. Поспеши — и, если все удастся, будешь награжден, как если бы убил моего врага.

Через секунды слуги не было на месте.

Тем временем прибыл экипаж стражи, крестьянскую повозку отпустили, и мы направились в Башню. Попытка Лима расстаться со мной была деликатно пресечена — я заявил, что являюсь членом Малого Совета и хочу как можно скорее оказаться в цитадели охраны правопорядка, чтобы задать нужные вопросы.

Вопросы действительно следовало задать. Несмотря на ранний вечер, улицы выглядели удивительно пусто — закрытые ставни, редкие прохожие, как правило вооруженные, с подозрением поглядывавшие на других прохожих. Лим рассказывал госпоже Лилии, что в Городе неспокойно: большинство горожан так и не поняли, что случилось в театре, и удивились, что начальником стражи стал вампир. Происходят ссоры, конфликты, а стража действует нерешительно.

Наконец мы прибыли. Первым по ступенькам промчалась облезлая кошка, следом — Лимеас, по-прежнему державший госпожу Лилию за руку.

Если мой план сработает, в этот вечер он прикасается к ней в последний раз.

Глава 66

Врага надо знать. А так как главный враг моего народа — эльфы, мне известны их обычаи и повадки не хуже, чем среднему ученику эльфийской Лесной школы...

Эльфы — гордецы. Им хватает наглости утверждать, будто люди в древности их не создали, а поработили свободное племя. Такой заявке надо соответствовать. Поэтому у эльфов много законов, существующих с незапамятных времен. Со стороны некоторые могут показаться эталоном жесткости и дикости, даже для орков. В таком случае эльф пожмет плечами и спросит: «Когда этот канон применялся в реальности?» И никто не вспомнит.

Но закон существует. И для главы великого эльфийского Дома он подкреплён магией. Например, закон Залого.

Глава-отец может влиять на судьбу детей. Если вопреки его воле сын стал офицером стражи (вы поняли, о ком речь!), отец может это запретить. А мать — поручиться, что сын поступил правильно. Так как поручительство очень серьезное, она ручается собой. Даже клянётся.

Так бывает редко. В девяноста девяти случаях из ста история без трагического продолжения. Иногда, если бедная эльфийская девица вышла за богатого гнома, ее отец этого демонстративно «не одобрил», но мать разрешила, произошла невинная житейская хитрость. Соблюдена честь рода, а выгодный брак состоялся. Или сделана хорошая карьера. На словах юнец или юница провозглашены отступниками, на деле все довольны и счастливы.

Но иногда происходит сотый случай. Отец, годы спустя, признает поступок сына-дочери недостойным и проклинает. Тем самым он проклинает и свою жену. И вот тут начинается самое интересное. Магия главы не позволит сыну-отступнику принять проклятую мать в свой дом и кормить ее до старости. Он ей даже через третьи руки не сможет денег передать. А из дома мужа ее выгонят. На улицу.

И никто не подаст несчастной даже куска хлеба — эльфы побоятся проклятия своего главы, а другие Дома... А какое дело другим Домам до эльфийской выбраковки? Богатые и знатные не полезут, потому что могут нарваться на месть, те, кто попроще, тем более не свяжутся. А многие из ничтожеств с вечно уязвленным самолюбием радостно отыграются на бывшей высокой госпоже.

Изгнанной эльфийке остается только умереть с голоду или удалиться в Высокий лес. Где заснуть последним сном, как уверяют жрецы — сладким.

Господин Лимеас немедленно направился в кабинет, совещаться с моим соплеменником-полукровкой. Госпожу Лилию этот гнусный эльф унес на руках туда же. Он ей вообще идти не давал, впрочем, понятно почему: туфельки прекрасной госпожи, как и сапоги выпитого полукровки, в которых она шла по каменным полам пещеры, — всё осталось под обвалом. Не ходить же ей по грязным улицам и холодному камню коридоров босиком?

Тут я Лимеаса понимал и злился. Потому что Лилия не возражала против его объятий. Она втроем скрылись в кабинете, а я задержался в приемной.

По пути начальник стражи сказал, что, если я подожду, он доложит мне, как члену Малого Совета, обстановку в городе. Отличный повод понаблюдать за будущим представлением вблизи и подхватить выпущенный из рук приз.

Так что я только кивнул самоуверенному отступнику и тонко улыбнулся. Зачем знать господину Лиму, что необходимые сведения я получу и без него. Причем прямо сейчас.

Скоро в приемной показался секретарь Хвыщ. Он спешил к начальнику, но был вынужден задержаться для разговора со мной. Причина уважительная: жалованье, которое с недавних пор секретарь получает от меня, в полтора раза больше официального. Поэтому первый доклад ему пришлось сделать мне.

— Сколько дней отсутствовал начальник стражи на своем посту? — спросил я, желая заодно узнать, сколько длилось наше подземное приключение.

— Сегодня уже четвертый день после страшного скандала в театре, — пояснил Хвыщ. — Господин Лимеас передал полномочия, но не передал власть. Его помощник Флесс так и не утвержден Малым Советом, его не слушают офицеры. На завтра назначено внеочередное заседание Большого Совета, впрочем, это должно быть вам и так известно...

— Я плачу тебе не за твои предположения о том, что мне известно, а за ответы на вопросы. Что ты

знаешь о повестке Совета?

— Он должен решить вопрос о новом начальнике стражи. По моим сведениям, даже эльфы не желают, чтобы господин Лимеас сохранил свой пост. Особенно разъярен его отец. Мне донесли его слова: «Я был бы больше рад, если бы стражу возглавил гоблин, чем ничтожество, которое, к сожалению, мой сын!»

Последние слова гоблин Хвыщ произнес немного сердито. А я — улыбнулся. День начался хуже некуда, но к вечеру стал очень уж хорош!

— У меня для тебя две приятные новости и одна маленькая просьба. Первая — если ты сделаешь сегодня всё как надо, то получишь пятьдесят золотых сразу. Вторая — еще неизвестно, кто станет новым начальником стражи, но ты в качестве помощника — подходящая кандидатура.

Честно говоря, люблю фейерверки. На миг показалось, будто Хвыщ испил из ручья вечной молодости и чуть не взлетел к потолку, надо сказать, достаточно высокому.

— Благодарю, господин Рин Корван, но предполагаю, что маленькая просьба не будет простой.

— Ты, как всегда, прав. Во-первых, уже очень скоро в этом кабинете произойдет бурная сцена. После сцены велика вероятность, что господин Лимеас покинет кабинет в не совсем разумном состоянии. Позаботься, чтобы он случайно не захватил печать и другие атрибуты власти. Во-вторых, его помощник, мой незадачливый собрат-полукровка, будет расстроен. Дай ему укрепляющее питье с этим орешком. Не беспокойся, он лишь уснет на полдня. Да, и когда начальник стражи удалится, а помощник заснет, ты успеешь оформить его последнее решение относительно преемника и засвидетельствуешь перед офицерами.

Хвыщ в некоторой растерянности взял из моих рук маленький шарик.

— Господин Вэйн, я признателен вам, но...

— То, что я прошу, — сущая мелочь по сравнению с тем, что ты уже сделал. Например, погрузить в сон помощника начальника стражи — гораздо меньше, чем его оклеветать, приписывая убийство, которого он не совершал. Дружок, ты не птица, чтобы оттолкнуться от скалы, взмахнуть крыльями и вернуться. Или другой край, или пропасть, — продолжил я с улыбкой.

Фейерверк погас, но, судя по лицу Хвыща, он выбрал другой край.

— Господин Вэйн, я исполню вашу... все же не очень простую просьбу. Вы никогда не отказывали мне в авансе...

Я и правда не отказывал. Взявший деньги надел цепи. Поэтому бросил Хвыщу горстку золотых монет.

— Сосчитаешь сам...

Разговор с гоблином прервался. С резким стуком открылась дверь в приемную. На пороге возник могучий высокий эльф в вышитом золотом плаще.

— Известно всем — я имею право видеть своего сына, когда захочу! — рявкнул он какому-то нерешительному стражу.

Но меня интересовал не отец Лима, а его спутница — женщина, которую он едва ли не волочил за руку. Тоже статная, с девичьей талией, с сиреновой вуалью, закрывавшей лицо. Если бы я не знал, кто она, то принял бы за дочь.

А еще я знал, какую магию применит глава клана, едва увидит сына и незнакомую женщину. Магию, позволяющую мгновенно ответить — были они недавно близки или нет.

Вообще-то, поступить так с дочерью или сыном — всё равно что вампиру выпить родной крови без согласия. Но разгневанный эльфийский сноб ощущал себя самым обиженным существом во вселенной, и мелкие этические предрассудки ничего в этот момент не значили.

Я думал, старейшина эльфийского рода хотя бы кивнет мне походя. Но он видел лишь дверь кабинета. Которую и открыл немедленно. Вошел сам и втащил свою спутницу.

— Закрой приемную, — велел я Хвыщу, уже успевшему убрать деньги в карман. — Зачем посторонним видеть трагическую семейную сцену? И помни всё, что я сказал.

Сам же подошел к двери в кабинет, которую эльф и не подумал закрыть. Мне предстояло услышать и увидеть то, что слаще самой свежей и девственной крови.

Глава 67

Лимеас из рода Остролиста

Я знал, что рано или поздно это случится. Но не ожидал, что так скоро. Еще и в самый неподходящий момент. У меня не было возможности подготовиться и принять меры, отец застал врасплох.

И кажется, я знаю, кого нужно благодарить за такой «подарок». Господин Вэйн не собирался сдаваться и уступать мне женщину, на которую положил глаз.

Лилия... Не знаю, что на меня нашло. Но там, в пещере, я понял: к демонам и людям все предрассудки, я хочу быть с ней всегда. Полукровка? Смесь неизвестных рас, которую никогда не примет мой клан? Плевать. Рядом с ней я чувствую себя живым. Рядом с ней я знаю, что мне прикроют спину и не предадут. Рядом с ней я думаю о детях и не боюсь того, что они не родятся магами. Не в магии счастье, в конце концов.

Но я не ожидал отца так скоро. Не ожидал. И поэтому оказался не готов к удару. Он притащил ко мне в кабинет мать... притащил грубо, безжалостно дергая за тонкую руку, не обращая внимания, что мама с трудом поспевает за его размашистыми быстрыми шагами в своих домашних туфельках и узком по эльфийскому обычаю платье.

— Ты совсем потерял всякий стыд и совесть! — с порога зашипел глава клана, не глядя ни на моего помощника, ни на то, что дверь в приемную осталась полукоткрытой. — Ты! Ублюдок! Я всегда знал, что тебя надо было удавить во младенчестве, но тогда еще был глупо влюблен в твою мать и пошел у нее на поводу!

Я промолчал. Сейчас главное было выиграть время. Но инстинктивно за руку притянул к себе Лилию, молчаливо наблюдавшую за происходящим.

Этот жест не был ошибкой с моей стороны, но появившийся в дверях Вэйн весьма удовлетворенно усмехнулся, когда отец окончательно потерял голову от ярости и прорычал:

— Никогда сын главы клана перворожденных не запятнает себя публичной связью с нечистокровкой! Никогда, слышишь? Выбирай. Или ты сейчас же отошлешь эту... прочь и клянешься больше никогда даже не заговаривать с недостойной, забыть ее имя и жениться на избранной невесте, или... ты больше не наследник! И ты знаешь, что это значит для нее! — Даже в ярости отец не опустился до вульгарного тычка пальцем и лишь бросил в сторону матери испепеляющий взгляд.

Сердце пропустило удар. Меня поставили перед самым жестоким выбором на свете — любимая женщина или мать, и я...

— Лим, — раздался вдруг в кабинете тихий женский голос, и я резко вскинул голову. Мама смотрела на меня и улыбалась, хотя губы ее дрожали. — Не думай обо мне. Я давно готова принять на себя твоё проклятье. Не позволяй ему разрушить и твою жизнь, не слушай его. Стань свободным!

— Замолчи! — Отец резко оттолкнул свою первую жену, и лицо его исказилось от ярости. — Ты такая же тварь... Ты сохнешь с голоду, и мое проклятье не позволит этому отщепенцу подать тебе даже корку хлеба. Не говоря уже о том, чтобы забрать в свой дом. А я выкину тебя на улицу. Там тебя живо подхватит первое же попавшееся отребье, и тебе повезет, если ты умрешь быстро! Так что Высокий лес и алтарь жрецов — это всё, чего ты можешь еще желать от этой жизни! Никто в этом городе не пустит тебя на порог! Все узнают о проклятии!

Он снова обернулся ко мне и прожег взглядом сначала Лилию, а потом и меня самого.

— Она умрет еще до новой луны, и это будет на твоей совести, — уже внешне спокойно произнес он.

— Да вы рехнулись тут все, что ли?! — вдруг громко сказала Лилия и сбросила мою руку со своей талии. — Что за представление вы тут устроили? Взрослые люди, здоровенные мужики, а ведете себя как... Смотреть противно.

Тут она повернулась к тихой тенью присутствующему Вэйну и прищурилась:

— Это было неспортивно, господин вампир. Вы много потеряли в моих глазах.

Вэйн явно хотел что-то ответить, но тут опомнился отец, и меня накрыло неизбежностью...

— Проклинаю кровь твою и чрево, породившее тебя. Отныне ты больше не мой сын, — с явным злорадным удовольствием объявил он, и знак главы на его шее вспыхнул магическим огнем. Развернулся и вышел — Вэйн едва успел отскочить с пути.

А моя мать... исчезла. Я ее больше не видел. Я знал, что она здесь, но больше не мог ни приблизиться, ни коснуться ее, ни помочь, даже заговорить...

— Дурдом на выезде, — констатировала Лилия и погладила меня по плечу, заглянув в глаза. — Хрен ему, козлу неприятному, уж прости мое простонародное желание высказаться. Никто не пустит бедную девочку на порог, да? Как бы не так. Если она не нужна больше в Доме эльфов, значит, нужна мне!

Лилия шагнула мимо остолбеневшего меня в сторону двери и быстро обняла пустоту.

— Не плачь и не бойся, маленькая, — сказала она быстро. — Чушь какая, пришел, поорал, ушел. Плевать нам на проклятья. Тоже мне! Настоящих проклятий он не видел. Пойдем домой, нас там бабушка ждет, она ворчливая, но добрая, и двое несносных мальчишек... Ну и третий сам придет, если захочет. — Она оглянулась на меня и удивленно приподняла бровь. А я стоял, натурально открыв рот.

Мама... она снова стала для меня видима! Ровно с того момента, как эта невозможная женщина обняла ее и пригласила в свой дом. Бывшая первая госпожа эльфийского Дома выглядела не менее ошарашенной, чем я. Мама была совершенно растеряна и смотрела на Лилию испуганно, потом оглянулась на меня, и ее глаза расширились — она тоже смогла меня увидеть, хотя еще минуту назад произнесенное проклятие навсегда отрезало нас друг от друга. Я думал, что навсегда.

Она протянула мне дрожащую руку, и я шагнул навстречу, сжал ее пальцы, замер... а потом просто изо всех сил обнял, как когда-то в далеком детстве. Если и были слезы на моем лице, то они спрятались в густых светлых волосах хрупкой эльфийки.

Не знаю, сколько мы так стояли, но, видимо, долго. Потому что Лилия осторожно потрогала меня за плечо и своим обычным, спокойным и самую малость ироничным тоном заметила:

— Господин начальник стражи, отпустите уже ребенка, вы ее задушите. И вообще, нам пора домой. Девочка устала, перенервничала и явно бог знает сколько времени не ела нормально — вон, уже почти прозрачная.

— Я... — Договорить она мне не позволила.

— А у вас еще дела. С господином помощником, потом с господином вампиром. — Лилия смешно наморщила нос и чуть повела плечом в сторону Вэйна, уже давно устроившегося в свободном кресле с самым непроницаемым видом. Словно маску надел. И это яснее ясного говорило о чувствах, одолевающих моего соперника. — Захотите — навестите нас вечером. А мы пошли. У меня там семья, вообще-то, который день без присмотра и волнуется.

— Я сейчас вам экипаж вызову. Куда вы босиком по улицам? — понимая, что проиграл, улыбнулся я. Приятно, оказывается, иногда проигрывать такому противнику. Не знал.

— Да и дошла бы, не развалилась, что тут идти, — отмахнулась Лилия, но посмотрела на маму, которая, кажется, все еще не пришла в себя до конца, и вздохнула. — Ладно, вызывайте.

Когда через несколько минут они ушли в сопровождении Флесса, я еще успел услышать, как Лилия спрашивает у матери:

— Детка, как тебя зовут? А то неудобно, жить будем вместе, а еще толком не познакомились. Я — Лилия.

И тихий смех матери. Я так много лет его не слышал, а тут... и правда смешно. Моя женщина, похоже, не поняла, кем приходится мне эта тоненькая и действительно очень юная на вид эльфийка. За кого она ее приняла? За сестру? Дочь? Мы ведь похожи внешне.

Шаги стихли, и я резко обернулся к еще одному гостю. Непрошеному. Вампир встал с кресла и тоже явно собирался отправиться восвояси. Возможно, следом за экипажем.

— А вас, господин Рин Корван, я попрошу остаться.

Зеркальная дверца шкафа, в котором хранились кристаллы с записями старых дел и заметками, отразила мою весьма неприятную улыбку.

— Мр-р-ряу, — удовлетворенно сказала Тишина, всю эту невозможную сцену просидевшая тише мыши на шкафу.

Глава 68

Вэйн Рин Корван

Еще вчера утром я был под Городом. Теперь созерцал его сверху, с караванной тропы через восточный перевал. Вид был прекрасный, а для меня еще и последний. По крайней мере, на ближайший год.

По мнению большинства горожан, в том числе своих соплеменников, я покидал Город победителем. По крайней мере, не проигравшим. На заседании Большого Совета со стороны истинного победителя — начальника стражи — в мой адрес не прозвучало ни одного упрека, а только благодарности — например, за помощь в уничтожении гнусного убийцы. И вообще, мы, плечом к плечу, защитили горожан от ужасного зла.

И никто не знал о вчерашнем разговоре в кабинете господина Лимеаса.

Самый противный эльф Города оказался самым хитрым. Самым... С-сволочь такая! Столько лет притворяться честным прямолинейным служакой, дуболомом и простаком! И собирать, по крупинкам, по осколочкам, самый мощный компромат за всю историю городской стражи.

Я сидел в его кабинете и чувствовал себя идиотом, пока этот хитрый змей рассказывал, одним глазом заглядывая в неприметную папочку, сколько у меня в доме рабов, приобретенных вне Торга, а значит, и без оформления. Какие запрещенные ядовитые растения растут в моей усадьбе. Сколько допрошено свидетелей и тайно изъято протоколов из дел давно минувших и самого свежего, когда я «приютил» на территории клана убийцу. Среди мелких, не достойных внимания грешков упоминался и подкуп секретаря стражи.

Случайно или нет, в этот момент в кабинет заглянул мерзкий гоблин Хвыщ.

— Кстати, господин Вэйн ничего тебе не должен? — как бы невзначай спросил еще более мерзкий эльф, которого я недооценил.

— Больше ничего, — ухмыльнулся Хвыщ. — Последние пятьдесят золотых я сдал в канцелярию под расписку, как всегда. Пойдет в фонд сирот, детей погибших стражников.

А я вспомнил, как он совсем недавно выклянчил у меня аванс. Вот... гаденыш. Такие признаки измены надо считать сразу. Неужели я старею?

Пропустить удар сильного, равного противника — неприятно, но не унижительно. Увы, хитроумный старикашка, верный начальнику стражи до своих зеленых костей, нанес мне особо обидный удар. По отдельным словам, по намекам и, главное, по своим умозаключениям я понял — Хвыщ с самого начала был в сговоре с начальником. И похоже, по инициативе коварного эльфа разыграл комедию с обвинением помощника. Тот же до конца игры не посвящал моего нечистокровного соплеменника в интригу.

Каждому вампиру выпадает один и тот же сон: клыки вонзаются в самую желанную шею. А она оказывается каменной, и вместо сладостного вкуса — хруст поломанных зубов. Именно это я и ощутил в ту минуту, когда почти поверженный враг оказался хитрым предусмотрительным победителем. Победителем по праву.

Конечно же, мы договорились, если капитуляцию можно считать договором. Я согласился пообщаться со старейшинами своего клана и убедить их во время Большого Совета полностью одобрить деятельность господина Лимеаса. Судя по единодушию на заседании, за ночь зловредный эльф «поговорил по душам» не только со мной. Все поблагодарили начальника стражи за работу и заодно расширили его полномочия. Ни одна зараза даже не упомянула о том, что за его спиной больше не стоит мощь эльфийского Дома, а ведь еще недавно стервятники только и ждали, когда же своенравный глава ушастых снобов созреет до полноценного изгнания. Многие точили ножи и клыки, и все они разом проглотили горькую пилюлю.

Ну, радуется, что не я один так опростоволосился. Можно утешиться тем, что скользкий ушастый гад оказался по-настоящему серьезным противником, и проиграть ему неприятно. Но не позорно.

Демоны! Лучше бы этот ушастый проныра попытался дать мне в челюсть. Я знал бы, как ему ответить, и еще неизвестно, чем окончился бы поединок. Но...

Лично мне Лим рекомендовал проведать родовые владения — Корванхолл. Именно туда я и направлялся во главе небольшого каравана и вооруженного отряда.

Моя власть в клане по-прежнему беспрекословна. Мой помощник не возразит, даже если я останусь до рассвета на этом перевале. Есть время поразмыслить. Да, досадно... В Городе начались такие

события... и в моем собственном Доме не всё в порядке — исчезли все чистокровные чрева, купленные на последнем Торгу. Я сильно подозреваю, что это как-то связано с госпожой Лилией и с тем, что у гоблинов в их пещерах тщательно скрывааемый переполах. А я уезжаю и буду получать донесения с опозданием. Я справлюсь, просто это лишние сложности.

Но пора в путь.

Я непременно вернусь и, наверное, отомщу. Только пойму, что произошло — как смог обмануть меня этот хитрый эльф. И главное, почему госпожа Лилия выбрала именно его? И почему не подействовало проклятье? Это было... демоны побери, это было эффектно!

Вот только взгляд... Как она на меня посмотрела.

«Это было неспортивно, господин вампир. Вы много потеряли в моих глазах».

М-да. Никогда в жизни я не чувствовал себя так... Ну что же. Это в своем роде еще один урок.

Да, на моих глазах самому коварному эльфу Города досталась самая сильная женщина. Которая так и не стала моей. Сомнительное утешение — предвкушать удивление Лима и шок его бешеного отца, когда они узнают, что Лилия — чистокровка.

Вообще-то, чистокровки живут меньше смесок. Можно было бы позлорадствовать, представляя, как скоро господин начальник стражи будет вынужден увидеть старение своей возлюбленной, а потом и оплакивать ее потерю. Но не хочется.

«Это было неспортивно».

Грязного гоблина ей!.. Теперь эти слова надолго засядут у меня в голове. Госпожа Лилия, госпожа Лилия... Ну какая честность может быть в политических играх? Я еще жить хочу. Но очень жаль, я не понял вовремя, что в делах личных для вас важно другое... И я рад, что вы не постареете и не умрете так же быстро, как ваши соплеменницы.

Да, после пещеры в крови Лилии что-то изменилось, и, предполагаю, ее ждет долгая жизнь. Я достаточно силен, чтобы читать кровь, не прикасаясь к ней устами. Она по-прежнему не маг. Но больше и не «пустышка».

Ну, хоть кому-то повезло в этом мире. А если как следует поразмыслить — то и мне тоже. Жизнь долгая, случиться может много чего, а через год я вернусь. Мы еще встретимся, женщина с цветочным именем и железной душой.

Солнце садится. В путь.

Лилия

— А я виновата, что эти перворожденные, прямоходящие и остроухие до старости выглядят так, словно им еще в школу ходить и ходить? — ворчала я тихонько себе под нос, пока вся бессовестная компания домочадцев угорала надо мной так, что Игги подавился лимонадом и теперь пускал носом пузыри, пока бабушка Му хлопала его по спине. Ничего, пусть веселятся. А то они тут за время моего отсутствия нарыдались и чуть с ума не сошли от беспокойства.

И сама «деточка» тоже сидела в кресле напротив, сотрясаясь от беззвучного смеха. Но ей ладно, простительно. Такое долгое и сильное напряжение надо сбрасывать, я вообще представить себе боюсь, сколько лет несчастная прожила под прессом эльфийской козлятины, чтоб у него все зубы выпали, а один для боли остался.

Дурдом, честное слово, а не другой мир. Сначала обиженные привидения, потом обвал, потом... Ладно, хоть от магии избавилась. Она исчезла вместе с полоумной мстительницей. Не надо мне таких подарков, кому много дано, с того много и спросится. Это же искушение, какого я даже врагу не пожелаю. Ляпну сторяча, например, тому козлу, чтобы один зуб остался — так и будет. И лечи его потом.

Не знаю, правда, только ли я оказалась без магии, или весь мир. То есть те, кто до сего дня колдовал, — и дальше колдуют, но проход на Землю теперь закрыт, и чистой крови взять негде. Так что вполне возможно, пара-тройка поколений — и волшебники останутся только в сказках.

Ну и... ничего страшного, на самом деле. Живут же люди на Земле без всякого колдовства? Неплохо справляются. Здешний народ, думаю, не хуже и не глупее, потихоньку разовьется и пойдет по пути цивилизации. Тем более если волшебство будет исчезать постепенно — смогут подобрать ему замену. Не дураки же местные — и грамотеи у них есть, и просто хорошо соображающие индивидуумы. Стоматологию я вон лично буду поднимать. До высот цивилизации. Может, еще какие-нибудь смежные направления, гигиену например.

И вообще, оно к лучшему. А то все кому не лень проклятиями разбрасываются. Да я там, в кабинете, чуть не прибила этого козла главноэльфийского! Как сдержалась — сама не знаю. Но у Лима и у его... блин... матери такие лица были, будто они не видят друг друга... Короче, важнее было спасать, чем гвоздить распроклятого проклиналища стулом по голове.

Я не знаю, как я это сделала. Может, у них тут как в магии вуду — если заколдованный не верит в ахалай-махалай, то плевать он хотел на булавки в кукле. Вот я пошла и обняла бедную де... женщину, послав все эти магические ритуалы в одно место. И все вдруг поняли про «а что, так можно было?!». И оказалось, что можно. И никакого волшебства, одно голое самовнушение.

Бр-р-р, как вспомню... Главное, всё так хорошо шло. Из пещеры выбрались, эльф меня на руках так и тащил, да и вообще вел себя... отлично он себя вел, мне понравилось. Как мужчина. А когда ехали уже на телеге, прижал к себе и спросил тихо, чтоб вампир не слышал:

— Выйдешь за меня?

— Что, вот так сразу? — тоже шепотом поинтересовалась я, не зная, радоваться или на всякий случай испугаться.

— Да. Я только пару дел улажу — и сразу в храм. Тебе какой больше нравится?

— Ну ты спросил... понятия не имею. А ты уже уверен, что я соглашусь?

— А ты не согласна?

— Тьфу на тебя. Сам выбирай, мне всё равно... в каком храме. Но работу не брошу! И семью! — спохватилась я.

Лим тихо засмеялся и поцеловал меня в макушку.

— Я и не рассчитывал.

— А, ну тогда да, тем более всё равно, какой храм... если вообще нужен какой-то, — хмыкнула я.

И больше мы о свадьбе не разговаривали. Ну потому что и так всё понятно.

Было понятно, пока в Башню стражи не примчался папаша моего эльфа. И вот тут я допетрила, что за дела собирался улаживать Лимеас, только не успел. Благодаря вампиру — поганец настучал. Пакостник. Зачем? Неужели просто из любви к искусству? Нелюбви к начальнику стражи? Или он настолько хотел меня? М-м-м... Верится с трудом. В любом случае — облом ему по всем фронтам.

Я, кстати, даже испугаться не успела, что Лим выберет не меня. И никакой обиды не почувствовала из-за того, что он ненадолго впал в ступор и заколебался. Ничего себе выбор — не женись, или я убью твою... ну, я думала, сестренку, даже, может, дочку. Они похожи.

А оказалось — мать. То есть я взяла и забрала себе будущую свекровь. Еще и деточкой ее называла всю дорогу. Оригинально... но я не жалею. Меня всё устраивает. Да и она не обижается.

Только вот господин начальник стражи чего-то заработался. Прислал записку, чтобы не беспокоились — он постарается уладить все проблемы как можно быстрее и прибеднит обязательно. Вместе с запиской приехал огромный букет белых лилий и коробочка с кольцом. Там бриллиант был такого размера, что я даже хмыкнула про себя — это чтобы я не сомневалась и не сбежала, что ли? В смысле, с таким булыжником на руке точно далеко не убежишь!

Ну а через сутки и сам явился. Усталый, серый от недосыпа, голодный... и такой довольный, словно ему Тишина горшок сливок уступила и он нализался от души, как кошак.

— Я всё уладил, едем в храм, — с порога заявил этот ненормальный. — Немедленно!

А я что?.. В храм так в храм. Что я, замужем не была? Нашел чем пугать!

Глава 69

Я предполагала, что после всех скандалов и нервотрепок свадьба окажется скромненькой, простенькой, бюджетненькой. В очередной раз поняла, кто предполагает, а кто — располагает.

Выяснилось, что прямо-прямо сейчас в храм не поехать — со стороны и жениха, и невесты необходимы свидетели. С Лимеасом оказалось проще, его свидетелем стал Флесс. Моим — бабушка Му. Я подняла ее статус — приобрела еще один листик на руку. Так вот, не подготовившись, не нарядившись и не нарядив меня, эта вредная старушенция ехать отказалась.

Увы, потребовать от бабки соблюдения секретности мне и в голову не пришло. Ну и вот результат: едва я закончила переодеваться, как явилась делегация из Цирюльного ряда. И притащили с собой кучу зевак — всю улицу запрудили. Уже знакомый гном Прыгул преподнес небольшой сундучок, наполненный серебром.

— Вы, госпожа Лилия, на нас не сердчайте. Мы сразу, как увидели вас, поняли, что такую мастерицу поискать — не найдешь. А что ворчали поначалу, так это обычай старый. Явится новый мастер в ряд, так его не то что словами — клещами пощиплют. Мы знаете как все гордимся, такое для нас впервой будет.

Я смогла сдержать смех. Гном прав: пожалуй, впервые в истории Цирюльного ряда зубодер выходит за начальника стражи. Так что ушлые товарищи посовещались и решили подмазать меня превентивно. Ну, я отказываться не стала — вроде как подарок на свадьбу, а мне еще семью кормить и половину дома у Матео выкупать. Он подарить хотел, но нетушки.

Бабушка Му, кстати, сердито проворчала, что могли бы сундук и золотом наполнить. Не абы за кого замуж иду! За самого Отступника, который в последние дни такую троллю маму всем кланам показал, что в городе только об этом и говорят! А эльфы уши себе кусают: он нынче сам по себе, раньше через папашу надавить можно было — а теперь-то шиш! Уф-ф-ф... Терпеть не могу политику, лучше буду думать о делах приятных и насущных.

Игги и Матео получили распоряжение подготовить скромный фуршет в саду. А мы поспешили в храм.

По пути меня не то чтобы мучила совесть. Просто казалось правильным сообщить господину жениху некоторые незнакомые ему факты из собственной биографии. Увы, сделать это было непросто. В экипаже кроме нас ехали бабушка Му и Лина, родительница новобрачного, поэтому я решила отложить сенсации.

Зато обратила внимание на любопытный разговор между бабушкой Му и матерью Лимеаса.

— Почтенная госпожа Лина, слышала я на базаре, что у вампиров, которые великие господа, странная история сотворилась. Кто говорит, что их чистокровицы, на Торге купленные, сбежали, то ли украли их всех разом. Хоть слово правды есть?

— Они исчезли, — ответила будущая свекровь. — Одна из сада, другая из комнаты рукодельниц, а еще одна — с ложа. Какая-то очень сильная магия, и кто применил ее — неизвестно.

Я промолчала, потому что вспоминала. Да, в ту самую минуту, когда я визуализировала дверь, я от всей души пожелала, чтобы похищенные девочки вернулись домой. Не все, конечно, те, кого похитили в предыдущий сезон перехода, полвека назад, уже обжились здесь, а может, и померли. Пусть спасутся жертвы той самой «клиники».

Судя по базарным разговорам, подтвержденным госпожой Линой, волшебство оказалось удачным. Оставила вампиров без чистокровок, ну извините. Интересно, что скажет на это господин Вэйн? А впрочем, нет, не интересно.

Храм оказался скромным изнутри и снаружи. Мы вошли туда только вдвоем, оставив сопровождающих и свидетелей у порога — они уже сходили к алтарю и коснулись нужных камней, подтверждая свое присутствие.

Внутри было много цветов и каменный порог посередине. Лим пояснил, что, стоя на этой мраморной возвышенности, надо повторять клятвы за жрецом, а потом — сделать шаг вперед, взявшись за руки. Вроде как войти в новую жизнь.

Оказалось, что можно и не повторять все слова — просто кивать головами и говорить «да». Ну и пока мы готовились к этой церемонии, я попыталась открыть Лиму интересную правду.

— Раз это дело не началось, в смысле не закончилось, я должна тебе кое-что сказать!

— Что? — заинтересовался жених, но как-то так... спусти рукава. Его явно больше интересовало мое декольте. И мерный речитатив жреца — тот наконец начал церемонию. Ну уф! Не успела. Ничего, всегда можно прерваться, главное — выдать ему правду до того, как всё станет необратимым.

— Я не та, за кого себя выдавала. Если ты узнаешь, может, еще передумаешь на мне жениться, — продолжила я, сердито пихая жениха локтем. Мол, не отвлекайся.

— Не говори глупостей, — шепнул наконец-то посерьезневший Лим. — Не передумаю. Сейчас жрец окончит щебетать, завершит обряд, и ты раскроешь мне все тайны. Пусть даже в твоих предках крокодил из бездонного южного болота, который питался одними эльфами. Я беру тебя в жены, и всё!

Я только вздохнула. Крокодил — оно, конечно... но у меня как бы не покруче. Ладно. Раз он так уверен... а главное, почему-то я в нем так уверена, что ой...

Мы еще покивали жрецу, хором сказали «да» и, держась за руки, шагнули в новую жизнь. И очутились по щиколотку в цветочных лепестках. Хотя я на месте храмового работника, чтобы символизировать будущие семейные будни, разместила бы сковородку с котлетами и кучу нестиранного белья.

— Ну, — сказал Лим, отрывая губы после долгого поцелуя, — теперь твоя тайна.

— Ты помнишь тот день, когда у гоблинов разбежались рабы и весь Город искал чистокровку? Так вот...

— Неудачная шутка, — улыбнулся Лим. — Я дважды проверял тебя, и в первый раз, на площади, и в театре... Ну что смешного я сказал?!

— Ты очень невезучий проверяльщик, — хихикая, пояснила я. — Потом тебе расскажу, в чем секрет... Но я всё же та самая чистокровка. Так что...

— Да какая разница? — сказал Лим. — Я тебя люблю, и всё!

— И я тебя люблю, хотя вовсе не собиралась! — ответила я, вздохнув, и посмотрела мужу в глаза.

— А я думала, что такое никогда не случится, — донесся обиженный голос.

Мы вздрогнули и обернулись. Жрец уже ушел — так тут было принято, а из-под каменного порога вылетело небольшое облачко и попыталось сложиться в женскую, точнее в девичью, фигурку.

«Настырные кошки тоже возвращаются после “брысь!”», — успела подумать я.

Привиденька продолжила:

— Дура ты! Отказалась от такой власти! И от магии. Я не понимаю, почему в результате ты выиграла, но мне ужасно завидно. Сейчас я исчезну. Проклятие разрушено. Глупые рабы станут сильными магами. — Она обиженно надула губы. — А он тебя любит по-настоящему! Почему?!

— Потому что и я люблю его, а не пытаюсь получить над ним власть, — вздохнула я, протянула руку и всё же коснулась Привиденьки. — Не плачь, маленькая. Ты просто была еще совсем девочка и не успела разобраться. Это грустно, но что поделать, так получилось. Попробуй еще раз, у тебя получится.

Призрачная дурочка изумленно распахнула глаза и открыла рот, почувствовав мое прикосновение. От моей руки по серебристому туману, из которого она состояла, пошли волны, и он начал быстро темнеть, уплотняться... и рассыпаться яркими звездочками.

— Спасибо! — пролепетала девочка. А ведь и правда, она ж совсем мелкая, ну лет пятнадцати-шестнадцати на вид, сейчас это стало особенно заметно. — Ты... вы сняли проклятье! И с меня тоже!

Тут она быстро, явно пытаясь успеть, приникла ко мне и прошептала на ухо:

— Ты не всемогущая и не колдунья, но приобрела дар разрушать любые проклятия. И не из-за моей магии, а потому, что не испугалась и защитила мать своего мужа. Прощай, счастливая сестрица.

Призрак исчез. Как мне показалось, с довольным вздохом.

— Неужели существуют дома в четырнадцать этажей? — внезапно спросил слегка ошарашенно молчавший Лим.

— И в сто четырнадцать, — растерянно ответила я.

— Ты жила на четырнадцатом этаже. Ты лечила зубы в огромном доме, где кроме тебя трудились полсотни лекарей и помощников. В том мире у тебя осталась дочь.

— Ты как это узнал? — ответила я с удивленным возмущением.

— Просто на тебя посмотрел, — задумчиво усмехнулся он. — Как интересно. Такое впечатление, что мои магические силы неплохо подросли. Знаешь, дорогая, нам и правда найдется о чем поговорить... когда-нибудь потом. А сейчас я собираюсь заняться гораздо более важным делом!

И поцеловал меня.

Не прошло и года, а я уже много чего добилась. Например, создала небольшую родовспомогательную клинику. Магия магией, пусть она и усилилась и теперь не исчезнет, а даже мои скудные познания в современной гинекологии и акушерстве оказались очень даже нелишними. И вообще, сплав волшебства и моих знаний — это сила. Разумеется, первым пациентом стала я сама. Практически все опасения оказались напрасными — роды, как говорится, были премиум-класса. И хорошо, потому что я детей не планировала, только человек предполагает, а пещера с озером — так ее перетак — располагает. По подсчетам, именно там я и заполучила... любимого сыночка.

Малыш оказался с классическими эльфийскими ушами и привычками едва ли не с четвертого месяца удирать из колыбельки и забираться под стол, диван и прочую мебель. Как он это делал — я никак не могла уяснить, вообще-то дети в этом возрасте едва ползают! Не ребенок, а вундеркинд какой-то, я даже нервничала — слишком быстрое развитие, как мне казалось, могло спровоцировать какую-нибудь патологию, и вообще...

Бабушка Му ворчала на меня, призывая не маяться дурью, растет пацан — и хорошо, называла его Лазик, хотя полное имя нашего с Лимеасом отпрыска звучало по-эльфийски красиво и заковыристо: Лэйзиен. А я подумала — он появился благодаря тому событию в пещере, может, потому такой шустрый? Озеро непростое было.

Искусство заползть под шкаф оказалось не единственным. И я была права — этот маленький Гудини умудрялся сбежать из манежа не только силами младенческих ручек и ножек. Однажды колыбелька с Лазиком начала скользить по полу, будто на невидимых колесах. А когда мы решили проветрить комнату и начался ливень, окно закрыла невидимая рука. Паршивец пользовался магией!

— Мой сын научился колдовать раньше, чем говорить, — гордо заметил Лим, когда ему вечером об этом рассказали. Муж вернулся с работы усталым, но довольным, как всегда. Что сказать, этот эльф оказался гораздо хитрее и предусмотрительнее, чем о нем думали. Он долго готовился, а когда обстоятельства вынудили его действовать раньше намеченного срока — не растерялся и вывернул проигрышную ситуацию наизнанку. И стал такой заметной силой в городе, что кланы притихли.

Но это всё мелочи по сравнению с семейной жизнью. Кстати, мы все переехали в дом, который муж купил на мое имя (хотя я и сняла проклятье с его матери, он всё же решил таким образом перестраховаться). Мы все — это я, Лим, моя свекровь, бабушка Му и Игги. Матео остался в родном доме, хотя жилым там теперь был только второй этаж, а первый мы полностью превратили в клинику. Я радовалась и всё равно вспоминала Катёнка. Скучала, конечно, но на душе было спокойно — я знала, что у дочери всё будет хорошо. Просто знала, и всё.

Когда Лазик исполнилось полгода, счастливый отец отнес сына в Священную рощу, показать самым знатным эльфам. Под конец праздника эльфийские старейшины буквально вытолкали на ораторское место очень недовольного, кислого и хмурого «дедушку» моего сына. За год я не видела его ни разу и особо не горевала. По дошедшим слухам, история с проклятием вышла эльфийскому главе изрядным боком. Мало того, что совет клана не одобрил поспешного решения, в результате которого они потеряли влияние на начальника стражи. Так еще и выяснилось, что сын у отступника родился магом. То есть решение папаша вообще выглядело глупо.

Поэтому бедолага жил затворником и как-то очень быстро и заметно постарел. Взглянув, я сразу поняла, что слухи достоверны. Снятое проклятие может ударить по тому, кто его произнес.

— Родительская воля остается одной из самых значимых ценностей, — начал свою речь старец, — но результат важнее всего. Благодаря стечению обстоятельств, женой моего сына стала чистокровка и...

Договорить он не смог. Из колыбельки вылетела слегка запачканная пеленка, сложилась в воздухе в подобие кляпа и угодила точно в цель. По рядам собравшихся прошел вздох восхищения. Как я поняла, магия телекинеза считалась утраченной у всех народов.

— Это лучше любых слов, — заметила Лина, и все рассмеялись.

В тот день я окончательно поняла, что статус моего мужа изменился и в эльфийской общине, и во всем Городе. Я-то помнила время, когда кресло буквально шаталось под ним и старейшины едва ли не держали пари, когда этот эльф-недотепа уйдет в отставку. Впрочем, это было до того, как мы поженились, именно тогда Лим перестал шифроваться и показал зубы. Но на то, чтобы упрочить положение, ушло больше года.

Теперь полномочия Лимеаса расширились настолько, что он не просто отчитывался перед Большим Советом, а вошел в него как полноправный участник с правом голоса. По моей просьбе муж довольно коварно повернул вопрос недостатка бюджета в сторону увеличения налога на невольников. А потом еще раз. Он был твердо намерен сделать рабовладение невыгодным. Заодно принял меры, чтобы ставших ненужными рабов не выкидывали на улицу, истощив их силы. Я надеюсь дожить до того времени, когда Подземный Торг закроется сам собой, без всяких потрясений и революций. Просто как нерентабельный.

Но думала я об этом не слишком часто — некогда.

Поскольку сразу после свадьбы мы перебрались в новый дом, еще и с хозяйством забот прибавилось. Хорошо, что свекровь, несмотря на тихий характер, оказалась решительной хозяйкой и даже договорилась с Тишиной, чтобы та не заносила дальше порога хорьков и змей, пойманных в саду.

Свекровь с бабушкой Му бодро наводили порядок поперек всего и где попало, одна в доме, другая на участке. Они договорились, какие кустарники и деревья останутся для созерцательных прогулок, а остальную территорию превратили в огород. Сад тоже почистили, так что год спустя змеи в нем уже не водились. Самые тяжелые работы — корчевка пней, борьба с валунами — достались Игги. Он и сам не заметил, как увлекся, и помогал бабке на грядках без понуканий. У парня проснулся родовой дар, и как бы не более сильный, чем у диких огородных предков.

Впрочем, его коммерческий талант никуда не делся. Однажды юноша протянул мне небольшой, но увесистый мешочек.

— Возьмите, госпожа Лилия. Это ваша доля как... как придумщицы.

Я развязала мешочек, наполненный, к моему удивлению, не медяками и даже не сребрениками, а золотом. Не смогла вспомнить, чего же я напридумала на такую сумму, и спросила.

— Вы же помните, как мороженым нас угостили? Я этот секрет продал Коттару, помните того торговца сорняками? Так он всю торговлю — и на вынос, и таверну открыл, где мороженого больше, чем вина покупают. И какого там только нет. И сладкого, и кислого, и с червецами мухи дзыньцы — от них особый щекотный вкус. Гномье есть — фрукты, засахаренные как самоцветы.

— А вампирье — с кровью? — усмехнулась я.

— Конечно! На все вкусы есть! А знаете, госпожа Лилия, какой особый секрет этой торговли? — с заговорщической ухмылкой спросил Игги.

Я заинтересовалась.

— Вы же сами говорили: кто много мороженого ест, у того зубы портятся. А мы секрет этот храним. Если кто мороженое ест и на зубы жалуется, Коттар сразу ваш адрес дает.

У меня чуть не приключилась истерика от смеха. Да-а-а, в самом деле, отличная диагностика: если в зубе незаметная дырочка или с эмалью непорядок — мороженое это выявит на раз-два-три.

— Так держать, Игги, — напутствовала я юного будущего миллионера после того, как рассказала эти зубные нюансы и заверила, что с порчей зубов не всё так быстро и страшно. — Далек пойдешь!

Сама я регулярно ходила в дом Матео — не в гости, а на работу. Юноша продолжал жить на втором этаже, а все помещения первого стали большой стоматологической клиникой. Цирюльный цех вряд ли был на меня обижен: мы и пломбировали, и протезировали, в отличие от обычных зубодеров. Тут тоже постепенно шло совмещение бытовой магии с новейшими знаниями из моего мира. А с цирюльниками договорились, что с простыми случаями они разбираются сами, сложные за процент направляют к нам.

Еще до рождения Лазика я уже ощутила себя главврачом. К нам приходили юные дети

цирюльников с просьбой о трудоустройстве. Каждый стажировался три месяца, после чего или уходил с честной зарплатой в кармане, или оставался. Так появились еще три врача-стажера и две медсестры. Кстати, одна из сестричек положила глаз на Матео, а он ответил взаимностью, только не позволял отлынивать от работы.

Однажды, когда Лазику уже было месяцев восемь, в клинике появился необычный посетитель. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять — с его зубами нет проблем, зато сердце слегка болит. И я знала, кто причина этой боли. Ну... как говорится, прости, мужик, так получилось. Ты сам виноват.

Господин Вэйн немного осунулся, его лицо заострилось, взгляд стал еще жестче и холодней. Такие мужчины притягивают. Если бы не та история с отцом Лима... А хотя нет. Я свой выбор сделала раньше.

— Госпожа Лилия, я прошу принять этот скромный подарок, — сказал он и протянул мне ожерелье из прозрачных кристаллов. Каждый из них сверкал своим цветом.

— Благодарю, господин Вэйн, — ответила я, — но вы понимаете, что подарили мне лишь украшение для дома? Я не появлюсь в вашем подарке на празднике, вместе с мужем.

— Я буду доволен, если вы просто примерите его при мне, — улыбнулся галантный вампир.

То, что проклятий и заговоров на украшении нет, я поняла сразу и исполнила просьбу. Да, вкус у него был, не отнимешь.

— Господин Вэйн, — сказала я с улыбкой, — у меня тоже есть к вам маленькая просьба. Не сомневаюсь, ваше уважение ко мне поможет ее исполнить.

Почти бесстрастное лицо гостя озарилось надеждой. Неужели он не разглядел веселых чертиков в моих глазах?

— Я исполню любую вашу просьбу, уважаемая госпожа Лилия, — поспешно сказал он.

— Отлично. Тогда сядьте, пожалуйста, в это кресло. Наша стажерка Трига еще ни разу не видела челюсть вампира. Живого вампира, а не учебный макет, — уточнила я. — Садитесь, и вы даже не представляете, как я буду вам благодарна.

И взглянула на гостя с выжидательной улыбкой.

На одну секунду лицо Вэйна Рин Корвана отразило несколько эмоций, от разочарования и возмущения до покорности судьбе. Покорность победила, и вампир уселся в кресло.

«А он научился чистить зубы, по моему совету», — удовлетворенно хмыкнула я про себя.

И заодно вдруг подумала, что в нашей замечательной иномирной стоматологической клинике никто не требует от меня санитарной книжки, с которой и началась эта история. С остальным, как выяснилось, я вполне в состоянии справиться!

Кстати, а с других работников свидетельство о полном здравии я буду требовать!

Пы. Сы.

А протез Флессу я всё же сделала, да такой, что помощник начальника стражи вошел в легенды города под именем «Серебряный Клык»!

Эпилог

Он вздрогнул и проснулся. Опять... опять этот сон. Сколько лет он уже снится? Не сосчитать.

Эта женщина. Та, из-за которой он когда-то ушел из дома и стал... тем, кем стал. Красивая? Он так и не разглядел, потому что во сне был туман. Но...

Ее губы. Ее руки. Смех. Они были такими настоящими.

Еще бы!

Лимеас, стараясь не разбудить спящую рядом жену, включил ночник. Едва тлеющего магического светлячка его эльфийским глазам было достаточно, чтобы разглядеть малейшую подробность.

Лилия неслышно дышала, уткнувшись носом в подушку, и светлые спутанные прядки, упавшие на лицо, чуть заметно колыхались от ее дыхания.

Всесильный начальник городской стражи, змей-отступник, успешно провернувший захват власти, жесткий командир и коварный интриган, не смог сдержать переполнявшей его нежности и осторожно прикоснулся губами к теплому женскому плечу.

— М-м-м-м... — сквозь сон промычала жена, переворачиваясь на другой бок. — Правый премоляр еще можно спасти, что за манера сразу удалять?

Лимеас тихонько рассмеялся, укрыл жену получше и опустил на подушки.

Когда-то чужая и далекая, а теперь — самая родная и близкая. По-прежнему женщина-загадка. Видение. Наваждение. Та, которая будет всегда.

Конец!